

ИНСТИТУТ
СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР

FRIEDRICH
EBERT
STIFTUNG

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФОНДА Ф. ЭБЕРТА

Выпуск **18**

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Материалы международной
научно-практической конференции
«Кризис европейской социал-демократии:
причины, формы проявления,
пути преодоления»

Москва, 19 апреля 2010 г.

Редколлегия сборника: *д.и.н. В.Я.Швейцер (отв. редактор),
к.т.н. Б.П.Гуселетов, к.и.н. Н.С.Плевако, д.ф.н. В.Н. Шевченко*

Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». — Москва : Ключ-С, 2010. — 264 с. — (Библиотека Института «Справедливый Мир» : вып. 18).

19 февраля 2010 г. в Институте Европы Российской Академии наук состоялась международная научно-практическая конференция «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути решения». Организаторами конференции помимо ИЕ РАН явились Институт «Справедливый Мир» и московское отделение Фонда Ф.Эберта. Участниками мероприятия стали более 100 человек: научные работники различных институтов Российской Академии наук гуманитарного профиля, профессорско-преподавательский состав столичных вузов, функционеры некоторых политических партий России и ряда стран СНГ, а также представители германской социал-демократии. Всего было заслушано 30 докладов и сообщений, прошла дискуссия по заявленной тематике.

С учетом очевидного общественного интереса к современному состоянию социал-демократического движения Европы, организаторы конференции подготовили предлагаемый читателю сборник, авторы которого не только участники вышеназванной конференции, но также и те, кто по объективным причинам не смог на ней присутствовать.

Содержание сборника в целом соответствует заявленной теме конференции, хотя некоторые статьи затрагивают более широкий круг проблем.

СОДЕРЖАНИЕ

Шмелев Н.П. Вступительное слово	6
Раздел I. Позиции социал-демократии в современном мире	9
<i>Левичев Н.В.</i> Европейская социал-демократическая традиция и развитие политической системы в России (тезисы к размышлению).....	9
<i>Громыко Ал.А.</i> Судьбы левой идеи: угасание или триумф?	17
<i>Загладин Н.В.</i> Кризис социал-демократии или политических идеологий современности?	21
<i>Галкин А.А.</i> Социал-демократия у развилки	26
<i>Орлов Б.С.</i> Европейская социал-демократия в поисках новой идентичности	37
<i>Швейцер В.Я.</i> Кризис доверия: поражение социал-демократии на выборах в Европейский парламент 2009 г.	45
<i>Каринцев О.И.</i> Межфракционная конкуренция в социал-демократических партиях стран ЕС: сравнительный анализ.....	53
<i>Крумм Р.</i> Социальная демократия и социальное государство	63
<i>Храмцов А.Ф.</i> Социальное государство и кризис социал-демократии	66

Раздел II. Социал-демократия в странах Западной Европы	75
<i>Крель К.</i> Кризис германской социал-демократии: пять причин и пять способов его преодоления	75
<i>Любин В.П.</i> Германские социал-демократы: путь к кризису	89
<i>Тимошенкова Е.П.</i> Социал-демократическая партия Германии: от коалиции к оппозиции.....	99
<i>Федоров С.М.</i> Кризис ФСП и его отражение в общественном мнении Франции.....	107
<i>Вялков Ю.А.</i> Демократическая партия Италии: тяжелые роды «социалистического проекта»	113
<i>Данилевич И.В.</i> Испанская социалистическая рабочая партия у власти в условиях кризиса: возможности и пределы антикризисной политики.....	125
<i>Коваль Т.Б.</i> Католики и социалисты в современной Испании: противоречивое сосуществование.....	132
<i>Петрунина О.Е.</i> Социалисты Греции: неудобство власти в разгар кризиса.....	142
<i>Антюшина Н.М.</i> Свет и тени скандинавской социально- политической модели (на примере Дании и Норвегии)	150
<i>Плевако Н.С.</i> Шведская социал-демократия и вызовы времени.....	164
<i>Ткаченко Д.Ю.</i> Исландские левые и финансово- экономический кризис 2008-2010 гг.	171

Раздел III. Становление социал-демократии на посткоммунистическом пространстве	181
<i>Яжборовская И.С.</i> Социал-демократы Центральной и Юго-Восточной Европы: смена парадигмы	181
<i>Бухарин Н.И.</i> Кризис социал-демократической составляющей в польской политике начала XXI века.....	186
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Социал-демократия в Словакии и Чехии: вариантность моделей и политические реалии	197
<i>Шишелина Л.Н.</i> Провал социал-демократии в Венгрии.....	206
<i>Кандель П.Е.</i> Социал-демократия на Балканах и в Юго-Восточной Европе	210
<i>Фурман Е.Д.</i> Социал-демократия: балтийский вариант....	221
<i>Гуселетов Б.П.</i> Становление социал-демократии на европейской части бывшего СССР (начало XXI века).....	231
<i>Бойко С.И.</i> Консервативные аспекты преодоления кризиса российской социал-демократической практики	241
<i>Филиппов А.П.</i> Современная социал-демократия: позиция коммунистов.....	249
<i>Великая Н.М.</i> Эко-социализм в современном политическом дискурсе: глобальная социал-демократия против политики глобализма	254

Академик РАН Н.П. Шмелев*

Вступительное слово

Мониторинг партийного пространства современной Европы является одним из важнейших направлений работы Института Европы Российской Академии наук. Почти десять лет этой тематикой занимается наш Центр партийно-политических исследований. С 2006 г. регулярно собирается экспертное сообщество — межинститутский Научный совет «Партийно-политические системы XXI века». Результатом работы исследователей данного направления европейской политики стали специализированные сборники, выпущенные в серии «Доклады ИЕ РАН» и книжные варианты изданий, посвященных различным «партийным семьям» Старого Света.** Партийная проблематика широко освещается в выходящем многотомном издании нашего Института — серии «Старый Свет — новые времена», в чем можно убедиться, взяв в руки книги, посвященные Великобритании, Франции, Испании, Германии, странам Юго-Восточной Европы, Скандинавии, государствам Бенилюкс и Альпийского региона. Нельзя не упомянуть в связи с тематикой политических партий и отметивший десятилетний юбилей наш журнал «Современная Европа», почти каждый номер которого содержит соответствующие материалы.

Вполне естественно, что вне нашего внимания не остается такая исторически влиятельная сила, как социал-демократия. Еще лет 10 назад о ней говорилось почти в восторженных тонах. Соответствующие партии возглавляли или участвовали в боль-

* Шмелев Николай Петрович, академик РАН, директор Института Европы РАН, председатель Научного Совета «Партийно-политические системы XXI века».

** Правый радикализм как фактор европейской политики. Доклады ИЕ РАН, № 102. М.2002. Европа: партии и выборы. Доклады ИЕ РАН № 125. М.2003. Избирательный процесс в России: национальные особенности и европейский опыт. Доклады ИЕ РАН № 132. М.2004. Европейский парламент. Проблемы и перспективы. М.2004. Европейские левые на рубеже тысячелетий. 2005. Между сепаратизмом и автономией. М.2006. Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. Ч. I, II. Доклады ИЕ РАН № 210, 211. М.2008.

шинстве правительств стран Евросоюза. Экономика не вызывала особых тревог, европейская политика постепенно заживала раны, нанесенные ей югославской трагедией. На горизонте мировой политики не было ни 11 сентября, ни вторжения в Ирак, ни афганской проблемы.

Но в начале XXI века мир и Европа изменились кардинальным, и надо сказать, далеко не лучшим образом. Не буду повторять уже много раз сказанное. Однако очевидно, что сегодня как Евросоюз в целом, так и страны, его составляющие, испытывают трудности, конца и края которым не видно.

Социал-демократы по ряду объективных показателей оказались неспособными не только решать вопросы глобального характера, но даже найти ответы на сугубо национальные проблемы. Отсюда и их электоральные провалы, и уход, в основных европейских государствах, в глухую оппозицию. Да и пребывание в условиях нынешней фазы экономического кризиса у власти также явно не подарок. Правящие социалисты Греции, Испании, Португалии сегодня скорее страдают, чем обретают новые силы перед лицом нерешаемых финансово-экономических проблем. Явно подходит к концу пребывание у власти британских лейбористов, все пророчат им крупное поражение через несколько месяцев на выборах в палату Общин. Практически нет шансов сохранить власть у пока еще правящих в Венгрии местных социалистов. Что-то не видно перспектив на возвращение во власть у социалистов Франции, и социал-демократов Германии. Полная неясность в процессе формирования в Италии социалистической альтернативы правлению С.Берлускони.

Следовательно, вполне назрел серьезный, лишенный политической ангажированности разговор о причинах этой кризисной для социал-демократии ситуации. Именно для выяснения вопросов, куда идет современная социал-демократия и есть ли у нее реальные шансы стать тем, чем она была во времена В.Брандта, Ф.Миттерана, У.Пальме, Б.Крайского, мы собрали столь солидную аудиторию видных экспертов, занимающихся как общими

проблемами современной европеистики, так и страноведческими исследованиями.

Очень рад, что соучредителями нашего форума стали германский Фонд Ф.Эберта — научное подразделение СДПГ — крупнейшей социал-демократической партии Европы и Институт «Современный мир», выполняющий те же функции в партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, претендующей на заполнение социал-демократической ниши на политическом пространстве России.

РАЗДЕЛ I. ПОЗИЦИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н.В.Левичев*

Европейская социал-демократическая традиция и развитие политической системы в России (тезисы к размышлению)

1. О социал-демократической традиции.

Предмет нынешней дискуссии — современное состояние и перспективы развития социал-демократии — имеет для нас не столько теоретическое, сколько практическое и прикладное значение. Ведь СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ уже несколько лет активно сотрудничает с европейскими социалистами и социал-демократами. Налицо как перспективы этого сотрудничества, так и его слабые места.

Как партия, заявившая о социалистических основах нашей идеологии, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью осмыслить как собственный, пока еще небольшой опыт, так и опыт европейских коллег. Ведь западная социал-демократия проделала сложный и противоречивый полуторавековой путь.

Европейские социалистические и социал-демократические партии имеют не просто большую историю, но и успешный опыт пребывания у власти, равно как и работу в оппозиции.

Левые предложили новую идентичность, позволявшую лучше организовать частную жизнь и выступать с проектами социального переустройства. Нельзя отрицать того факта, что появление социал-демократии стало одним из факторов, определившим вектор мирового общественного развития. Это позволяет вслед за Дарендорфом назвать XX век веком социал-демократии.

На рубеже XIX-XX веков российская социал-демократия была включена в общеевропейский политический процесс, и,

* Левичев Николай Владимирович, руководитель фракции СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Государственной Думе Российской Федерации.

безусловно, была частью европейской социалистической семьи. К сожалению, российская социал-демократическая традиция в нашей стране была прервана, и я хорошо помню выражение лица моего преподавателя по истории КПСС, когда он произносил слова «ревизионизм» и «реформизм». Ярлык «ренегатов» так прочно утвердился за социалистами и социал-демократами, что потребовалась реабилитация социализма и социалистической идеи, особенно после развала СССР.

2. О создании СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ.

Многочисленные попытки создать социалистические и социал-демократические партии в период активного партстроительства в России не приводили к серьезным результатам. Я упомяну лишь Партию самоуправления трудящихся (С. Федорова), движение социал-демократов (Г. Попова), Социал-демократическую партию России (М. Горбачева). И дело здесь не только и не столько в отсутствии социальной базы.

Уверен, что недостаточно прикрепить табличку с надписью «социал-демократ» над своей политической квартирой. Для этого нужно концептуальное осмысление тех процессов, которые происходят в обществе и выдвижение адекватного ответа на те вызовы, которые мы имеем.

С удовлетворением могу сказать, что мы стали первой социалистической партией в новейшей истории России, которая вошла в парламент и сформировала собственную фракцию.

Обращу внимание на то, что партия создавалась в ходе объединительного процесса трех партий в октябре 2006 г. Когда мы определили свое место в левой части политического спектра, многим это показалось неожиданным, самонадеянным и заранее обрекающим партию на прозябание. Однако за три года мы сумели объединить девять партий и движений. Очевидно, что произошло это не случайно. Все партии, которые участвовали в объединительном процессе, были партиями социально-ориентированными, что и предопределило социалистическую, социал-демократическую направленность нашей идеологии. При этом мы жестко разделяем

«социализм XXI века» и идеологию КПРФ, пахнущую нафталином и лагерьной пылью.

Сегодня в наших рядах насчитывается 410 тысяч членов. За время, прошедшее с I съезда, численность выросла вдвое. Партия имеет фракции и своих представителей в 67 региональных парламентах. Это говорит о том, что мы нашли свою электоральную нишу. Убежден, что если бы не особенности политического процесса, которые характеризуются «медийным деспотизмом» и административным ресурсом, мы имели бы более высокие результаты. Кстати, в некоторых регионах мы набирали до 20% голосов, побеждали на выборах мэров, например, в Самаре, в городе Волжском Волгоградской области.

3. О кризисе идеологий и партийных систем.

В конце XX века многие исследователи констатировали серьезный кризис, который переживали партийные системы многих стран. Этот кризис проявлялся в падении уровня доверия к политическим партиям, снижении их численности.

Крах СССР, разрушение мировой социалистической системы, с одной стороны, и формирование в Европе государства всеобщего благосостояния на основе сближения либерализма и социализма, с другой, дали основание говорить о снижении роли идеологий в политическом процессе. Действительно, меняются организационные формы партий, «партии большинства» заметно смещаются к центру политического спектра, пытаются стать т.н. «catch-all party», а программы партий-оппонентов все меньше отличаются друг от друга.

Факт остается фактом: европейские социал-демократы продемонстрировали верность принципу «движение — все». Сближение идеологических максим либерализма и социализма меняло фундаментальные основы современного социализма.

Социалисты и социал-демократы, по сути, отказались от классового подхода, пытаются расширить свой электорат за счет других социальных групп. Вместе с тем, сегодня наши европейские коллеги констатируют, что социалистическая риторика не востре-

бована. Отчасти потому, что уровень социальных гарантий и прав в ряде западноевропейских стран уже достаточно высок, отчасти потому, что на повестку дня выдвигаются проблемы регулирования иностранной рабочей силы, места страны в новой международной политической и экономической системе. Как показали различные выборы начала XXI века, избиратели активно поддерживали предложения, выдвинутые правыми, консервативными партиями. Последнее десятилетие стало временем утрат и поражений для многих социал-демократических и социалистических партий и на национальном уровне, и на общеевропейском — на выборах в Европарламент.

В эпоху, когда под угрозой оказались сами ценности, на которых основана современная европейская цивилизация, далеко не каждого может устроить философия малых дел, исповедуемая социал-демократами и “зелеными”. Сошлемся на мнение Сеголен Руаяль в недавнем интервью «El Pais»: “Это парадокс. Идеи социализма, безусловно, доминируют, но большинство голосует за правых. Левые ценности близки народу Европы, и наша задача — перейти от слов к конкретным действиям”. И так думает не только лидер социалистов Франции.

Кризис партийной системы и идеологий, безусловно, присутствует и в России. Однако проблемы, которые стоят перед европейской социал-демократией и российской, разные, особенно если мы говорим о стратегии партии внутри страны, внутри государства.

Если перед европейцами-социалистами стоит задача сохранить свои позиции и вернуть утраченное лидерство, то перед нами возникла задача стать действительно значимым сегментом в политическом спектре России и добиться трансформации политической и экономической системы в направлении, которое мы считаем адекватным существующим вызовам и потребностям страны.

4. О совершенствовании политической системы в России.

Очевидно, что для функционирования любого демократического режима необходима определенная доля социального ра-

венства и справедливости. Мы не отрицаем рынок, ибо рыночная экономика является необходимым условием демократии. Но для эффективного функционирования демократического государства необходимо применение определенных механизмов, сглаживающих негативные эффекты рыночной экономики и дающих гражданам определенные социальные права. Как справедливо отмечал итальянский ученый-социалист Норберто Боббио, отсутствие минимального равенства делает бессмысленными права и свободы.

Выход видится в совмещении традиций либерализма и социализма — либеральных свобод и социальных прав.

Следуя этой логике, большинство внесенных и разрабатываемых нами законопроектов направлены на создание условий для функционирования социального государства. Я имею в виду такие предложения, как переход к прогрессивному налогообложению, расчет всех бюджетов исходя из минимального социального стандарта, а не из прожиточного минимума, совершенствование пенсионного законодательства и доведение уровня пенсии до 65% от последней зарплаты.

Далее, мы последовательно настаиваем на модернизации политической системы. Реализованная концепция доминирующей партии, популярная на всех этапах властной вертикали, все больше расходится с настроениями и положением дел в обществе, где существует запрос на гибкую, лабильную и эффективную власть, находящуюся под контролем гражданского общества, в том числе партий, выражающих интересы разных групп населения.

Неконкурентная многопартийная система с доминирующей партией не способна преодолеть ни ригидность экономики, ни слабость социальной сферы, ни коррупцию, ни политическую апатию населения.

Мы убеждены, что для нормального функционирования современного социального государства нужен эффективный механизм представительства интересов. А именно — конкурентная партийная система, предусматривающая существование в рамках

политико-идеологического спектра трех центров: правого (либерального), центристского и левого (социал-демократического или социалистического), а также чередование во власти представителей этих центров в лице одной или нескольких партий.

Наконец, и здесь очевидна солидарность с нашими европейскими коллегами, мы уверены, что только включение граждан в политический процесс, легитимация общественного мнения при принятии политических решений, расширение практик политического участия, развитие политической культуры являются основными факторами развития демократической политической системы.

5. О взаимоотношениях с Социнтерном, Партией европейских социалистов, социалистическими и социал-демократическими партиями разных стран.

Учитывая системность и включенность социалистического движения в мировую политику, становится понятным наше внимание к международной деятельности. Есть смысл поговорить о сотрудничестве с европейскими партиями.

Успехи нашей партии, которая сразу позиционировала себя как «партия нового социализма», не прошли мимо внимания руководства Социнтерна. Уже в июне 2007 г. Москву посетил Генеральный секретарь Социнтерна Луис Айала, который встретился с Председателем партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ Сергеем Мироновым. Можно сказать, что после этого началось активное развитие и укрепление связей с Социнтерном и входящими в него партиями, прежде всего европейскими.

Члены партии принимали активное участие во многих мероприятиях Социнтерна и Партии европейских социалистов. Сергей Миронов вошел в состав Комиссии Социнтерна по решению вопросов глобального потепления и изменения климата, энергетики и совершенствования системы государственного управления.

Сама партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ вступила в Социнтерн. Наш сегодняшний статус наблюдателей позволяет нам работать в комиссиях и комитетах Социнтерна, принимать участие

в заседаниях его Советов и его Конгрессов. Это хорошая площадка для защиты интересов нашей страны на международном уровне, учитывая, что большинство европейских и латиноамериканских партий составляют политический истеблишмент своих стран.

За последнее время партия провела три международных социалистических форума. Последний — «Устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке — социалистическая стратегия» — собрал представителей 26 социал-демократических партий из 19 стран.

Замечу также, что наша партия 9 апреля 2008 г. подписала Меморандум о взаимопонимании между Политической партией СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ и Партией Европейских Социалистов. Это был не просто первый шаг в установлении контактов между парламентариями, разделяющими сходные идеологические позиции. Это был своеобразный прорыв, который открыл новые возможности для сотрудничества и продемонстрировал перспективы нового формата межпарламентских связей.

Взаимоотношения России и Европейского союза являются сегодня одной из самых актуальных тем для российских и европейских парламентариев. Это сотрудничество важно как для России, так и для Европы, особенно в контексте преодоления мирового финансового кризиса, борьбы с глобальными угрозами.

Не менее важным для нас является и укрепление сотрудничества социалистов и социал-демократов на пространстве СНГ. 9 февраля 2010 г. в Москве состоялся первый Форум социалистических и социал-демократических партий стран СНГ, прошедший под лозунгом «Наша общая цель — справедливость и солидарность». В нем приняли участие представители 14 партий из Армении, Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России и Украины. Итоги Форума подтвердили его актуальность и перспективность.

Добавлю, что роль левых сил в создании новых форм солидарности на самых разных уровнях трудно переоценить — это солидарность партий и движений, общественных и правозащит-

ных организаций, стран и регионов. Это те формы солидарности, которые противостоят идеологии либерализма и индивидуализма, эгоистической политике изоляции тех или иных стран или групп стран. Социал-демократия не отрицает глобализации, исходит из ее благотворности в целом, но подчеркивает необходимость изменения политики неолибералов, в первую очередь на основе более справедливого распределения ресурсов, когда социальная политика интеграции должна быть связана с интеграцией рынков и финансов. Отсюда — такое внимание к проблемам устойчивого развития и экологической безопасности.

Социалистические партии, организации и движения претендуют сегодня на роль главного «субъективного фактора» создания более прогрессивного «посткапиталистического общества», и мы надеемся сказать свое слово в этой борьбе за более справедливое мироустройство.

Ал.А. Громыко*

Судьбы левой идеи: угасание или триумф?

Мы третий год живём в условиях мирового экономического кризиса. В ряде случаев он накладывается на кризисные явления в национальной политической системе. Мало кто спорит с тем, что этот кризис — кризис неолиберальной модели развития. В результате повсеместно приходит осознание необходимости рыночного регулирования, возрождается интерес к понятиям справедливости, солидарности, социальной ответственности и сплочённости. Происходит это и в России, хотя левые и левоцентристские партии здесь еще слишком слабы, чтобы претендовать на власть в государственном масштабе.

Казалось бы, нет более подходящего момента, чем мировой экономический кризис, для усиления влияния левых сил. Так произошло в США, при всей специфике Демократической партии как левоцентристской. В Европе у власти в качестве единолично правящих или в качестве членов правящих коалиций находятся немало партий как социал-демократических, так и социалистических (в Испании, Австрии, Румынии, Греции, Португалии, Словении, Словакии). Не забудем и о том, что помимо Европы у власти левые различных оттенков стоят в большинстве государств Латинской Америки, по которой в последнее десятилетие прокатилась левая волна. Довольно трудно всерьёз говорить о кризисе левой мысли в Китае. И всё же, безусловно, в Европе проблемы у левых есть.

Посмотрим на Великобританию. В 1970-е годы британская рыночная модель развития оказалась чрезмерно зарегулированной и неэффективной. Ответом на это стал неоконсерватизм в обличье тэтчеризма. В 2000-е годы гипертрофированное развитие произошло уже со свободно-рыночными началами в британской

* Громыко Алексей Анатольевич, доктор политических наук, заместитель директора Института Европы РАН, заместитель председателя научного Совета «Партийно-политическая система XXI века».

модели развития. На этот раз логично было бы ожидать эффективного ответа со стороны левых политических сил.

Однако проблема в том, что в 1970-е годы экономические и политические циклы в Британии попали в резонанс, т.е. на излёте послевоенной этатистской социально-экономической модели у власти находились лейбористы (ЛПВ), которые и были дискредитированы неудачными модификациями этой модели. В 1990-е годы очередь расплачиваться за недостатки тэтчеристской неолиберальной модели наступила для консерваторов, и к власти пришли лейбористы под лозунгом борьбы с рыночной ортодоксией.

Но придя к власти в 1997 г., лейбористы не столько сломали эту модель, сколько скорректировали её, стремясь придать ей второе дыхание на десятилетие вперед. Конечно, они проявили себя и как левоцентристская прогрессивная сила, но не в экономической, а в социальной и в конституционной сферах. Их политика была скорее социал-либеральной, чем социал-демократической в традиционном смысле. В 2000-е годы, когда зримо обнажились недостатки свободно-рыночной модели, у власти в Британии по-прежнему находились левые. И на этот раз они оказались дискредитированы неудачами той модели, которая была внедрена в стране в 1980-е годы британскими правыми.

Дело в том, что помимо социально-экономических и выборных циклов существуют идейные циклы. В настоящее время на Западе, безусловно, в силу вошёл левоцентристский идейный цикл. Парадокс в том, что многим левым партиям воспользоваться этим пока не удалось, т.к. восходящая, повышающаяся фаза их выборного цикла пришлось на вторую половину 1990-х годов и сошла на нет к середине 2000-х, а следующая левая волна, можно ожидать, придёт в Европу лишь через несколько лет.

У выборных циклов есть своя логика, не менее сильная, чем логика идейных приливов и отливов. Лейбористы в Британии скорее всего проиграют парламентские выборы в мае 2010 г. не только потому, что они во многом ассоциируются с причина-

ми, которые привели к кризису, но и потому, что они находятся у власти уже более 12 лет, и избиратели от них просто устали. Не случись экономического кризиса, лейбористов всё равно ждало бы поражение.

Допустим, британские лейбористы проиграют по указанным причинам. Но почему же в других ведущих государствах Европы правые у власти не только удержались, но и укрепили свои позиции, например, на парламентских выборах в Германии, на общеевропейских выборах в Европарламент?

Свою роль сыграло всё то же невезение для левых сил с точки зрения выборных циклов. Помимо этого, правые правящие партии, например, в Германии, Франции, для спасения своих экономик быстро перешли к массированному использованию ими же в прошлом отвергнутых кейнсианских методов рыночного регулирования, тем самым перехватив у левых сил инициативу. Также, в отличие от США и Англии, в большинстве европейских стран правые партии никогда не отклонялись так далеко в сторону неолиберализма, здесь не было своих Тэтчер и Рейганов. Здесь не произошло такого разрыва с эпохой послевоенного межпартийного консенсуса, как после 1979 г. в Великобритании. Поэтому европейские избиратели не воспринимают политику левых и правых как альтернативную, а если так, то в трудное время и не стремятся «менять коней на переправе», придерживаясь мнения — «стабильность прежде всего».

Экзистенциального кризиса левоцентристских партий в Европе как социал-демократического движения по большому счёту нет, работают известные законы выборных циклов, хотя отдельные партии и могут пребывать в кризисе как конкретные политические силы. Не пребывает в кризисе и левоцентристская мысль, хотя бы потому, что события последних двух лет предоставили ей благоприятнейшую возможность вновь выйти на первый план, и эту самую мысль во всю используют правые силы.

Конечно, автоматически данная ситуация не приведёт к новой левой волне в Европе. Поэтому левым партиям, в России в том

числе, надо занимать наступательную позицию, доказывать избирателям, что именно они, а не правые, являются убеждёнными противниками неолиберальной модели и глашатаями идей социальной справедливости, быть готовыми к тому, что скоро произойдёт откат в политике правых, особенно неолибералов, и те самые правые партии, которые сейчас проводят в жизнь левоцентристские идеи, после затухания кризиса постараются вернуться к «бизнесу как обычно».

Как хочется верить в то, что кризис сподвигнет и нашу страну к отказу от неолиберальных фантомов, и статья российской Конституции, провозглашающая РФ социальным государством, перестанет быть насмешкой над реальностью.

Н.В. Загладин*

Кризис социал-демократии или политических идеологий современности?

То, что европейская социал-демократия переживает определенные трудности, совершенно очевидно. Причины этого весьма многообразны и разноплановы. Здесь можно упомянуть социальные и социально-психологические сдвиги в обществе, связанные с переходом к информационной стадии его развития, разочарование электората в конкретных действиях лидеров Социнтерна.

Весьма существенным фактором выступала логика процессов глобализации экономической жизни, которая диктовала всем развитым странам принятие более или менее унифицированной модели социально-экономической политики. Ее характер во многом определялся правящими кругами США, обладающими соответствующими рычагами влияния (доминирующее положение американских транснациональных корпораций и банков на мировых рынках, ключевые позиции в МВФ и Всемирном банке, способность навязывать свою позицию союзным странам ОЭСР и т.д.). В условиях, когда в Соединенных Штатах у власти стояли неоконсерваторы, приверженцы ортодоксии свободного рынка и сокращения роли государства в экономике (в первую очередь, за счет свертывания социальных программ), остальные страны Запада, хотя и с определенными модификациями, принимали сходный курс.

Социал-демократы, даже будучи у власти, подчинялись логике требований открытого, глобализированного рынка, что вело к утрате их идейно-политической самобытности. Это открыло им возможности коалиций с правоцентристскими партиями (пример Германии), но не способствовало росту их популярности в среде традиционного, левоцентристского электората, молодежи, кото-

* Загладин Никита Вадимович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

рая начала склоняться на сторону более радикальных и откровенно антисистемных движений.

С началом глобального экономического кризиса ситуация начала меняться в благоприятную для социал-демократии сторону, хотя эффект этих перемен может сказаться не сразу, а, в силу ряда причин, может и вообще не проявиться.

Прежде всего, идеология неоконсервативной (или, как ее порой называют, неолиберальной) ортодоксии начала утрачивать свое влияние. Лидеры многих правоцентристских партий начали выступать за расширение вмешательства государства в экономику, за введение контроля над ранее полностью либерализированной деятельностью ТНК и ТНБ, принятие мер, смягчающих последствия роста безработицы и падения уровня жизни, т.е. за более активную социальную политику. В этих условиях левоцентристские партии, к которым относятся социал-демократы, если они, конечно, своевременно отреагируют на возникшую ситуацию, получают определенный шанс быть востребованными избирателями.

Далее, для европейской социал-демократии благоприятную ситуацию создает победа на выборах 2008 г. в США Демократической партии. Разумеется, идеологически она весьма неоднородна, но не следует забывать, что в годы президентства У. Клинтона всерьез обсуждался вопрос о вступлении демократической партии в Социал-демократический интерн. Б. Обама, судя по всему, не планирует движения в этом направлении. Однако, с одной стороны, США, в ближайшие годы, явно не будут навязывать своим партнерам и союзникам неолиберальную политику, с другой — сами пойдут по пути расширения социальной составляющей внутренней политики (реформа системы здравоохранения — явное тому свидетельство). Соответственно, международные условия для деятельности западноевропейской социал-демократии становятся более благоприятными.

Сложнее обстоит дело с идеологическими основами социал-демократического движения, которые в 1980–1990-е годы претерпели серьезную эрозию. На этом вопросе имеет смысл остановиться несколько подробнее.

Социал-демократическое движение возникло в первые десятилетия XX века как своего рода порождение компромисса между стремлением широких масс населения стран Запада к повышению уровня социальной справедливости и их страхом перед радикальными потрясениями и изменениями в обществе, предлагаемых коммунистами. Успехи СССР и союзных ему стран, достигавшиеся ценой чрезвычайного напряжения сил, репрессий, одновременно восхищали и ужасали трудящихся стран Запада. Социал-демократическая модель постепенного реформирования общественных отношений воспринималась как более продуктивная и приносящая непосредственные плоды. В конце концов, возвышение «среднего класса», создание образцово-показательной «шведской» модели социализма были несомненными заслугами социал-демократии.

Что касается слоя собственников, финансовой олигархии, поддерживающих правоцентристские партии, то политика социал-демократии не вызывала у них симпатий. При этом она долгое время рассматривалась как полезная, позволяющая ограничить деятельность откровенно антисистемных, леворадикальных сил.

Попытка ряда коммунистических партий вытеснить социал-демократию с занимаемых ею идейно-политических позиций, выступая под реформистским флагом «еврокоммунизма» в 1970-е гг. не имела особого успеха, встретила осуждение руководства КПСС.

Крушение советского «эксперимента», подрыв позиций леворадикальных сил в странах Запада, ослабили идейно-политическое влияние социал-демократии. Ее политическая роль «буфера» между правоцентристами и «левыми», пребывающими в состоянии дезорганизации, была утрачена. Самостоятельных, долгосрочных идеологических целей социал-демократия, в общем-то, никогда не предлагала, ориентируя свои программы на решение текущих вопросов. Соответственно, в 1990-е годы — начале нового века она оказалась идеологически ослабленной.

Лидерство в сфере духовной жизни было захвачено сторонниками либерально-рыночной ортодоксии. Они доказывали, что

универсализация ценностей демократии, свободного рынка, свободной конкуренции открывает путь к безграничному прогрессу человечества. Альтернативные идеи — экологически сбалансированного мира, анархизма, неотроцкизма, а также «всемирного исламского халифата», неонационализма и т.д. — в странах Запада носили маргинальный характер, хотя их сторонники, используя информационные технологии, методы террора, порой привлекали к себе значительное внимание.

Именно в этой ситуации социал-демократия начала терять позиции. Следует констатировать, что ее европейские лидеры искали выхода из сложившейся ситуации, действуя несогласованно. В одних случаях предпринималась попытка принять «прагматическую» линию — ориентацию на решение текущих социально-экономических проблем с использованием правоцентристских методов (лейбористы в Великобритании). В других — сближения с «зелеными» (ФРГ), или некоторой радикализации (Франция). Ни один из этих методов не принес успеха, поскольку был связан с утратой «своего лица», которое так пока и не найдено.

Можно предположить, что во втором десятилетии XXI века ситуация для социал-демократии в идейной сфере будет меняться. Она не стала для нее более благоприятной, но ее правоцентристские конкуренты утратили свое превосходство. Как уже отмечалось, глобальный кризис, а также низкая эффективность попыток внедрения демократии в Ираке и Афганистане поставили если еще не в катастрофическое, то в крайне затруднительное положение сторонников правоцентристских воззрений.

Думается, что в современной ситуации правомерно поставить вопрос об универсальном кризисе всех ранее, в XX веке существовавших политических идеологий. Это обеспечивает социал-демократии переход из статуса утрачивающей свою самобытность или «свое лицо» политической силы в равное положение с конкурентами. При таком понимании положения, вопрос о будущем социал-демократии сводится к наличию в ее среде харизматичес-

ких лидеров и талантливых идеологов, способных предложить электорату новые, убедительные для него идеи.

Решить эту задачу непросто, поскольку антикризисные идеи, как показывает практика, способны предлагать и реализовывать и правоцентристские лидеры (пример Н. Саркози во Франции). Кроме того, в социальной сфере возникают проблемы, решение которых может потребовать непопулярных действий. Достаточно упомянуть старение населения в странах Запада, исчерпание ресурсов пенсионных фондов, что требует либо повышения налогов на работающих граждан, либо повышения пенсионного возраста.

Однако сложность решения задачи не означает невозможности найти новые алгоритмы определения стратегических и тактических ориентиров, тем более, что социал-демократы последние десятилетия проявили себя силой, в меньшей степени подверженной догматизму и доктринерству, чем их оппоненты «справа» и «слева». Представляется, что актуальным становится отслеживание новых трендов в идейно-политическом поиске современной западно-европейской социал-демократии. Возможно, что высказываемые ими идеи окажутся полезными и для России.

А.А. Галкин*

Социал-демократия у развилки

Последние годы социал-демократия у нас вроде бы не обделена вниманием. Ученые пишут о ней книги. Политики ссылаются на ее опыт, упоминают в политических речах и документах. К сожалению, в основе всего этого часто лежит поверхностный уровень знаний. Нередко его демонстрируют даже те, кто считает себя приверженцами социал-демократических ценностей.

Толку от этого, естественно, мало. К социал-демократии можно относиться по-разному: поддерживать или отрицать ценности, которые она отстаивает, соглашаться с предлагаемыми ею решениями, или отвергать их. Но не знать сути дела: реальной эволюции, нынешних позиций, социального потенциала и проблем, с которыми сталкивается это важнейшее политическое движение современности, — значит лишать себя важного ориентира при оценке политического процесса как в нашей стране, так и за рубежом.

* * *

Об историческом значении любой политической силы судят, прежде всего, по тому вкладу, который она внесла в общественное развитие. Как же обстоит дело с вкладом социал-демократов?

В *экономической области* внедрение отстаиваемых ею ценностей и борьба ориентированных на них общественных организаций за нормальное воспроизводство рабочей силы обеспечили резкое повышение качества живого труда, как важнейшего условия быстрого поступательного роста общественного производства.

В *социальной области* социал-демократия способствовала ограничению опасного неравенства между верхами и низами в области потребления, жилищных условий, здравоохранения и образования. И хотя это неравенство в различных формах не

* Галкин Александр Абрамович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

исчезло, в том, что касается, по меньшей мере, экономически развитых стран, оно на протяжении десятилетий не выходило за определенные рамки и, следовательно, не угрожало общественным устоям.

Социал-демократия сыграла важнейшую роль в преобразовании урезанной элитарной, цензовой демократии, маскировавшей господство немногих, в *современную массовую демократию*, основанную на всеобщем, равном и тайном избирательном праве. На протяжении всех лет своего существования социал-демократы последовательно и настойчиво боролись за народоправие и демократию. И если теперь во многих экономически развитых странах сложилась эффективная демократическая политическая система, то это должно быть отнесено в немалой степени к заслугам социал-демократов.

Важнейшие элементы *современной культуры*, образующие ее лучшие стороны, апеллирующие к высшей нравственности, сформировались под воздействием не столько либеральной (тем более — праволиберальной) мысли, сколько левых, социал-демократических ценностей. Это же самое можно сказать о современной трактовке прав человека, ссылкой на которые нередко злоупотребляют либералы.

Социал-демократическое движение всегда решительно отстаивало гуманистические принципы в международных отношениях. На протяжении всей своей истории оно было в первых рядах тех, кто выступал против использования силы и угрозы силой на международной арене, осуждал политику захватов, добивался предотвращения военных конфликтов.

И если сейчас социал-демократия оказалась перед набором серьезных проблем, а в ряде случаев и назревающих конфликтных ситуаций, то это стало следствием достаточно весомых объективных обстоятельств.

Как политическая сила, занимающая весомые позиции на левом фланге партийного сектора в странах с демократической формой правления, социал-демократия складывалась, начиная

с последней четверти XIX века. Происходило это далеко не просто с неодинаковым успехом в разных странах. При этом пройденный ею путь состоял из ряда этапов. Для понимания нынешней ситуации наиболее важен тот, который складывался на глазах еще живущих поколений и все очевиднее подходящий к своему завершению. Остановимся на нем подробнее.

Начался он в годы, последовавшие за Второй мировой войной. В это время в очередной раз перед социал-демократическим движением остро встала проблема новой самоидентификации. Этого требовали изменившиеся во многом обстоятельства. Темпы общественных изменений не бывало возросли. Очередной всплеск научно-технической революции серьезно преобразил окружающую действительность. На глазах менялись масштабы общественного производства, создавая возможности потребления, несравнимые с прежними. Вместе с тем возникли и новые сложные проблемы. Углублялось неравенство в условиях существования различных стран и регионов. Появились средства массового уничтожения, грозившие уничтожением всего человеческого сообщества.

Особенно болезненным для социал-демократии было прогрессирующее размывание ее традиционной социальной базы. Еще раньше социал-демократы перестали представлять интересы одних лишь индустриальных рабочих. Тем не менее наемные работники, занятые в промышленном производстве, по-прежнему оставались ее основной опорой. Однако в результате развития общественного производства численность промышленных рабочих начала сокращаться, причем, чем дальше, тем быстрее. Их место стали занимать новые массовые отряды экономически активного населения, занятые как наемным, так и самостоятельным трудом. У них появились свои, специфические интересы, и, следовательно, потребность в политической силе, которая бы их защищала. А это, в свою очередь, требовало от социал-демократов принципиально новых решений.

Немалое значение имел распад колониальной системы. Во вновь образовавшихся независимых странах началось, хотя

и крайне противоречивое, становление политических систем современного типа. В результате там появились политические партии, деклариовавшие свою близость социал-демократам. Тем самым социал-демократическое движение перестало быть преимущественно европейским. И это тоже не могло не сказаться на его позициях по ряду принципиальных вопросов.

Претерпела изменения и общая политическая обстановка. Военное поражение держав фашистской оси внесло серьезные коррективы в расстановку сил различной ориентации в экономически развитых странах. Правые радикалы и ультраконсерваторы потеряли прежние, доминирующие позиции. Коммунистическое движение, укрепившееся на волне антифашистского Сопротивления и авторитета СССР как основной страны-победительницы во Второй мировой войне, после первоначальных успехов начало терять влияние.

Решающее воздействие на тогдашнюю ситуацию стала оказывать сложившаяся и укрепившаяся на протяжении ряда десятилетий позитивная экономическая конъюнктура в развитой части современного мира, позволившая реализовывать социальную политику, учитывающую интересы доминирующей части населения.

В результате в экономически прогрессирующих странах стала складываться своеобразная двухполярная политическая структура. На одном полюсе действовали правоцентристские силы, отстаивающие позиции наиболее состоятельной части граждан, на другом — концентрировались левоцентристы, защищающие интересы основной, менее состоятельной массы. Политический процесс приобрел характер конкуренции этих сил за рычаги власти. Чтобы занять достойное место на левоцентристском пространстве, социал-демократам предстояло самообновиться в духе изменившихся реалий.

Процесс самообновления, как это обычно бывает, протекал в болезненной форме и неравномерно. При этом определились два основных направления. Одно, слывшее традиционалист-

ским, выступало за то, чтобы при всех переменах сохранить основной облик социал-демократии, как представителя интересов социально ущемленной части граждан. Другое — стремилось сбросить груз традиций и приобрести принципиально новый облик — партии всего народа, стоящей выше межгрупповых конфликтов. В различных социал-демократических партиях возобладали разные тенденции или их разное соотношение. При всем этом общее обновление не только произошло, но оказалось весьма глубоким.

Главное содержание происходивших перемен составляло стремление расширить социальную базу за счет новых слоев наемных работников, большая ориентация на социальное партнерство, как форму решения возможных конфликтов между наемными работниками и предпринимателями, а также особое внимание роли гражданского общества как важнейшего инструмента контроля над деятельностью политической власти.

Некоторые отряды социал-демократии в своем стремлении к обновлению продвинулись еще дальше. Наиболее показательной в этом смысле была эволюция той части английских лейбористов, которая поддержала концепцию «нового лейборизма», исходящего из необходимости полного слияния социал-демократических и либеральных ценностей в рамках социального либерализма. «Новый лейборизм» решительно отверг прежнее социал-демократическое положение, согласно которому капитализм может быть впоследствии заменен другой, более совершенной социальной и экономической организацией общества. Главной задачей социал-демократии он считал обеспечение наиболее качественного и квалифицированного управления обществом, которое может быть достигнуто в результате активизации самодеятельности различных групп населения и преодоления болезненного разрыва между обществом и властью (концепция «третьего пути»).

На протяжении 90-х годов предпринимались интенсивные попытки распространить идеи «нового лейборизма» за пределы

Великобритании. Однако в других социал-демократических партиях, в том числе прочно вставших на пути обновления, взгляды «новых лейбористов» не нашли единодушной поддержки.

Во всяком случае, при всех сложностях, о которых шла речь выше, процесс обновления пошел социал-демократии на пользу. В большинстве стран Западной Европы они превратились в ведущую политическую силу. После развала Советского Союза и мировой социалистической системы социал-демократы прочно утвердились в Восточной и Юго-Восточной Европе, а также в ряде государств, возникших на постсоветском пространстве. Социал-демократические партии укоренились в ряде развивающихся стран.

Тем временем ситуация в мире продолжала меняться. И груз противоречий, накопившийся в этой связи, оказался весьма весомым. Кратко напомним о наиболее важных.

Человечество пребывает сейчас на пороге острейших экологических потрясений. Окружающая среда не выдерживает оказываемого на нее воздействия, обусловленного демографическим давлением, издержками индустриализации, нерачительным потреблением природных ресурсов.

Многие серьезные противоречия порождены нынешней моделью глобализации. На протяжении ряда лет считалось «хорошим тоном» концентрировать внимание на позитивных сторонах этой модели: на выгодах территориального разделения труда, возросшего обмена технологическими новациями, расширения и углубления емкости товарных рынков и т.д. Названные выгоды действительно впечатляли. Это, однако, не давало оснований замалчивать тяжелейшие последствия связанной с глобализацией переструктуровки мирового народного хозяйства. Она породила не только удачливых игроков, но и их жертвы. Причем доля последних, как правило, значительно выше. А непосредственные тяготы проигрыша легли тяжким грузом на плечи социально и политически незащищенных массовых групп населения

Глобализация внесла заметные коррективы в функции национального государства. Ранее оно располагало самыми широкими возможностями регулирования всех сторон жизнедеятельности общества: экономики, социальных и политических отношений, духовной сферы. Теперь регулятивные возможности государства на его собственной территории подверглись ограничению. А это повлекло за собой не только выгоды, но и существенные издержки.

В ходе глобализации четко проявилось противоречие между возросшей степенью взаимозависимости элементов миропорядка, с одной стороны, и нарастанием дестабилизирующих воздействий на него, с другой. Взаимозависимость интенсивно подпитывается глобализационным развитием, а дестабилизация — углублением разрыва в условиях существования экономически развитых и отстающих государств, застрявшей переструктуровкой межгосударственных отношений, амортизацией многих принятых прежде договорных документов, возросшей ориентацией правящих элит и части общественности ряда стран на силовое давление как фактор, обеспечивающий международный порядок, все более очевидной объективной неизбежностью распространения не поддающихся контролю средств массового уничтожения. Одним из следствий дестабилизации миропорядка стало резкое падение роли и эффективности международных институтов. Это существенно увеличило опасность перерастания межгосударственных и даже внутригосударственных конфликтов в силовые столкновения, таящие угрозу всеобщей катастрофы.

Дестабилизации миропорядка способствовали и некоторые аспекты того, что принято называть сейчас новым витком контакта цивилизаций. Человечество не единообразно, и это, безусловно, одно из его преимуществ. Однако сосуществование сообществ с разными культурами, традициями, образом жизни, ценностными установками, конфессиональной приверженностью чревато серьезными сложностями. Естественно, что

на разных этапах они проявляются по-разному. В отличие от прежних времен, когда взаимоотношения цивилизаций реализовались, как правило, в «точечной», элитарной форме, сейчас они приобрели массовый характер. Сегодня многие развитые страны столкнулись с этой проблемой на практическом уровне. Некоторые международные конфликты, обусловленные возросшей активностью террористов и пиратов, стали, мало-помалу, приобретать черты межконфессиональных столкновений. Свой специфический вклад в межкультурные отношения внесла интенсификация нарастающих иммиграционных потоков, в результате которой проблема контакта цивилизаций приобрела для ряда стран конфликтный внутрисполитический характер.

Негативное воздействие перечисленных выше проблем и конфликтов могло быть своевременно минимизировано, если бы их значение и опасность были своевременно распознаны и осмыслены, если бы за этим последовали объединенные действия если не глобального, то, по меньшей мере, регионального характера, если бы в системе ценностей человеческого сообщества стало доминировать осознание общего интереса. В действительности же развитие пошло в противоположном направлении. Технологический и производственный прогресс последних десятилетий на большей части планеты во многих случаях сопровождался общественным регрессом, освященным, доминировавшей некоонсервативной (неолиберальной) идеологией, поднимавшей на щит в качестве основополагающих ценностей индивидуализм и потребительство.

Влияние насыщенного конфликтами событийного фона на общественное сознание, было неоднозначным. Многое зависело (и зависит) от уровня развития стран, от специфики их интересов, от систем ценностей тех или иных социальных групп. Вместе с тем, он создавал своеобразную психологическую атмосферу, отличительными чертами которой стали ощущение неустроенности, неуверенности, незащищенности, недовольства сложив-

шимися условиями жизни, тем, как действуют общественные и политические институты, как они решают (или не решают) возникающие проблемы. Сложившееся на этой основе массовое сознание не всегда воплощалось в протестное поведение и реализовалось, чаще всего, лишь в виде отдельных всплесков. Однако потенциальная готовность к такому воплощению со временем возрастала. Вопрос заключался лишь в том, какой силы должен быть импульс, который придаст бы этому процессу дополнительный динамизм.

Новые острые проблемы поставил перед социал-демократией мировой экономический кризис, разразившийся в полную силу в 2008-2010 гг.

Мы, по сути, имеем дело сразу с четырьмя кризисами. Возникнув почти одновременно, они своеобразно наложились друг на друга. Их взаимодействие, сказавшись, как на характере кризисных процессов, так и на их протекании, существенно смазало общую картину происходящего, нарушив ее сходство с моделями, описанными в учебниках, по которым усваивало экономику большинство нынешних экспертов-экономистов.

О каких кризисах следует вести речь?

Во-первых, об обычном, очередном циклическом кризисе, который назревал уже длительное время и несколько задержался ввиду ряда обстоятельств. О том, как и почему возникают такие кризисы, знают (или, по меньшей мере, должны знать) уже студенты первых курсов гуманитарных факультетов.

Во-вторых, о кризисе, отражающем экономические перемены более фундаментального характера, обусловленные назревшей сменой техники и технологий, порожденной научно-технологическим развитием (особенно в тех случаях, когда оно приобретает такое ускорение, что его определяют как научно-технологическую революцию). Экономисты обычно именуют такие перемены кондратьевскими циклами.

В-третьих, о кризисе, обусловленном специфическим развитием мировой экономики в рамках утвердившейся в последние

десятилетия модели глобализации и последствиями так называемой информационной революции. Оба эти обстоятельства способствовали тому, что финансовый сегмент мировой экономической системы, призванный, в первую очередь, обслуживать ее стержень, не только глобализировался в значительно большей степени, чем экономика в целом, но и «ушел в самостоятельное плавание», оторвавшись от ее материальной основы. Иными словами, наряду с реальной, возникла иная, виртуальная экономика, которая лишь частично работает на первую. Более того: руководствуясь собственными интересами, она то и дело вступает с ней в конкуренцию. Очевидно, что такая ситуация не могла не вызвать череды кризисов, что и произошло, в частности, в рассматриваемом случае.

Наконец, в-четвертых, о назревавшем на протяжении ряда послевоенных десятилетий ценностном кризисе — одном из тех, которые обычно являются продуктом смены глубинной парадигмы развития человеческого общества, при которой материальные факторы при всей их значимости отступают на второй план по сравнению с нематериальными.

В этих условиях становится все более очевидным, что ответы на перемены, сформулированные социал-демократией в первые послевоенные десятилетия, теряют (или даже потеряли) прежнюю действенную силу.

Неудачи ряда социал-демократических партии Западной Европы на парламентских выборах в первое десятилетие XXI века уже заставили их задуматься над тем, насколько оправдан их отказ от проведения политики, принципиально отличающейся от той, которую отстаивают партии правоцентристского толка. Не приведет ли это к потере поддержки социал-демократии традиционной и все еще многочисленной социальной группой, которую составляют промышленные рабочие и социально ущемленные слои населения? И вообще, возможно ли нормальное общественное развитие при отсутствии четко сформулированной альтернативы происходящему?

Очевидно, что при сложившихся обстоятельствах перед международным социал-демократическим движением сейчас вновь во всей остроте встает вопрос об очередном переосмыслении не просто отдельных аспектов проводимой политики, но и основ прежней стратегии и тактики. От того, когда и как она это сделает, в решающей степени зависят ее дальнейшие судьбы как влиятельной идеологической и политической силы.

Б.С. Орлов*

Европейская социал-демократия в поисках новой идентичности

В ходе мирового экономического и финансового кризиса, помимо прочего, разрешался спор между двумя основными подходами — неолибералов, сторонников разрешения проблем сугубо рыночными методами, и социал-демократов, исходящих из необходимости государственного регулирования рыночными процессами. Спор решился в пользу социал-демократов: государству пришлось спасти тонущую экономику и в главной цитадели неолиберализма — в Соединенных Штатах, и в странах Европы, где неолиберальные подходы перемежаются с государственным регулированием.

Казалось бы, в тяжелые минуты подтвердилась правота социал-демократов: «Мы же говорили, чем кончатся все эти неолиберальные игры!» И отсюда вероятная растущая поддержка населением тех, кто предвидел возможные последствия нагрянувшего кризиса. Но не тут-то было. Те, кто еще вчера размахивал неолиберальными знаменами, ринулись к рычагам государственного регулирования, как бы не замечая, что заимствуют методы у своих оппонентов, и даже не извиняясь перед ними. И все это при поддержке значительной части населения.

Особенно наглядно это проявилось в Германии, где после выборов в Бундестаг в 2005 г. была создана Большая коалиция христианских демократов и социал-демократов. Все четыре года до следующих выборов в 2009 г. коалиция проводила, особенно в период кризиса, фактически социал-демократическую политику. При этом в руках социал-демократов был «кошелек» (министерство финансов), портфель министра иностранных дел, ряд других министерских постов.

* Орлов Борис Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

В пользу социал-демократов был и личностный фактор. В предвыборной дуэли Ангелы Меркель и Франца Вальтера Штайнмайера симпатии телезрителей были на стороне кандидата в канцлеры от социал-демократов.

Но вот наступил месяц выборов — сентябрь. «Черный сентябрь» для социал-демократов, ибо СДПГ собрала на них самое меньшее за всю свою послевоенную историю число голосов избирателей — 23%. Однако горечь поражения испытали не только германские социал-демократы. На выборах в Европейский парламент 4-7 июня 2009 г. партии правой ориентации значительно опередили левых во многих странах ЕС. Особенно пострадали английские лейбористы. Они получили всего 15,3%. А ведь именно в период их нахождения у власти — 11 лет — Великобритания успешно развивалась в экономическом отношении.

В чем тут дело? У каждой из партий социал-демократического толка свои причины. Последние годы СДПГ, например, сотрясают внутрипартийные кризисы. За короткий период сменилось 6 председателей партии. Более того, один из председателей партии Оскар Лафонтен покинул свой пост и создал собственную партию, назвав её Левой, которая на выборах в бундестаг в 2009 г. прошла в парламент, преодолев 5-процентный барьер в основном за счет бывших избирателей СДПГ.

Своеобразная ситуация в Лейбористской партии Великобритании. После 18 лет нахождения в оппозиции, преодолев господствовавший у значительной части населения «тэтчеристский» настрой, лейбористов привел к власти гибкий и дальновидный политик Тони Блэр. Проводимая его правительством политика стабилизировала экономическое положение страны. Великобритания повернулась лицом к Европе. Казалось бы, радоваться членам партии, что у неё такой опытный лидер. Но нет, со временем стали раздаваться голоса, что, мол, засиделся Тони в своем партийном кресле. Слишком подыгрывает американцам. Возникли трения и с заместителем Гордоном Брауном. В результате Блэр ушел с поста председателя партии. А

теперь вот раздаются голоса недовольства в адрес сменившего его Брауна.

Но внутрипартийные проблемы — лишь надводная часть айсберга, именуемого социал-демократическим движением. Его значение, его вес, его влияние, его авторитет зависят от того, как оно представляет себе общественный процесс, чьи интересы отражает, каким видит будущее общества как такового, какие способы предлагает для решения возникающих проблем? Иными словами, каков образ современной социал-демократии в восприятии общества?

И демократический социализм, и социальная демократия подразумевают реализацию демократическими методами и в условиях демократии основных ценностей социал-демократии — свободы, справедливости, солидарности. Однако с точки зрения идентичности социал-демократии в восприятии человека, не посвященного в теоретические тонкости, такое раздвоение в объяснении сути того, к чему стремится социал-демократическое движение, вызывает определенные трудности. Если по-простому, то вопрос далекого от политики человека, обращенный к представителю социал-демократической партии, может выглядеть так: «Так вы за социализм, в конце концов, или как?»

Такой вопрос сегодня уже не может быть задан представителям партии австрийских социал-демократов, кстати, одной из старейших в Европе и известной своими оригинальными теоретическими подходами, к примеру, разработкой теории австромарксизма. Так вот, эта партия, которая в момент своего становления называла себя социал-демократической, после Второй мировой войны переименовала название — стала Социалистической, а в 1991 г. вернулась к прежнему названию — Социал-демократическая. В своей последней программе (1998) социализм вообще не упомянут. В первом разделе, озаглавленном «Новые вызовы — новые подходы к решению проблем» записано: «Мы, социал-демократки и социал-демократы, чувствуем себя связанными с идеалами гуманного, демократического и справедливого общества». Что это

за идеалы? «Мы стремимся к обществу, в котором преодолены классовые противоречия, в котором проблемы мирно решаются, и в котором человеческие личности могут развивать свои способности, будучи освобожденными от страха и нужды».

В программе рассматриваются основные ценности социал-демократов, и наряду с ценностью «справедливость» упомянута ценность «равенство», чего, кстати, нет в программе германских социал-демократов. И здесь снова повторяется вывод: австрийские социал-демократы «стремятся к обществу, в котором может развить себя человеческая личность». Полагаю, что многие современные либералы вполне могли бы согласиться с таким выводом.

Но дело ведь не только в терминах, но прежде всего в их содержании. В программе германских социал-демократов, принятой в 2007 г. на съезде в Гамбурге, теме демократического социализма посвящен небольшой раздел. Посмотрим, как в СДПГ сегодня рассматривается сущность социализма: «Наша история отмечена воздействием идеи демократического социализма — общества свободных и равных, в котором осуществляются наши основные ценности. Эта идея требует такого экономического, государственного и общественного строя, в котором для всех людей гарантированы основные гражданские, политические, социальные и экономические права, и все люди могут вести жизнь без эксплуатации, угнетения и насилия, т.е. в условиях социальной и человеческой безопасности».

Но как отнестись к тому опыту социалистического строительства, который осуществлялся в СССР и ряде других стран и который чисто словесно перекликается с тезисами Гамбургской программы? Разъяснение в Гамбургской программе: «Конец государственного социализма советского типа не опроверг идеи демократического социализма, а наглядным образом подтвердил ориентацию социал-демократии на основные ценности. Демократический социализм остается для неё представлением о свободном, справедливом, солидарном обществе, осуществление которого является для нас основной задачей».

Последний абзац как бы повторяет позицию в данном вопросе Годесбергской программы 1959 г. Но как быть с демократическим социализмом как с конкретным общественным строем, упомянутом в первом абзаце? К примеру, со свободным использованием экономических прав при этом строе? Может ли человек обладать частной собственностью? И вступить в рыночные отношения с другими владельцами частной собственности? И можно ли рассматривать использование наемного труда на частных предприятиях как эксплуатацию? Все эти вопросы сводятся к главному: может ли быть экономическая система при социализме более эффективной, чем рыночная? Пока что убедительного ответа на этот коренной вопрос не существует. Как правило, все сводится к критике недостатков «турбулентного капитализма», кстати, вполне оправданной. Но нет ответа на вопрос, как он может быть принципиально изменен.

Если судить по дискуссии в СДПГ, проходившей перед принятием Гамбургской программы, то обсуждению проблемы демократического социализма уделялось мало внимания. Как представляется, небольшой раздел, посвященный этой теме, помещен по требованию представителей левого крыла в этой партии, особенно её молодежной организации, которая, заметим, носит название не «молодые социал-демократы», а «молодые социалисты в СДПГ». Уже эта разница в названиях партии и её молодежной организации — еще одно указание на сложность осмысления идентичности даже в рамках одной партии.

В этом — одна из главных причин, по которым Оскар Лафонтен покинул пост председателя партии, удалился в свой родной Саарбрюккен, сначала написал книжку с многозначительным названием «Сердце бьется слева», а потом принялся за создание партии, дав ей название Левая и обозначив в её установочных документах социализм как главную цель деятельности.

Между тем партия, которую покинул Лафонтен, продолжала вырабатывать свои подходы к существующим проблемам сначала в роли правящей партии, затем младшего партнера по Большой

коалиции, оставаясь при этом в рамках главного ориентира и главного принципа деятельности, именуемого «социальной демократией».

Сегодня не слышно влиятельного голоса Социалистического Интернационала. В своих документах он склонен просматривать происходящие в мире события преимущественно с позиций членов партий Латинской Америки, партий других развивающихся стран. Вспомним, что в свое время Вилли Брандт настаивал на расширении состава Социнтерна за счет партий из этих стран. Он активно поддерживал инициативу о регулярном выделении из ВВП промышленно развитых стран определенной доли в помощь развивающимся странам. Но любое благое намерение проверяется многолетней практикой. Конкретный пример. Выделяемая помощь во многих развивающихся странах, как правило, не идет на формирование собственной жизнеспособной инфраструктуры, дающей населению занятие, образование, культуру. Вместе с тем такая помощь позволяет населению существовать по-минимуму и рожать большое количество детей. Куда эти дети, повзрослев, направляются, не найдя применения у себя дома? Конечно, в ту же Европу.

Из этого обстоятельства вытекает как продолжение другая проблема. Мало того, что число иммигрантов в странах Европы стремительно возрастает — как отмечают эксперты, в новых для себя странах они консервируют внутри себя религию, культуру, права и обычаи своей родины. Более того, именно из второго, третьего поколения иммигрантов появляются группы радикальных террористов. Социал-демократы, словно не замечая всего этого, продолжают настаивать на принципе многокультурности, полагая, что произойдет взаимное обогащение разных культур. Но этого не происходит, и по-своему на реальную ситуацию реагируют праворадикальные, экстремистские группировки. Более того, они уже представлены в Европарламенте.

Не ясно ли, что с учетом всех этих обстоятельств нужны принципиально новые подходы и к осмыслению политики помощи

развивающимся странам, и к взаимоотношениям между иммигрантами и коренным населением в странах Европы. На повестке дня нестандартное, не отягощенное старыми догмами видение происходящего, которое и будет определять новую идентичность социал-демократии.

Что, в конце концов, должно вдохновлять социал-демократов? Какое «видение»? Перспектива социализма? Социальной демократии? «Третьего пути»? Какое «пламя воодушевления», прибегая к тезису Ж.Жореса, должно определять поступки сторонников социал-демократии сегодня, включая её руководство? В чем смысл социал-демократической солидарности? В рамках партии? В отношениях между партиями? На общемировом уровне? В рамках её международной организации?

Часто приводят высказывание Ральфа Дарендорфа относительно роли социал-демократии в XX веке. Но обычно не цитируют продолжение высказывания, согласно которому социал-демократия, выполнив свою социальную роль в XX веке, в следующем веке сойдет со сцены, исчерпав свое предназначение. На это серьезное предостережение должны быть найдены серьезные ответы. В той или иной степени социальное государство стало ныне общим явлением. Как общими стали либеральнее принципы, которые разрабатывались еще в XIX веке.

Из анализа видно, что европейская социал-демократия переживает трудные, если не сказать критические времена. Но на моей памяти её хоронили неоднократно, а она все оживала и даже приходила к власти в большинстве стран Европы, о чем её предвзятые могильщики предпочитали помалкивать. Причина такой живучести — она отвечает потребностям общества. В условиях жестких реалий рыночной экономики социал-демократия брала на себя непростую роль — обеспечивать динамизм экономики и одновременно стараться решать возникающие социальные проблемы, создавать в обществе обстановку гуманной солидарности. Однако при нарастающей глобализации, прежде всего в области экономики, затрагивающей все мировое сообщество, выстраивать

гармоничный баланс между экономической эффективностью и развитой социальностью становится все труднее. Здесь нужна и широкая поддержка снизу, и значительный приток в социал-демократическое движение интеллектуальных сил, способных предлагать решение уже на уровне экономической, социальной и экологической «высшей математики».

Как все будет обстоять на самом деле, покажет время. Но очевидно одно: мировое сообщество, оказавшись в обстановке нарастающей глобализации, нуждается именно в таком подходе. Стихийными демонстрациями со стучением ложками по пустым кастрюлькам тут не обойдешься. Необходимо соединение мощного интеллектуального потенциала с идеей, воодушевляющей и объединяющей широкие слои населения по всей планете. Точно так же, как жителей США воодушевляет «американская мечта», хотя никто толком не знает, что это такое, нужна некая «планетарная мечта». В свое время на эту роль претендовала социалистическая идея. Убедившись, как она претворялась в жизнь в странах бывшего Восточного блока, европейские социал-демократы фактически отказались от неё, не объявляя об этом официально. Что взамен? Вопрос открытый. Одним призывом к «хорошему капитализму» не обойтись.

В.Я. Швейцер*

Кризис доверия: поражение социал-демократии на выборах в Европейский парламент 2009 г.

В демократических государствах выборы являются главным, хотя и не единственным показателем влияния той или иной политической силы. Именно от их исхода зависит процесс формирования органов законодательной и исполнительной власти, возможность реализации программно фиксированных партийных установок. При этом каждый вид выборов имеет свою специфику, отражая заинтересованность избирателей в решении общенациональных, региональных, либо местных проблем.

В связи с этим особое значение имеют происходящие регулярно, раз в пять лет, в одни и те же сроки (начало июня) выборы в Европейский парламент (ЕП). По их итогам можно составить наиболее объективную картину общеевропейских партийно-политических тенденций. Здесь представляют свои программы и ведут активную предвыборную агитацию одновременно все сколько-нибудь заметные политические течения Европы. Формат этих выборов, хотя и предполагает в качестве доминанты партийного видения, прежде всего, задачи, стоящие перед Евросоюзом (ЕС), фактически охватывает широкий круг вопросов внутренней государственной политики. Отсюда и вполне сложившаяся оценка их формата как промежуточных национальных выборов. Отметим, что выборы в ЕП менее популярны, чем волеизъявление по поводу представительства в национальных парламентах, и собирают к урнам для голосования в 1,5-2 раза меньше избирателей.

Согласно социологическим опросам определенную пассивность проявляет именно электорат правящих партий, полагающий, что вердикт доверия вынесен им на национальных выборах. Кроме того, на евровыборах подчас заявляют о себе партии

* Швейцер Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН, заместитель председателя Научного Совета «Партийно-политические системы XX века».

«евроскептиков», отрицающих ЕС как таковой, либо считающих его нынешнюю конструкцию крайне несовершенной. Однако эти особенности выборов в ЕП отнюдь не умаляют их значения как ориентира общеевропейских настроений, а тенденции странового голосования по кандидатурам европарламентариев практически не расходятся с результатами ближайших выборов в национальные органы законодательной власти.

Выборы июня 2009 г. подтвердили уже наметившуюся на выборах в ЕП в 1999 и 2004 гг. тенденцию снижения электоральной поддержки социал-демократии, причем как относительно собственных результатов, так и относительно показателей их главных конкурентов на европейской арене — демохристиан и консерваторов. Для социал-демократов и социалистов 15 стран-старожилов ЕС (Е-15) процент поддержки уменьшился с 27,9% (2004 г.) до 22,1% (2009 г.). Разрыв между демохристианами — консерваторами и социал-реформаторами увеличился с 10% в 2004 г. до 14% в 2009 г. И хотя на выборах минувшего года отчетливо проявилась тенденция понижения рейтинга всех правящих партий, однако социал-реформаторов она коснулась в значительно большей степени, чем их основных политических конкурентов.

Сокрушительное поражение в сравнении с результатами 2004 г. потерпели однопартийно правящие партии социал-демократической направленности в Португалии (–13,4%), Великобритании (–12%) и Испании (–3,7%). Не лучше обстоит дело в Австрии (–5,9%), где социал-демократы возглавляют коалиционный кабинет. Да и будучи «младшими партнерами» в связке с демохристианами-консерваторами, социалисты практически вчистую проиграли им евровыборы: Германия (–17,1%), Люксембург (–12,4%), Нидерланды (–7,8%), Бельгия (–7,7%). Не извлекли они выгоды и из положения оппозиции, которая традиционно получает лишний шанс обойти правящие партии. Во Франции соответствующий показатель равнялся –11,2%, в Италии –8,4%, в Финляндии –5,7%. Некоторым утешением социалистам и социал-демократам были итоги евровыборов в Греции (+4,4%). Обошли они партии кон-

сервативной направленности в Дании (+8,2%) и Швеции (+1,1%). Однако здесь исторически основными противниками местной социал-демократии являются партии либерального толка. В Ирландии местные лейбористы также несколько опережают либералов (+2,5%), однако далеко позади консерваторов (–15,2%).

Общий итог выборов в Е-15, если использовать спортивную терминологию, составил 12:3 в пользу демохристиан-консерваторов. Не лучше обстояло дело и в группе новичков Евросоюза (Е-12). Здесь практически во всех странах, вне зависимости от степени участия во властных структурах, партии социал-демократической ориентации проиграли своим христианско-демократическим, либо консервативным оппонентам. Крупно проиграла социал-демократия стран прежнего «социалистического лагеря». Наиболее ощутимым было поражение правящих венгерских социалистов (–39%), причем их консервативные соперники из партии ФИДЕС установили европейский рекорд национальной популярности, получив 56,4% всего венгерского электората. Очевиден проигрыш и оппозиционных социалистов Польши (–33,2%), причем с учетом электората не только основной консервативной партии «Гражданская платформа», но и двух других партий правой ориентации — «Закон и справедливость» и Крестьянской партии поражение левых выглядит еще более внушительным. В соседней Чехии социал-демократия также сдала позиции правящей Гражданской демократической партии (–9%). Уступили пальму первенства и местные социалисты Болгарии, отстав от консерваторов из ГЕРБ на 7,3%. Примерно с таким же разрывом проиграли основной консервативной партии Словении — СДС социал-демократы этой страны (–8,5%). Более ровным выглядит соотношение сил между социал-демократами и консерваторами Румынии (+0,3%), однако с учетом не только Партии либеральной демократии, но и входящего в демохристианскую фракцию ЕП «Союза демократических венгров» соотношение сил опять-таки в пользу правых. Единично сильнее местной консервативной партии «Словацкий демократический

и крестьянский союз» социалисты из СМЕР (+15%). Однако опять-таки с учетом других правых оппонентов — «Венгерской коалиционной партии» и Крестьянского демократического движения и здесь, в целом, социал-демократы проиграли.

В странах Балтии диспозиция между местными членами социалистической фракции в ЕП и представителями консервативных сил также не в пользу левых: Латвия (–27,2%), Эстония (–8,5%), Литва (–6,7%). Причем латвийские социал-демократы даже не попали на этот раз в ЕП. Правда, некоторым утешением для европарламентской фракции социалистов станет появление в ней социалистов Кипра, хотя разрыв последних с местными христианскими демократами огромен (–25,7%). Единственными чистыми победителями в своей стране среди Е-12 стали лейбористы Мальты, уверенно победившие своих противников из Национальной партии (+14%).

Столь провальные результаты для социал-демократии Европы как в Западной, так и в Восточной ее частях, как для правящих, так и для оппозиционных социалистов нельзя объяснить исключительно местными условиями, особенностями конкретной социально-экономической ситуации. Тем более, что относительная потеря голосов у некоторых партий консервативного толка отнюдь не принесла дивидендов социал-демократии. Следовательно, речь может идти об общеевропейском процессе отхода части левого электората, пришедшего на выборы к партиям-соперницам наряду с воздержанием от участия в них тех, кто в национальном масштабе все же поддерживал социал-демократию. Вряд ли ее поражение можно объяснить невнятной выраженной позицией относительно будущего единой Европы. И другие участники европарламентского процесса — консерваторы, демохристиане, либералы, как, впрочем, и партии иного толка не дали сколь-нибудь убедительного видения перспектив развития ЕС, роли и места в них Европарламента. Тем более, что и социал-демократы, и демохристиане, и либералы относятся, в большинстве своем, к твердому ядру еврооптимистов, лишь

в деталях разнящихся в своем видении Европы XXI века. Другое дело, что все они по-разному расставляли акценты в избирательной кампании, по-разному мотивировали свое видение проблем внутренней и внешней политики.

Если демохристиане и партии консервативной ориентации выдвигали достаточно прагматические лозунги подъема экономики, не облакая их в традиционные идеологические штампы, то Партия европейских социалистов, объединяющая в своих рядах как организации стран, входящих в ЕС, так и пока остающихся вне Союза, попыталась совместить прагматику с невнятно прозвучавшей идеологической риторикой. Как следовало из ее предвыборного манифеста, обнародованного еще за полгода до выборов, избирателей призывали проголосовать за «Новый социализм», никак не объяснив суть этой формации. В то же время «Манифест» ни единым словом не упомянул «демократический социализм», хотя долгие десятилетия эта концепция была осевой в реформаторских конструкциях социал-демократии. Обратим внимание и на то, что в документах последнего конгресса Социнтерна (июнь 2008 г.) термин «социализм» вообще отсутствовал как идеологическое видение перспектив партий данной ориентации. Весь «Новый социализма» измерялся в основном количественными показателями; самым брендовым в «Манифесте» было слово «более»: более справедливое, более безопасное общество, более тесное сотрудничество в Европе, более активные меры в экономике. В разных глагольных формах воспроизводились и практические шаги социал-демократии: предлагаем, можем, намерены, будем. В «Манифесте» делалась попытка начать диалог с демохристианами-консерваторами, однако последним приписывалась слепая вера в рыночную экономику, которой противопоставлялась социальная рыночная экономика. Политические противники социал-демократов обвинялись также в использовании глобализации для усиления в трудовом процессе нагрузки на человека.

Но для избирателей все эти теоретические сентенции, отчасти вполне справедливые, отчасти — наивно-идеалистические, не

играли решающей роли. Главным для них был реальный результат правления различных политических сил, степень их конструктивности и оппозиционности с учетом перспектив преодоления кризисных явлений в национальной экономике. Исходя из этих мотиваций электорального волеизъявления, предпочтения, отданные демохристианам-консерваторам вполне объяснимы. В них европейский избиратель, с учетом как нынешней ситуации, так и многолетнего опыта политической борьбы, увидел более перспективный вариант отправления власти. Сделанные главным лозунгом требования вливания средств, как частных, так и государственных, в поддержку экономики, сокращение налогов для бизнеса, выглядели более надежным векселем политики, чем традиционный социал-демократический акцент на исправление бюджета в сторону чисто социальных мероприятий. Если социал-демократы были озабочены поддержкой безработных, то демохристиане предлагали создать новые и восстановить старые рабочие места.

Но противники социалистов отнюдь не игнорировали и социальные проблемы. Просто они делали их зависимыми от конкретных хозяйственных возможностей своих государств. И избиратель счел более востребованным этот вариант политики. В целом, электорат посчитал демохристиан и консерваторов более компетентными в качестве силы, способной найти выход из сложившейся ситуации. Отметим и то, что упомянутый Манифест социалистов был обнародован в наиболее острый период кризиса, в ожидании худших времен, а к моменту евровыборов стало ясно, что пик кризиса, по-видимому, уже пройден. Идея же о «Новом социализме» не могла вдохновить избирателя, еще не остывшего, особенно в Восточной Европе, от социалистических экспериментов второй половины XX века.

На выборах 2009 г. не сработала и ранее предлагавшаяся социалистами модель экосоциализма. Социал-демократия полагала, что ликвидация энергетической зависимости Европы возможна при условии производства безопасных для окружающей среды источников энергии. Однако в данном вопросе она оказалась в электро-

ральных тисках между демохристианами-консерваторами, отдававшими явный приоритет расконсервации АЭС и «зелеными», четко обозначившими свою «антиатомную» позицию. Электоральная статистика свидетельствует, что последние смогли удачнее, чем социал-демократия сыграть на тревогах и опасениях избирателей, не готовых пренебречь здоровьем ради экономических выгод. Например, во Франции, по сравнению с 2004 г. ФСП потеряла 13,1% голосов, а «зеленые» приобрели 8,8%, в Бельгии соответствующий расклад по партиям составляет –5,8% и +4,4%, в Люксембурге –3,1% и +1,2%, в Финляндии –3,6% и +2,0%.

В какой-то степени потери социал-демократии на левом фланге избирательного поля компенсировали уходящие в политическое небытие коммунисты Испании, Италии, Франции, Финляндии, хотя большая часть их электората ушла к другим левым силам. Явно укрепили свои позиции за счет социал-демократии левосоциалистические партии Германии и Португалии. Но заметны и подвижки в противоположном направлении у электората Австрии, Нидерландов, Дании, где местные радикал-националисты активно осваивают ранее монополизированный левыми партиями ареал наемных работников физического труда. Социал-демократический лозунг «Социальное государство для всех» не находит более поддержки у тех слоев рабочего класса, которые не без основания опасаются притока в соответствующие страны иммигрантов. Тезис социал-демократов о мультикультурном сообществе не выглядит убедительным в глазах тех, кто ежедневно наблюдает пренебрежение со стороны «новых европейцев» к устоявшимся нормам и принципам западного мира.

Важным обстоятельством, повлиявшим на итоги выборов, было отсутствие в рядах социалистов ярких личностей, лидеров типа В.Брандта, Ф.Миттерана, Б.Крайского, Ф. Гонсалеса, М.Соареша, и К.Сорсы, с именами которых были связаны успехи социал-демократии последней трети XX века. Сегодня же лидерами не только национального, но и континентального масштаба

стали консервативные и христианско-демократические политики: А.Меркель, С.Берлускони, Н.Саркози. На европейской арене были весьма заметны нидерландец Я.-П.Балкенэнде и люксембуржец Ж.-К.Юнкер. В качестве первого лица в ЕС утвердил себе за время председательства в Еврокомиссии Ж.-М.Баррозу, длительное время бывший ведущим консервативным политиком Португалии.

В целом, можно констатировать глубокий кризис европейской социал-демократии. Движение оказалось без значимых в европейском и международном масштабе фигур, с нечетко формулируемыми идеями, с трудностями организационного характера, с усилившимися в период кризиса разногласиями как внутри партий-членов, так и между ними. Все это является следствием неустойчивого и склонного к колебаниям политического курса, отражением которого стал электоральный провал социал-демократии на евровыборах 2009 г.

О.И.Каринцев*

Межфракционная конкуренция в социал-демократических партиях стран ЕС: сравнительный анализ

Кризис современной европейской социал-демократии, наличие которого констатируется как европейскими партийными политиками, так и сторонними наблюдателями, стал важным предметом внимания исследователей. Результаты последних выборов всех уровней в европейских странах, начиная от локальных и заканчивая общеевропейскими, заставляют говорить о кризисе социал-демократии как о масштабном явлении, затрагивающим социал-демократические партии Европы.

Осмысливая причины неудовлетворительных электоральных результатов, многие из которых являются самыми низкими за всю послевоенную историю, европейские социал-демократические партии активно ведут дискуссию о путях дальнейшего развития, мерах по преодолению кризиса. Об этом, в частности, свидетельствует недавно вышедший сборник «Грядущие левые: обновляя социал-демократию. К общеевропейской дискуссии», выпущенный под эгидой мозгового центра Партии европейских социалистов — Фонда европейских прогрессивных исследований и Института Карла Реннера, аналогичного центра австрийских социалистов. В общеевропейских дебатах о текущем положении и возможных сценариях дальнейшего развития европейской социал-демократии, обобщенных фокус-группой «Грядущие левые» под руководством Альфреда Гузенбауэра, приняли участие как известные академические исследователи, так и ведущие советники и партийные руководители. В связи с этим представляется актуальным исследовать новые тенденции в поиске ответов на кризис со стороны европейских социал-демократов с тем, чтобы оценить возможные варианты и сценарии преодоления кризиса,

* Каринцев Олег Игоревич, кандидат политических наук, независимый исследователь.

от которого во многом зависят перспективы современной социал-демократии.

Данная цель предполагает решение следующих задач: во-первых, выявление расстановки сил внутри европейских социал-демократических партий стран ЕС; во-вторых, анализ влияния межфракционной конкуренции на поиск путей преодоления кризиса социал-демократии; в-третьих, обобщение основных тенденций в реагировании на кризис со стороны европейской социал-демократии в Евросоюзе в целом.

Связь межфракционной конкуренции и антикризисной политики партий состоит в том, что следствием поражения на национальных выборах в странах ЕС, как правило, является пересмотр партийной тактики, что может также выражаться в смене политического руководства партии. При этом смена политического курса является отражением изменений в расстановке сил внутри партии между ее различными фракциями, что формализуется в ходе голосований на партийных конгрессах в ходе выборов партийного руководства.

В свою очередь, изменение расстановки сил между партийными фракциями на национальном уровне приводит к соответствующим изменениям на европейском уровне, что прямо влияет на политику европейских социал-демократов. Поэтому анализ изменения позволяет оценить, в том числе, дальнейшее развитие европейских социал-демократических партий по преодолению собственного кризиса, так как подобный анализ демонстрирует, позиция какой из внутрипартийных фракций доминирует.

Как показывает анализ поиска ответов на вызовы кризиса социал-демократии, этот процесс имеет два измерения: организационное и политическое. Организационное измерение содержит меры, направленные на совершенствование партийной организации, повышение ее технической эффективности, а политическое измерение содержит в себе программно-идеологическое обновление партий. Что касается организационного измерения, то, как показал анализ, многие европейские

социал-демократические партии пытаются бороться с кризисом с помощью следующих организационных мер.

Во-первых, начались внутренние организационные реформы, направленные на демократизацию партий. Они включают в себя переход на избрание партийного руководства путем прямых выборов, в которых могут принять участие все члены партии, а иногда и просто сторонники партии, а не только делегаты конгрессов.

Это позволяет сделать процесс выборов лидера более прозрачным и открытым, в результате чего в целом повышается ответственность и подотчетность работы руководства партии. По этому пути, в частности, пошли социал-демократические партии Великобритании, Франции, Нидерландов, Дании, Ирландии, Португалии, Греции, Чехии и др. Рассматривается возможность перехода на данную систему и многими другими европейскими социал-демократическими партиями, в частности, финскими социал-демократами, а французские социалисты всерьез думают о введении американской системы «праймериз» для выбора кандидата в президенты от партии.

Во-вторых, реформы касаются партийного менеджмента и включают в себя формирование новых управленческих команд. На смену «старой гвардии» часто приходят молодые, прагматичные технократы, чья политическая карьера целиком пришлась на период после окончания Холодной войны. Так, в частности, после тяжелого поражения ведущей левой партии Польши — Демократического левого альянса на выборах 2005 г., предыдущую команду во главе с Александром Квасньевским и Юзефом Олексы сменили мало кому известные на тот момент молодежные лидеры Войцех Олейничак и Гжегож Напиеральски.

В-третьих, многие европейские социал-демократические партии стремятся предпринимать шаги, которые придавали бы партии новые имиджевые характеристики. В частности, к этому шагу можно отнести избрание женщин на посты партийных руководителей впервые за всю историю партий. По этому пути

пошли, например, французские, итальянские, шведские, датские, финские, венгерские и др. социал-демократы.

Таким образом, современные европейские социал-демократические партии рассматривают организационные реформы как важную составляющую, необходимую для выхода этих партий из кризиса.

Помимо организационного, не менее, а порой и более важную роль в поиске ответов на кризис играет политическое измерение. Его основное содержание составляет межфракционная конкуренция внутри социал-демократических партий, в которой основная линия размежевания проходит между теми, кто требует возврата от неолиберализма к традиционным социал-демократическим ценностям (левое крыло), и теми, кто настаивает на необходимости дальнейшей модернизации партий в соответствии с концепцией «третьего пути» Энтони Гидденса.

К первому направлению можно отнести, в частности, нового руководителя СДПГ Габриэля Зигмара и генерального секретаря Андреа Налес; лидера противников концепции «третьего пути» в партии британских лейбористов и сторонников традиционных лейбористских ценностей Джона МакДоннелла; Манюэля Алегре, левого соперника руководителя португальских социалистов Жозе Сократеша, проигравшего ему выборы на пост главы партии; лидера левого крыла финских социалистов Эрки Туомиою; руководителя датских левых социал-демократов Франка Йенсена и др. Многие из лидеров левых фракций социал-демократических партий связаны с профсоюзным движением.

Ко второму направлению можно отнести таких политиков, как лидер британских лейбористов Гордон Браун, главу нидерландской Партии труда Валтера Боса, руководителей соответствующих партий в своих странах — премьер-министров Испании и Португалии — Хосе Луиса Родригеса Сапатеро и Жозе Сократеша, лидера шведских социал-демократов Мону Салин, известных партийных политиков: у французских социалистов — Сеголен Руаяль, экс-кандидата на пост президента Франции, и Бертран Деланоз,

мэра Парижа, руководителей ряда восточноевропейских социал-демократических партий, таких, как Роберт Фицо (Словакия), Сергей Станишев (Болгария), Илдико Лендвай (Венгрия), Мирсеа Джеоанна (Румыния), Борут Пахор (Словения) и др.

Основное содержание внутрипартийной конкуренции, в том числе по вопросам пути выхода из кризиса, проявляется в ходе партийных конгрессов, которые демонстрируют основные размежевания между различными фракциями и течениями внутри партии, соотношение сил между ними. Хотя приводимые в табл. 1 (стр. 60–61) данные отражают в основном расклад сил в руководстве соответствующих партий, они, в то же время, во многом характеризуют тенденцию во всей партии, поскольку в выборах руководства, как уже говорилось ранее, все чаще принимают участие рядовые члены партии и ее сторонники. В соответствии с полученными результатами, европейские социал-демократические партии можно классифицировать по нескольким категориям, в зависимости от того, какие фракции и течения в ней доминируют.

К первой категории можно отнести те партии, в которых правое крыло полностью доминирует над левым (90:10). Например, такая ситуация в Лейбористской партии Великобритании, где лидер левого крыла Джон МакДоннелл не набрал даже минимального количества голосов (12.5%), необходимого для его номинации на роль кандидата в руководители партии, в результате чего единственным кандидатом на эту роль оказался лидер правых Гордон Браун, набравший более 90% голосов. Примерно та же ситуация наблюдается и у словацких социал-демократов, многолетний лидер которых, Роберт Фицо, постепенно распространил свое влияние на левые фракции социал-демократического движения. Следует отметить, что в партиях этой категории лидеры, как правило, много лет возглавляют правительства, что во многом и обуславливает расстановку сил внутри этих партий.

Ко второй категории относятся те партии, в которых правое крыло доминирует, но в то же время отчетливо слышен голос левой оппозиции (80:20). В частности, Венгерская социалистическая

партия считается флагманом «третьего пути» в Восточной Европе; однако, несмотря на это, в ней существует значительное и динамично развивающиеся левое крыло. Его лидер, Каталин Сили, основательница «Христианской платформы» внутри партии, ушла в отставку с поста спикера Национальной ассамблеи, объявив о своем желании основать новое социалистическое движение, которое бы, по ее мнению, расширило партийную базу.

В партиях, относящихся к третьей категории, правое крыло имеет ощутимый перевес над левым, однако последнее сохраняет серьезное влияние в партии. Например, Мона Салин, лидер правого крыла партии, сменившая в 2007 г. на посту главы Шведской социал-демократической партии христианского социалиста Ханса Йёрана Перссона, была переизбрана на этот пост в 2009 г., несмотря на частую критику в свой адрес со стороны левого крыла партии и целой региональной партийной организации Скании. Эта критика обусловлена отказом от компромисса социал-демократов со своим партнером по альянсу — Левой партией — по фискальным вопросам и монетарной политике, нежеланием смягчить правила в этой сфере и упором на ограничение расходов. К этой же категории можно отнести и социал-демократов Румынии, позиция которых в последние годы в значительной мере сместилась в сторону центра, но при этом в партии сохранилось влиятельное левое крыло во главе с Ионом Илиеску, мнение которого важно во внутрипартийной конкуренции.

К четвертой категории можно отнести те партии, в которых правые имеют небольшой перевес над левыми и при случае этот перевес может относительно легко перейти к левым. В частности, после тяжелого поражения Социал-демократической партии Германии на парламентских выборах 2009 г., партия, ранее считавшаяся одним из главных инициаторов идеи «третьего пути», стала все более дистанцироваться от этой политики и осуществлять ее пересмотр, что особенно проявилось после выборов нового руководства — главы партии

Габриэля Зигмара и ее генерального секретаря Андреи Налес. Похожая ситуация возникла в Болгарской социалистической партии за тем исключением, что ее лидер, Сергей Станишев, не был смещен после тяжелого поражения партии на парламентских выборах 2009 г., но получил только 60% поддержки на партийном конгрессе и подвергся острой критике со стороны левых и др. соперников в своей собственной партии. При этом в партии существует влиятельное левое крыло, которое долгое время доминировало, а сегодня самостоятельно избирает собственного лидера.

И наконец, к пятой категории относятся те партии, в которых ни одна из фракций не имеет перевеса, располагая примерно равным влиянием на партийную политику. Со временем это влияние может смещаться как в сторону одной, так и в сторону другой фракции. Такая ситуация наиболее ярко выражена у французских социалистов, которые в 2008 г. избрали себе в качестве лидера Мартин Обри с перевесом всего в несколько сотых процента (50,03 против 49,97% у ее конкурентки, Сеголен Руаяль). При этом многие члены партии выражали недовольство поляризацией. В результате партия воспринимается многими как разделенная между теми, кто призывает ее двигаться к политическому центру и объединять усилия с Демократическим движением Франсуа Байру, и теми, кто придерживается традиционных левых взглядов. Среди последних значительное количество парламентариев и активистов призывает двигаться дальше влево вплоть до альянса с Коммунистической революционной лигой, возглавляемой Оливьером Бесансено; в то время как такое же количество членов партии утверждают, что партия нуждается в модернизации, принятии реалий глобализации и свободных рынков.

В последней строчке таблицы приведен обобщающий расклад сил у европейских социал-демократов в Европе в целом, отражающийся в соответствующей ситуации в Партии европейских социалистов.

**Табл. 1. Руководство европейских социал-демократических партий
(в порядке от наиболее правых до наиболее левых)**

Партия	Цент- ристы	Левые
Лейбористская партия (Великобритания)	90	10
Социалистическая партия (Португалия)	90	10
Лейбористская партия (Голландия)	90	10
Испанская социалистическая рабочая партия	90	10
Направление: социал-демократия (Словакия)	90	10
Лейбористская партия (Ирландия)	80	20
Венгерская социалистическая партия	80	20
Социал-демократы (Словения)	80	20
Социал-демократическая рабочая партия Швеции	70	30
Социал-демократическая партия (Румыния)	70	30
Всегреческое социалистическое движение	70	30
Лейбористская партия (Мальта)	70	30
Болгарская социалистическая партия	60	40
Чешская социал-демократическая партия	60	40

Партия	Цент- ристы	Левые
Социал-демократическая партия Германии	60	40
Социалистическая партия (Франция)	50	50
Социал-демократы (Дания)	50	50
Социал-демократическая партия Финляндии	50	50
Итальянская социалистическая партия	50	50
Партия европейских социалистов	70	30

Таким образом, данное исследование позволяет предположить, что текущая расстановка сил в лагере европейских социал-демократов в Европе равна 70:30 в пользу сторонников «третьего пути», предлагающих соответствующий вариант борьбы с кризисом европейской социал-демократии.

Это также означает, что левые фракции, стоящие на позициях традиционной социал-демократии и требующие в качестве основной антикризисной меры реабилитацию традиционных социал-демократических ценностей, по-прежнему сохраняют серьезное влияние в европейских социал-демократических партиях и при случае могут его увеличить и поставить под вопрос доминирование правых.

В то же время, нынешние тенденции показывают, что несмотря на критику в адрес правых социал-демократов, которые обвиняются в примирении с неолиберализмом и неспособности предложить серьезную альтернативную концепцию, приверженцы «третьего пути» по-прежнему удерживают доминирующие позиции во многих партиях, особенно в их руководящих органах.

Однако в эпоху глобального финансового и экономического кризиса, роста социальной напряженности и недовольства ситуация может быстро меняться, изменяя расстановку сил внутри партий. Поэтому для своевременного осмысления тенденций по ответу на кризис социал-демократических партий в условиях быстро меняющейся внешней среды необходимо продолжение непрерывного мониторинга, анализа и моделирования партийной политики и выборов в Европе на всех уровнях: европейском, национальном, региональном, локальном и внутрипартийном.

Райнхард Крумм*

Социальная демократия и социальное государство

Куда движется социал-демократия? В начале XXI века это — один из самых актуальных вопросов политики. Сто лет назад этот вопрос никто не ставил — движения социалистов и коммунистов были популярны, а одно из них даже встало во главе страны, столицей которой тогда был Петроград, а теперь — Москва.

По итогам прошлого века можно отметить две противоположные тенденции. С одной стороны, социальное положение многих европейцев радикально улучшилось, а социальное государство стало целью всех без исключения партий: и христианских демократов, и либералов, и социал-демократов. Без этого идеала программы современных партий невозможно представить.

С другой стороны, стремительно выросли затраты на это социальное государство. Поэтому с началом первых экономических кризисов, таких как нефтяной кризис 70-х, многие социальные достижения перестали соблюдаться или были отменены. Во-первых, из-за недостаточного финансирования, а во-вторых, по идеологическим причинам — М.Тэтчер в Великобритании и Р.Рейган в США — только два примера. Еще до последнего экономического кризиса государство снова стало менять курс, сокращая социальное обеспечение. Так, в США и Китае практически равны значения коэффициента Джини (показатель, измеряющий разницу между богатыми и бедными слоями населения).

Конечно, США не являются эталоном классической социал-демократической политики. Однако «новый курс», принятый в тридцатые годы прошлого века, символизирует политические воззрения, во многом опиравшиеся на социал-демократические ценности. И сегодня реформа системы здравоохранения, которую продвигает Барак Обама, носит социал-демократические черты, а неolibеральные критики видят в ней даже элементы марксизма.

* Крумм Райнхард, руководитель Московского представительства Фонда Ф.Эберта в РФ (Германия).

С одной стороны, жить стало лучше, безработные не умирают с голода, а с другой стороны, несмотря на определенное социальное и материальное обеспечение, людям часто не хватает перспективы, которую не способен предоставить мир экономической глобализации. И отсюда — чувство незащищенности, которое, казалось, уже должно было исчезнуть в наших западноевропейских обществах.

К тому же гораздо сильнее распространено чувство несправедливости, оттого, что две группы населения — очень бедные и очень богатые — все больше отдаляются друг от друга. Складывается впечатление, что политические инструменты в XXI веке притупились, что судьбы народов решаются не на национальном, а на глобальном уровне, причем без видимого контроля вышестоящей инстанции.

Как та или иная партия может в этих условиях проводить социальную политику, если, к тому же, государственная казна уже не ломится от денег? Может ли социальная политика, как прежде, поддерживать слабых, или каждый сам становится кузнецом своего счастья, или своей гибели? А может быть, утвердится компромиссное решение, и государство будет стараться предупредить бедность, а не бороться с ней, призывая граждан к проявлению собственной инициативы? Но что делать с теми, кто не стремится к образованию и не имеет иной жизненной мотивации?

Ютта Альмендингер недавно писала о «двух ногах социального государства в XXI веке». Она имеет в виду, с одной стороны, социальное государство, а с другой — образовательную политику. Ведь именно образованное общество способно поддерживать социальное государство, уменьшая нагрузку на него. Так, жители скандинавских стран находят работу быстрее, чем граждане других государств.

Но для такой программы государству необходимы не только деньги, но и воля граждан, все это в условиях кризиса. Финансирования за счет новой программы приватизации не будет, наоборот, государство начинает снова выкупать распроданное когда-то имущество. Ведь только государственная железнодорожная компания

может гарантировать, что поезда будут ходить и в отдаленные, то есть, в принципе, невыгодные регионы. И это тоже — элемент социального государства.

Профинансировать эту программу можно только с помощью совместных общественных усилий, с помощью повышения налогов, с одной стороны, и роста производительности труда, с другой стороны. Снижать налоги, как это в Германии предлагает новое правительство, просто абсурдно. Опросы, проведенные в скандинавских странах, показывают, что граждане довольны, несмотря на высокие отчисления. Отчасти потому, что эта нагрузка в основном ложится на общество в целом.

Социальная стабильность — великая ценность, которую нужно защищать от попыток политиков ограничить ее, чтобы добиться кратковременного успеха. В то же время гражданам необходимо демонстрировать успехи социальной политики. Таким образом, термин «консерватизм» может приобрести совершенно новую, социал-демократическую окраску. Говорить нужно об успехах социальной политики в XX веке: государственный сектор, системы социального страхования, право на достойную жизнь.

Но этого недостаточно. В тяжелые времена (которые, вообще-то, должны способствовать распространению социал-демократических идей) социал-демократия должна найти способы укрощения все более агрессивного, не знающего пределов капитализма XXI века. К таким способам относится новый общественный договор, политика, направленная на нужды так называемых простых людей, и улучшение международных связей социал-демократических движений и партий, а также упор на повышение образования и квалификации пожилых работников.

Старое слово «солидарность» может стать популярнее, если обе стороны, как дающая, так и получающая, придут к соглашению о новом общественном договоре. Конечно, если они договорятся о том, как должно выглядеть общество будущего. Но уже сейчас заметна одна его черта — оно будет социал-демократическим.

А.Ф. Храмцов*

Социальное государство и кризис социал-демократии

Было бы логично предположить, что глобальный кризис приведет к ослаблению правых сил в Европе и улучшит ситуацию левого центра, прежде всего, социал-демократии, повышая электоральную притягательность последней. Однако в реальной действительности мы сталкиваемся с принципиально иной картиной: шокирующей своим постоянством вереницей поражений европейской социал-демократии на общеевропейских, национальных, региональных и муниципальных выборах конца первого десятилетия XXI века. Но и оттеснение социал-демократических партий в оппозицию отнюдь не обязательно является отправной точкой для выправления ситуации. Так, если на выборах в бундестаг 27 сентября 2009 г. СДПГ получила всего 23% голосов, что явилось худшим для неё результатом за всю историю ФРГ, то спустя всего лишь пару месяцев индекс популярности этой партии снизился ещё на 4%. Ещё более настораживающим является факт потери интереса молодёжи к социал-демократии: популярность СДПГ в глазах избирателей в возрасте 18-29 лет составила в начале 2010 г. всего 15%.

Особую роль в текущем кризисе европейской социал-демократии играет эрозия её взглядов на традиционные мировоззренческие основы социального государства, усилившаяся в ходе реализации Лиссабонской стратегии. Ориентация последней на повышение конкурентоспособности всех составных частей ЕС в условиях глобализации предполагала, по замыслу её инициаторов, формирование и функционирование «активирующего» социального государства, в котором системы социального обеспечения в значительно большей мере, чем прежде, были бы подчинены понимаемым в узком смысле требованиям рынка. В известной мере Лиссабонская стратегия имела в своей подоплёке глубоко

* Храмцов Александр Федорович, доктор политических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

укоренившийся, особенно в США, политический миф, согласно которому глобализация и сильная социальная ориентация соответствующих стран несовместимы.

Однако эта точка зрения всё чаще становится объектом справедливой критики. Так, говоря о её несостоятельности, комиссар ЕС по торговле, британский лейборист П.Мандельсон призывал правильно оценить соответствующие данные ОЭСР последних 20 лет. Они недвусмысленно свидетельствуют: государства с сильной социальной ориентацией, которые обеспечивают гибкость рынка рабочей силы, высокий уровень переподготовки, помогают женщинам и пожилым людям продолжать работать, лучше подготовили себя к глобализации, чем страны со слабой социальной политикой. Наиболее конкурентоспособные страны ОЭСР также направляют большие средства на общественные блага и избавляют людей от страхов в отношении самих серьезных экономических рисков, особенно потери работы и отсутствия медицинской страховки. В целом же концепциям, согласно которым вследствие обострившейся конкуренции на мировых рынках необходимо сократить расходы на социальное государство, если есть намерение сохранить конкурентоспособность и достигнутый уровень жизни, явно не достаёт исторической глубины.

Можно согласиться с тем, что создание в Северной Америке и Европе мощнейшего инновационного сектора экономики с его огромными прибылями не может в плане занятости компенсировать перевод национальных отраслей традиционной промышленности в страны третьего мира и новые индустриальные державы. Нарращивание инновационных мощностей ограничивается и недостаточной покупательной способностью населения стран — новых рынков сбыта. А это означает, что старая, в полной мере проявившая себя ещё во время «великой депрессии» проблема «перепроизводство — недопотребление» вновь со всей остротой встает на повестку дня, но уже не на страновом или региональном, а на транснациональном уровне. Из этого в свою

очередь вытекает, что часто встречающееся суждение, согласно которому кейнсианская модель жизнеспособна только в условиях относительно замкнутой национальной экономики, является плодом известной близорукости, а возникшие проблемы могут быть решены путем проведения активной социальной политики во всех странах мира.

Несомненно, что без участия социал-демократов осуществление предусмотренных лиссабонским процессом реформ невозможно. Предпосылкой же такого сотрудничества могло быть лишь известное сближение, в рамках социал-демократического и традиционного правоцентристского реформизма, представлений о месте и роли социальной политики в современном обществе, а также стремление обеих сторон на этой основе добиться «модернизации» социального государства по «рыночным» лекалам. Однако легко прогнозируемым результатом подобного развития стало превращение самой европейской социал-демократии в одну из первых жертв такого восприятия политики реформ, что привело к отдалению от неё прежних избирателей и сторонников.

Конвергенция, являвшаяся на протяжении более ста лет основой постепенного сближения социал-демократического и традиционного правоцентристского реформизма, бесспорно, была краеугольным камнем теории и практики социального государства. Позитивный конвергентный процесс создавал сложную систему, не являющуюся ни классическим капитализмом, ни ортодоксальным социализмом, а всего-навсего социальным государством, впитавшим в себя всё лучшее из идейного багажа обоих.

Развивавшийся позитивный конвергентный процесс содействовал увеличению прагматизма всех основных общественно-политических европейских течений, способствовал становлению новой европейской социальной модели. Например, практически уже не осталось социал-демократов, горой стоящих за государственный сектор, или политиков правой ориентации, заботящихся исключительно о свободе частного предпринимательства. И все же, отмечая огромный вклад в развитие теории и практики со-

циального государства таких крупнейших политиков правоцентристского толка, как О.Бисмарк, Д.Ллойд-Джордж, Ф.Рузвельт, У.Черчилль, Л.Эрхард, нельзя не заметить, что, как правило, наиболее последовательно идеи социального государства представляла и реализовывала социал-демократия. Это приносило ей немалые политические дивиденды, от которых не было никакого резона отказываться.

Возникает законный вопрос: почему же отнюдь не новый процесс сближения социал-демократического и традиционного правоцентристского реформизма в социально-экономической сфере стал в первом десятилетии нового века одной из веских причин кризиса социал-демократии? Прежде всего, следует отметить, что вышеуказанное сближение имело в своей основе борьбу за центр политического спектра с его традиционным и новым электоратом, обеспечивавшую растущую близость позиций названных политических течений. Оно базировалось на поправлении социал-демократии (реформизм, затем реформа реформизма и т.д.) и полевении правых сил, основанном на приобретении большего идейно-теоретического и политического веса имевшимися в консерватизме и либерализме течениями социальной направленности (католическое социальное учение, социальный либерализм и др.). Однако рост влияния неолиберализма на рубеже тысячелетий изменил ситуацию.

В либерализме изначально было сильно стремление к экономическому детерминизму в его отнюдь не самой изощренной форме, выстраиванию иерархической системы приоритета экономического над социальным, а то и просто к решению экономических проблем без учета социального компонента. Свое концентрированное выражение оно получило в рамках фундаменталистского течения, развивавшего теорию «минимального государства». В частности, известному представителю этого направления, лидеру организации «Американцы за налоговую реформу» Гроверу Норквисту принадлежит знаменитая фраза: «Государство нужно ужать до таких размеров, чтобы его можно было утопить в ванне».

Понятно, что решение проблем социальной справедливости с точки зрения фундаменталистов-либералов должно решаться вполне в социал-дарвинистском духе: в рамках свободной конкуренции и естественного отбора, а отнюдь не государством с помощью перераспределительных процессов.

Но в либерализме уже давно присутствует и выраженное эгалитаристское начало. основополагающее отличие эгалитаризма от фундаментализма состоит в том, что это направление либеральной мысли сделало много для укоренения точки зрения об общей ответственности государства за состояние дел в социальной сфере. Причем не только в области теории, но и в практической плоскости. Достаточно вспомнить выдающийся вклад, внесенный в концепцию социального государства в середине прошлого века германскими ордолибералами. Они и другие представители либеральной мысли создавали необходимые предпосылки для качественного скачка в социальном развитии наиболее развитых стран, выразившегося в формировании и успешном на протяжении уже более 60 лет функционировании социальных государств. Но и сейчас в либеральных рядах социальная ответственность государства нередко неразрывно связывается с упрочением тенденции к соблюдению прав человека. Это отмечал, в частности, один из виднейших социологов и, одновременно, представителей европейского либерализма Р. Дарендорф. С этих позиций он подверг критике совместный документ лидеров британского лейборизма и германской социал-демократии Т. Блэра и Г. Шредера «Третий путь», знаменовавший собой известные уступки в деле отстаивания ценностей социального государства. В частности, его критике подвергся тезис Блэра — Шредера «Государство должно не грести, а править» (то есть не платить за общественные блага, а лишь указывать людям, что те должны делать). Такой подход Дарендорф называет предпосылкой для развития авторитаризма.

Очевидно, что в начале нового века особое положение в стане либералов заняло фундаменталистское течение. Сближение социал-демократии с этим течением содержит в себе большую

опасность превращения позитивного конвергентного процесса в негативный, разрушающий идейные основы социального государства, базирующегося на взаимообусловленности активной социальной политики, экономической эффективности и политической стабильности. Это все более осознается в широких кругах западного общества. О достаточно высокой оценке населением классических социальных государств ценностей, на которых они базируются, свидетельствуют многочисленные социологические исследования. При этом умеренные критики нынешнего курса социал-демократии всё же отмечают: активирующее государство является в известном смысле отрицанием минимального либерального государства, что является его несомненным достоинством. Однако практика активирующего государства зачастую является несравненно более жесткой, чем его мировоззренческие основы. Развитие активирующей политики все чаще соединяется с применением регулятивных и репрессивных методов. В социальной политике чувствуется «возвращение левиафана».

Общая оценка действия принципа активации в социальной политике современного государства не может быть однозначной. С одной стороны, с помощью политики активации благодаря вложениям в человеческий капитал были достигнуты определенные успехи в решении актуальнейшей задачи — борьбы с безработицей. И это несмотря на все издержки в практическом осуществлении этого курса. Конечно, неправильно сводить сущность политики активации к стремлению обеспечить далеко идущую приватизацию социального обеспечения. Но все же нельзя не заметить, что повышение роли и значения самообеспечения в ней явно присутствует. Между тем концепция активации даже не пытается ответить на вопрос, как именно средний человек даже с достаточно высоким уровнем дохода может «самообеспечить» свои основные потребности хотя бы в областях здравоохранения, образования, охраны окружающей среды и даже занятости в условиях тектонических сдвигов мировой экономики. Встаёт

вопрос и о пенсионном обеспечении, расходы на которое в соответствии с концепцией активации социальной политики не относятся к производительным. Но ведь именно от всего этого и зависит реальность и обоснованность системной ориентации на самообеспечение. Стремление к индивидуализации противодействия социальным рискам имеет в своей основе непонимание объективной основы сужения возможностей достижения личной ответственности за свою судьбу в ходе постоянного усложнения исторического процесса на протяжении многих веков.

Отдавая значительное число сторонников и избирателей на «своём» фланге другим левым партиям, «зелёным» и пр., современная социал-демократия не может компенсировать эти потери приобретениями в центральной части политического спектра. Хорошо известная по прежним временам схема, предполагающая, что широкие народные массы борются за свои социальные права, добиваясь их расширения, но им препятствуют правящие круги, работает всё меньше. Зачастую именно политические, управленческие и экономические элиты социально ответственных государств, умеющие и привыкшие в полной мере использовать преимущества, предоставляемые им этим феноменом, в особой степени проявляют заинтересованность в его сохранении. Если с их стороны и раздаётся острая критика государства всеобщего благосостояния, то её целью чаще всего является не свёртывание социального государства, а уменьшение собственных расходов на его содержание за счет других слоёв.

Об этом же говорят и современные социологические исследования. Так, в Берлине в начале 2007 г. было представлено одно из них, проведенное Алленсбахским демоскопическим институтом для экономического журнала «Капитал», в ходе которого было опрошено 646 лиц, ответственных за принятие решений в экономике, политике и управлении. Среди опрошенных были 122 руководителя фирм с числом занятых более 5 тысяч, 42 высших должностных лица федерального и земельных уровней. Абсолютное большинство германских руководителей (84%), как следует

из результатов опроса, не считают, что в существующей в стране рыночной экономике «слишком сильно подчеркиваются социальные аспекты». Не намного меньше тех, кто оценивает весьма положительно существующую в стране социальную систему: 72% заявили, что существующее в течение десятилетий социальное государство принесло больше пользы, чем вреда. Уровень социальных достижений также оценивается большинством как нормальный. Опрошенные высказали глубокую озабоченность возможным размыванием социальной стабильности. Несмотря на то, что 77% элитных управленцев верят в то, что общество предоставляет достаточные шансы на карьерный рост, 78% опасаются формирования низшего слоя, который в социальном и экономическом отношениях отгородится от общества в целом, а 48% ожидают и опасаются роста числа граждан, теряющих от процессов глобализации.

Данное социологическое исследование было осуществлено ещё до наступления глобального кризиса. Наступивший кризис ясно показал, насколько чреват опасностями отказ от выработанных исторической практикой государства всеобщего благосостояния социальных стандартов, о чём свидетельствует современная история.

В целом можно отметить тот факт, что несмотря на многочисленные заявления о «кризисе социального государства», на сетования об эрозии программных различий между правоцентристскими партиями и социал-демократией, о вербальной готовности к серьёзной смене курса, всё это не находит адекватного отражения в практической социальной политике классических социальных государств. К отказу от фундаментальных основ социально ответственного государства не готовы ни граждане, ни значительная часть бизнеса, ни соответствующие органы власти, хотя частных изменений хватает. И это неудивительно, ибо фундаментальную роль в обеспечении устойчивости социально ответственного государства играют выполняемые им многообразные функции, обеспечивающие долгосрочные интересы существова-

ния и развития социума. Основанное на взаимообусловленности социального и экономического развития, а также на политической стабильности, социальное государство на сегодня оказывается существенно более устойчивым феноменом, чем впавшая в кризис социал-демократия, в политике которой проявляется негативно оцениваемая обществом тенденция к подчинению стратегии социального развития толкуемым в духе экономического детерминизма текущим задачам совершенствования рыночного хозяйства.

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

К. Крелль*

Кризис германской социал-демократии: пять причин и пять способов его преодоления

«Всякая политическая акция начинается с высказывания того, что есть. Всякое малодушие начинается с вуалирования и приукрашивания реальности и того, что есть».

Фердинанд Лассаль

Кризис германской социал-демократии.

Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) находится в глубоком кризисе. По итогам сентябрьских выборов 2009 гг. ей пришлось уйти в оппозицию. Пробыв одиннадцать лет у власти — с 1998 по 2005 гг. в составе «красно-зеленой коалиции» с Партией зеленых и с 2005 по 2009 гг. в «большой коалиции» с Христианско-демократическим союзом Германии — на федеральном уровне она перешла в лагерь оппозиции. Во многих земельных парламентах (ландтагах) она также находится в оппозиции.

Утрата властных позиций сама по себе еще не является признаком кризиса политической партии. Смена власти — это один из основополагающих признаков демократических систем.

Но если исходить из нынешнего положения вещей в СДПГ, то можно с полным основанием говорить о глубоком кризисе германской социал-демократии. Об этом свидетельствуют, по крайней мере, три симптома:

* Крелль Кристиан, руководитель Академии социальной демократии Фонда им.Ф.Эберта (Германия).

Снижение популярности среди избирателей: на выборах 2009 г. в бундестаг СДПГ собрала 23 % голосов. По сравнению с выборами 2005 г. ее результат снизился на 11,2 процентных пункта. Общая низкая активность избирателей на последних выборах (70,8 %) в сочетании с неудачей СДПГ свидетельствует о том, что снизилась не только процентная доля, но и общее количество сторонников социал-демократов. Драматизм перемен особенно бросается в глаза при сравнении с выборами 1998 г., когда началась новейшая фаза нахождения социал-демократов у власти: по сравнению с выборами 1998 г. СДПГ потеряла в 2009 г. голоса 10 миллионов избирателей. То есть в период своего правления СДПГ ежедневно теряла доверие 2,5 тысячи избирателей. Популярность СДПГ снизилась во всех возрастных и социальных группах, но особенно велики ее потери среди молодых избирателей и в классических группах, ориентированных на социал-демократию — среди рабочих, служащих и членов профсоюзов. Доля голосующих за СДПГ избирателей по-прежнему наиболее высока среди рабочих, являющихся членами профсоюзов.

Сокращение членства: численность членов СДПГ также стремительно сокращалась. В течение десятилетий СДПГ была самой многочисленной партией Германии — причем с большим отрывом. Сейчас она насчитывает примерно 510 тысяч членов, немного отставая от ХДС. К моменту прихода СДПГ к власти в 1998 г. она насчитывала около 775 тысяч членов. Сокращение числа членов СДПГ происходит в контексте общего снижения партийной активности немцев. После пика политической активности в 70-е и в начале 80-х годов имела место — если не считать краткого всплеска в связи с объединением Германии в 1990 г. — тенденция непрерывного сокращения членства в германских политических партиях. Но и с учетом этой общей тенденции приходится констатировать, что потери СДПГ в течение ее 11-летнего правления (минус 265 тысяч членов) были особенно велики.

Утрата доверия: снижение популярности среди избирателей и сокращение членства сопровождаются также уменьшением

доверия к СДПГ в сферах, считавшихся традиционными для деятельности социал-демократов. СДПГ всегда считалась наиболее компетентной партией, когда речь шла о преодолении социальной напряженности, о справедливом распределении благ и освобождении отдельных людей или коллективных структур от зависимости, унижающей человеческое достоинство. Короче говоря, фирменным знаком СДПГ было стремление к социальной справедливости. В настоящее время эта грань имиджа социал-демократов сильно потускнела. Несмотря на то, что социал-демократов, в отличие от партий консервативного и либерального толка, все еще считают борцами за социальную справедливость, с 2005 г., когда на федеральную политическую арену впервые вышла новая Левая партия, они столкнулись в этой сфере с существенной конкуренцией. Социальная справедливость отныне уже не является специфическим брендом СДПГ в германской партийной системе. Более того: политику реформ правительства Шредера, известную под названием «Программа 2010», считают социально несбалансированной и несправедливой. Именно из-за этого доверие к СДПГ пошатнулось среди избирателей, раньше традиционно голосовавших за нее.

Один кризис — пять причин.

Стало ясно: СДПГ находится в серьезнейшем кризисе. Можно назвать, по меньшей мере, пять главных причин этого кризиса. При этом некоторые из них имеют скорее структурную природу, и сама СДПГ вряд ли может на них повлиять. Другие же — обусловлены поведением самих социал-демократов и, таким образом, поддаются корректировке.

1. Нечеткий программный профиль.

Парадокс состоит в том, что после крушения так называемого «реального социализма» в Центральной и Восточной Европе и в СССР, идея «демократического социализма», выражавшаяся в стремлении к социальной справедливости в сочетании со свободой и демократией, которая составляла программное ядро

социалистических и социал-демократических партий Западной Европы, была дискредитирована. Это нашло свое выражение в популярном тезисе Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» (1992 г.), который он сам, позже, правда, подверг сомнению: соревнование систем завершилось, социализм потерпел поражение.

В то же время очевидно: бесчисленные конференции 90-х годов прошлого века, проходившие под такими названиями как: «Кто такие сегодняшние «левые»?» или «Куда идешь, СДПГ?», и библиотечные полки, заполненные соответствующими публикациями, являются выражением программно-содержательного вакуума. Не смогла его заполнить и принятая СДПГ в 1989 г. Берлинская программа. Базовые социал-демократические ценности были в ней умело связаны с тенденциями глобализации, но этот документ был принят в преддверии развала восточного блока, и после завершения «холодной войны» он уже не мог служить надежным политическим ориентиром.

При отсутствии четких программно-содержательных ориентиров СДПГ не удалось разработать собственную, однозначную и ясную социал-демократическую идеологию. В 90-е годы она стала все больше приспосабливаться к набиравшим популярность неолиберальным моделям. На публичные дискуссии, отразившись в речах и действиях деятелей социал-демократии, наложила отпечаток вера, что конкурентоспособность общества одновременно является мерилем его цивилизованности и подлежит стимулированию, что только свободный от государственного регулирования рынок обеспечивает идеальное и справедливое распределение благ, что усилия государства изначально обречены на провал. В частности, реформы правительства Шредера воспринимались как политика, слишком ориентированная на неолиберальную идеологию. Это правительство часто упрекали в том, что оно слишком явно ориентируется на конкурентоспособность, пренебрегая при этом справедливым распределением получаемых прибылей.

Итак, с одной стороны, наращивание акционерного капитала и конкурентоспособности, а с другой — социальное выравнивание и справедливое распределение жизненных шансов вне зависимости от доходов и имущественного статуса. За что, собственно, выступает СДПГ, было неясно. Социал-демократия пыталась сделать более четким свой социальный профиль — в частности, в ходе избирательных кампаний 2005 и 2009 гг. Но вопрос, является ли она по-прежнему «партией маленького человека», остался для многих избирателей открытым. На основе столь нечеткого программного профиля сколотить успешный предвыборный альянс из избирателей низших и средних слоев общества было невозможно.

2. Кризис политической интеграции масс.

Концепция «народной партии» или «партии для всех», выдвинутая еще Отто Кирххаймером, повлияла на разные западные демократии, но особенно сильно — на Западную Германию. В 60-е, 70-е и в начале 80-х годов СДПГ и ХДС/ХСС вместе собирали от 80 до 90 процентов голосов избирателей.

Для них было характерно то, что они смогли, с одной стороны, в определенной мере интегрировать различные мировоззренческие концепции, а с другой — привязать к себе избирателей и членов партий с различным социально-экономическим статусом. В этих партиях происходило агрегирование и балансирование интересов, а также формирование политической воли. Тем не менее, в течение уже более чем двух десятилетий мы наблюдаем кризис такой политической интеграции масс. Процент голосов, которые собирают на выборах обе «народные партии», постоянно сокращается. В 2009 г. они собрали вместе всего лишь около 57 процентов. Результат ХДС/ХСС (33,8 %) был тоже довольно низким, он вряд ли может соответствовать ее претензиям на роль «народной партии». В то же время «нишевые партии» укрепляют свои позиции.

Таким образом, нынешнее ослабление позиций СДПГ обусловлено не только внутрипартийными причинами: его следует

рассматривать также в контексте общего кризиса политической интеграции масс.

3. Плюрализация германской системы политических партий.

Для западногерманской партийной системы по сравнению с другими странами Европы в течение нескольких десятилетий были характерны две особенности. Во-первых, она была чрезвычайно стабильной. В отличие, например, от партийного ландшафта Италии или Франции в Германии редко удавалось успешно создавать новые партии или производить переформирование существующих сил. Напротив: ХДС/ХСС, СДПГ и СвДП с 60-х годов прошлого века неизменно составляли костяк германской партийной системы. Во-вторых, в этой партийной системе СДПГ не сталкивалась с существенной конкуренцией на левом фланге политического спектра. По крайней мере, с момента запрета Коммунистической партии Германии (КРД/КПГ) в 1956 г. было ясно: тот, кто за левых, должен голосовать за СДПГ.

Все изменилось в начале 80-х. После того как в 1983 г. в Бундестаг вошла Партия зеленых, стало ясно, что успешно сформировалась новая политическая сила. В результате воссоединения Германии в 1990 г. на германской политической арене появился еще один левый игрок: Партия демократического социализма (PDS/ПДС). После различных метаморфоз ПДС в результате парламентских выборов 2005 г. впервые заявила о себе как политическая сила на федеральном уровне и теперь присутствует в германском политическом спектре в виделевой партии. Обе новые силы — Зеленые и Левые — в принципе относятся клевой части спектра. Такая плюрализация партийной системы поставила СДПГ в ситуацию гораздо большей политической конкуренции.

4. Социал-демократические ценности — везде.

Философ-либерал Ральф Дарендорф сформулировал в 1983 г. интересный тезис, согласно которому социал-демократические идеи проникли во все политические партии. «Социал-демократия — это не только название определенной партии. Многие

партии и группы участвовали в формировании прошедшего социал-демократического века — либералы и демократы, народные партии и республиканцы, партии центристов и радикалов, наконец, даже консерваторы. ... В своих лучших проявлениях этот век был социальным и демократичным. К его концу мы (почти) все стали социал-демократами. Мы все впитали определенные представления, как нечто само собой разумеющееся. Они являются определяющими для социал-демократического века: рост экономики, равенство, труд, разум, государство, интернационализм».

Успех социал-демократической идеи и ее большая привлекательность для других политических течений ведет, как считает Дарендорф, к снижению значимости самих социал-демократических партий. Если все партии так или иначе поддерживают социал-демократические идеи, зачем тогда голосовать именно за СДПГ? Что касается Германии, то этот тезис — по крайней мере, семантически — подтверждается анализом программ обеих «народных партий». СДПГ сформулировала в 1959 г. свои базовые ценности: свобода, справедливость, солидарность. Два десятилетия спустя христианские демократы включили в свою «программу принципов» те же самые ценности — хотя, разумеется, с другими смысловыми акцентами и иным соотношением базовых ценностей.

Поддержка консерваторами социал-демократических ценностей не обошлась, конечно, без срывов. «Тэтчеризм» британских консерваторов был радикальным отказом от социал-демократических представлений. Решения германской ХДС, принятые в 2003 г. на съезде в Лейпциге, также были явно направлены против социал-демократической идеологии. Но к настоящему времени это размежевание вновь утратило четкость. Например, христианские демократы в течение долгого времени не уделяли большого внимания вопросам социального равноправия женщин, сейчас же оно стало одной из главных тем ХДС. В настоящее время германский ХДС столь же активно внедряет в свои концепции социал-демократические идеи, как и консерваторы в Великобритании,

Франции или Швеции. В политологии это явление описывается термином «мягкий консерватизм». Так что социал-демократам становится все труднее формулировать, в чем состоит неповторимость и оригинальность их политического профиля.

5. Ослабление внутрипартийной дисциплины.

Для СДПГ и ее членов характерно — в большей мере, чем для других партий — стремление к внутрипартийной демократии, к участию в управлении. Формирование политической воли «происходит снизу вверх» — так записано в организационном уставе СДПГ. Члены СДПГ хотят участвовать в выработке основных направлений политики партии. В восприятии значительной части членов СДПГ этот принцип слишком часто нарушался при решении важнейших вопросов тогда, когда СДПГ была правящей партией. Принципиальные политические позиции не вырабатывались, как считают многие члены, в результате демократической дискуссии, а навязывались партийным руководством сверху. Хотя проекты решений, предложенные правлением партии на утверждение съездам, всегда утверждались значительным большинством голосов (до 80 процентов), демократичность этих процедур вызвала нарекания. Это объясняется тем, что центральные решения (такие, как «Программа 2010») доводились до общественности правительством и партийным руководством и частично осуществлялись правительством еще до их широкого обсуждения в партии.

Зигмар Габриэль, ставший в 2009 г. председателем СДПГ, еще до своего избрания использовал в этой связи словосочетание «член партии, оказывающий материальную поддержку». Он считает, что многие члены партии, платя членские взносы, материально поддерживали партию, не ощущая при этом своей сопричастности принимаемым решениям. Тем самым СДПГ отказалась от важного ресурса: компетентность членов партии при выработке политики, их способность разяснять политику широкой общественности. Все это использовалось очень слабо.

Пять подходов к преодолению кризиса.

Нынешнее положение СДПГ серьезно. В то же время социал-демократам Германии за их 147-летнюю историю уже не раз удавалось с честью выходить из трудных ситуаций и оставаться важной политической силой.

Некоторые названные выше причины кризиса имеют скорее структурный характер, и СДПГ практически не может на них повлиять. Другие причины обусловлены деятельностью самих социал-демократов и поэтому могут быть скорректированы. Приводимые ниже подходы к преодолению кризиса относятся именно к тем сферам, на которые сами социал-демократы могут непосредственно повлиять.

1. Восстановление программной ясности и доверия избирателей.

Приняв Гамбургскую программу, СДПГ предложила обществу убедительную идеологию. Цели демократического социализма и базовые ценности социальной демократии — свобода, справедливость, солидарность — были в этой программе конкретизированы применительно к эпохе глобализации. В то же время понятно, что «программа принципов» — это всего лишь 40-страничный документ, который внимательно прочтут разве что профессиональные специалисты по эвристике. Чтобы программа партии стала понятной и близкой для населения, она должна найти свое выражение в действиях партии и ее представителей. Немаловажной предпосылкой этого является преемственность руководящих кадров СДПГ.

Август Бебель был в течение 21 года председателем СДПГ (с 1892 по 1912 гг.), Вилли Брандт председательствовал 23 года (1964—1987). За последние десять лет председательство в СДПГ переходило из рук в руки семь раз (Шредер / Мюнтеферинг / Платцек / Бек / Штайнмайер / Мюнтеферинг / Габриель). Но формирование престижа и доверия — это длительный процесс. Оно требует времени и терпения, и кадровая преемственность в этом плане является немаловажным фактором.

СДПГ сможет восстановить свой программный профиль и потенциал доверия при условии, что ее идейные установки найдут четкое и согласованное отражение в программе, кадровой политике и действиях партии.

При этом ясно одно: программа ни в коем случае не должна ограничиваться непосредственными задачами реальной политики, которые могут быть осуществлены в ближайшем будущем. Напротив: программа — это всегда нечто большее, чем описание нынешней реальности и того, что можно в настоящее время осуществить. Она должна также содержать определенные утопические моменты. Только тогда она может дать ориентиры, выходящие за рамки актуальности. Но при этом разрыв между текущей политикой и перспективными целями программы не должен быть слишком большим.

2. Формирование лагеря политических союзников.

В среднесрочной перспективе СДПГ будет вынуждена существовать, по меньшей мере, с двумя конкурентами в левом политическом спектре. Если в среднесрочной перспективе она хочет создать правительство, не ориентируясь при этом на возможность «большой коалиции», ей придется создавать коалицию прогрессивных сил. Оба возможных партнера по такой коалиции на данный момент являются для СДПГ весьма сложными оппонентами. Партия «зеленых» сейчас дрейфует в сторону буржуазно-либерального идейного течения. Если до середины прошлого десятилетия ее можно было с уверенностью отнести к левым силам, то сейчас на коммунальном и региональном уровне она нередко вступает в коалицию с консерваторами и либералами. Ее «автоматический» альянс с СДПГ становится все менее вероятным.

Проблематичным является и союз между СДПГ илевой партией. До настоящего времени СДПГ исключала возможность коалиций слевой партией на федеральном уровне. Такая позиция понятна:левая партия пока что показала себя скорее как обращенная в прошлое фундаменталистская оппозиция, не проявив

на федеральном уровне интереса к ориентированному на будущее сотрудничеству на основе политической ответственности.

Одна из задач СДПГ в ближайшие годы будет состоять в том, чтобы систематически расширять или сохранять базу для создания коалиций с прогрессивными партиями Германии. Формируя собственный яркий профиль, СДПГ должна постоянно поддерживать диалог с другими партиями.

3. Прочные связи с обществом.

Что касается структуры членства и электоральной базы СДПГ, то необходимо отметить, что в течение, по крайней мере, двух последних десятилетий происходило снижение социального потенциала партии. Среди членов СДПГ растет доля лиц с высшим образованием, в некоторых секторах общества СДПГ сейчас практически не представлена.

Коммуникативные связи СДПГ с определенными сегментами общества серьезно нарушены, если не прекратились вовсе. Но если СДПГ намерена предложить всему обществу убедительную политическую программу, чтобы сохранить свой «народный» характер, она должна организовывать постоянный диалог со всеми частями общества. Ей придется лучше, чем до сих пор, учитывать мнения, желания, реальные ситуации и интересы всех сегментов общества. Важнейшим ресурсом для этого являются члены партии, что отражено также в следующей рекомендации.

4. Укрепление внутрипартийной демократии.

Члены партии могут быть ценным ресурсом для усиления влияния своей организации. Они двояко могут являться каналами коммуникации между партией и обществом. С одной стороны, поскольку они интегрированы в различные аспекты жизни, они могут доводить до партии настроения, чувства, а также знания и идеи из самых разных сфер общества, которые затем должны влиять на выработку политической воли партии. Они представляют собой своего рода сейсмографы, реагирующие на общественную ситуацию. С другой стороны, члены партии могут достоверно воплощать и разъяснять

политику СДПГ в коммуникационных сферах, в которых они присутствуют. В эпоху информационных перегрузок они могут выступать в роли аутентичных представителей СДПГ, поскольку они вступают в живой и непосредственный контакт с людьми.

СДПГ сможет успешно использовать этот ценнейший ресурс при условии укрепления внутрипартийной демократии. Члены и активисты партии должны активнее, чем когда бы то ни было, включаться в процессы выработки политической воли партии. Развивающиеся ресурсы эпохи «Web 2.0» открывают огромные возможности для совместной разработки идей и демократического принятия решений об их реализации.

5. Семантическая самоидентификация.

Политика проводится с помощью языка. Эта сфера хорошо изучена и зафиксирована нейро-лингвистами. Язык всегда встроен в определенные семантические рамки. Они активируют в нашем мозгу определенные модели восприятия — вне зависимости от содержания высказывания. Известный пример — это название книги Джорджа Лакоффа по данной теме: «Не думай о слоне» (George Lakoff, “Don’t think of an elephant”). Несмотря на однозначность призыва, читатель не может не думать о слоне. Аналогичным образом работают и политические языковые модели. Тот, например, кто использует в ходе немецких или американских дебатов понятие «налоги», активирует тем самым семантический фрейм, согласно которому налоги в принципе всегда завышены, нерационально используются и должны быть снижены. Таким образом, тот, кто в ходе политических дебатов станет выступать за повышение налогов, чтобы иметь возможность улучшить общественные инфраструктуры, должен избегать использования слова «налоги». Вместо этого лучше прибегнуть к слову «инвестиции». Например: «Мы хотим обеспечить инвестиции в будущее наших детей». Всем понятно, что необходимо повысить налоги, чтобы можно было вкладывать средства в образование детей, но при этом не включается семантический фрейм «налоги», связанный

с устойчивыми представлениями о необходимости снижения налогов.

Поэтому, исходя из четкого содержательного профиля СДПГ, нужно осознанно использовать специфический язык социал-демократии. Он не должен быть ориентирован на языковые модели консерваторов или либералов. Необходимо найти и использовать язык, не вызывающий устойчивых ассоциаций с политикой конкурентов, а, наоборот, усиливающий воздействие собственных идей.

Итак, СДПГ может воспользоваться этими подходами, чтобы изменить ситуацию в свою пользу. Учтя эти моменты, она могла бы восстановить, по крайней мере, часть своего политического влияния.

Надежда!

Мы не прогнозируем, сможет ли СДПГ преодолеть нынешний кризис, и каким образом. Тем не менее, есть основания надеяться на обновление СДПГ и восстановление ее влияния. Эта надежда обусловлена двумя моментами: структурно-потенциальным и фактическим.

В структурно-потенциальном плане пребывание в оппозиции позитивно влияет на обновление социал-демократии. Речь идет о феномене, хорошо известном западным демократиям: длительное пребывание партий у власти изматывает их. Им становится все труднее предлагать новые идеи, исчерпывается их кадровый потенциал. Фаза пребывания в оппозиции дает возможность для выработки новых идей и концепций и для кадрового обновления.

Действия, предпринятые СДПГ после сентябрьских выборов 2009 года, дают надежду на широкое и успешное обновление партии. Уже используются некоторые из описанных выше подходов к преодолению кризиса. Съезд, проведенный в Дрездене в ноябре 2009 года, стал примером укрепления внутрипартийной демократии и оживления дискуссий. Более пяти часов делегаты, представлявшие разные структуры партии, по-деловому, конструктивно

и открыто обсуждали политику правительства, проводившуюся в последние годы, и намечали перспективы партийной работы. Комментаторы констатировали, что на этом съезде выступило больше членов СДПГ, чем на пяти предыдущих партийных съездах вместе взятых.

Перспективы.

Принятые в декабре 2009 г. Правлением партии «12 тезисов по обновлению СДПГ» подхватывают идею об укреплении внутрипартийной демократии. Кроме того, речь идет о необходимости поворота навстречу всем сферам общества, анализируются также причины снижения доверия к СДПГ. Одним из инструментов восстановления доверия и укрепления электоральных позиций партии станут «мастерские будущего», где соответствующие проблемы будущего будут обсуждаться в ходе открытого диалога между партией и обществом.

Итак, первые признаки обновления СДПГ можно считать многообещающими. Уже заметны его первые позитивные последствия. Отмечена волна приема новых членов в СДПГ, понемногу повышаются электоральные рейтинги партии. На предстоящих выборах в ландтаги у СДПГ есть реальная возможность вновь прийти к власти в некоторых федеральных землях. Так что СДПГ обладает неплохими шансами на собственное обновление и восстановление своего политического влияния в обществе. Кризис — это также всегда новый шанс, и это подтверждает вся 147-летняя история германской социал-демократии.

В.П.Любин*

Германские социал-демократы: путь к кризису

«Какой кризис?» — так одна из лидеров СДПГ Гезине Шванн назвала свою статью в 11-м номере журнала «Нойе Гезельшафт» за 2009 г., как бы отвечая на вопрос, поставленный организаторами данной конференции. Ей вторит другой автор журнала — Клаус Харпрехт в статье «СДПГ Вилли Брандта — существует ли она?». Оба они призывают пересмотреть отношение к роли и месту СДПГ в общественно-политическом пространстве Германии. Как, собственно говоря, и саму политику СДПГ. Это показательные попытки мыслящих социал-демократов определить масштабы кризиса (на последних национальных парламентских выборах доля одной из двух крупнейших немецких «народных» партий опустилась до невиданно низкого уровня — 23%) и выправить положение. Дискуссия была продолжена в следующих номерах журнала, в том числе в двояном номере -1/2 за 2010 г., озаглавленном «Европейская партийная система на переломе».

Чтобы увидеть, как «вызревал» этот кризис, необходимо обратиться к последнему десятилетию партийной жизни СДПГ, ее роли и месту в современной политической системе ФРГ и нынешнем немецком обществе. В качестве одного из главных источников по оценке предыдущего периода здесь следовало бы обратиться к переведенной с немецкого на русский язык «Краткой истории СДПГ» Сюзанны Миллер и Хайнриха Поттхоффа (издательство «Памятники исторической мысли» 1999, 2003 гг. Мне довелось перевести как раз последние главы, повествующие о современности). Помимо этого — к статьям в социал-демократической и иной немецкой прессе, материалам съездов партии, особенно последнего съезда 2009 г., документам, отражающим предвыборную борьбу накануне выборов в бундестаг 27 сентября 2009 г.

* Любин Валерий Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН, профессор МГЛУ.

Победа на выборах 27 сентября 1998 г. знаменовала собой новый пункт подъема влияния социал-демократов после их отстранения на 16 лет от власти с 1982 по 1998 гг. Героями победы стали такие деятели социал-демократов, как Герхард Шредер, Оскар Лафонтен, Вольфганг Тирзе. Первый возглавил правительство красно-зеленой коалиции, которому досталась трудная задача латать бреши после legislatur правительства Хельмута Коля, не забывая о поставленной во всех программах партии задаче достижения социальной справедливости. Лафонтен занял ключевой пост министра финансов. Тирзе стал первым председателем бундестага — выходцем из Восточной Германии.

Коалиция располагала 345 мандатами и могла приступить к намеченным реформам. Еще 6 депутатов, перешедших из оппозиции, подняли это число до 351 — устойчивого большинства.

Хотя в правительство вошли авторитетные лидеры партии и эксперты, внутренняя борьба в верхах партии привела вскоре к отставке О.Лафонтена и последующему спустя некоторое время переходу в лагерь партии ПДС, которая впоследствии приняла название «Левые». Здесь он становится ключевой фигурой и неоспоримым лидером. Когда Лафонтен выступил с книгой «Сердце бьется слева», в которой содержалась критика тогдашнего руководства СДПГ, стало ясно, что водораздел между умеренными и левыми подходами вполне очевиден.

Если Г.Шредер и его глава ведомства канцлера Б. Хомбах начали кампанию за рыночно ориентированный «курс модернизации» наподобие курса Э. Блэра в Англии, то Лафонтен, будучи министром финансов, попытался контролировать деятельность международного финансового капитала, что вызвало сопротивление западных партнеров ФРГ.

Вначале казалось, что действия правительства определяет сам Лафонтен, который настаивал на выполнении обещаний большей социальной справедливости. Такие меры правительства Коля, как право увольнения работников, ограничения при оплате больничных листов и выплаты пенсий, были отменены. Были увеличены

пособия на детей, принята программа борьбы с безработицей среди молодежи, установлена минимальная зарплата в 630 марок. Упрощалось получение немецкого гражданства, разрабатывалась программа интеграции иммигрантов, с каждым годом все больше переполняющих Германию и как правило мало вписывающихся в немецкую культуру (в самом широком смысле этого понятия). Приоритетом правительства стала борьба с безработицей, достигавшей невиданной цифры 5 млн. человек. Одной из первейших продолжала оставаться проблема подтягивания уровня развития «новых земель» (бывшей ГДР) к уровню земель западной части страны.

В апреле 1999 г. на съезде СДПГ в Бонне Г.Шредер был избран председателем партии. Его правой рукой в правительстве становится Франк-Вальтер Штайнмайер, эффективный координатор действий кабинета Шредера. Когда его осенью 2008 г. выдвинули на руководящий пост в партии и в качестве кандидата на пост канцлера на предстоящих в сентябре 2009 г. парламентских выборах, многим показалось, что это означает линию преемственности с политикой Шредера.

На протяжении последних лет шло совершенствование партийных программ. В Гамбургской программе СДПГ было провозглашено: «Наша цель не поправление имеющихся недостатков. Наша цель — возвращение к большей занятости, экономическому росту, безопасности». Приоритетами являются: труд, семья, социальная безопасность, финансы, внутренние реформы, Германия в Европе и мире. Разумеется, во главе угла остаются три «С», три главных цели социал-демократов: «свобода, справедливость, солидарность».

По инициативе канцлера Шредера, переизбранного на второй срок главой правительства после хотя и не такой внушительной, как пять лет назад, победы на выборах 2002 г., социал-демократы приняли Программу «Агенда 2010». Речь шла по сути дела о реформировании социального государства, на что не решились христианские демократы за все 16 лет их предыдущего правления.

Во время правления Шредера в 2002 г. в Германии была введена новая общеевропейская валюта евро, упростившая финансовые расчеты внутри ЕС.

Именно благодаря попыткам проведения реформ, после долгих лет консервативной политики христианских демократов в социальной сфере ФРГ многое начало меняться. Социальное государство получило импульс преобразования, приспособления к новым условиям. Социал-демократы попытались найти ответ на два главных вызова эпохи: меняющуюся далеко не в положительную сторону в стране демографическую ситуацию, и вызовы глобализации.

Однако предпринятые тогдашним руководством СДПГ шаги имели и негативные последствия как для партии, так и ее массовой базы. Они вызвали потерю доверия к руководству со стороны традиционного избирательного корпуса партии. Возникло недовольство бедных и беднеющих слоев населения попытками упорядочить социальные выплаты тем, кто временно оказался изгоем общества и не получал достойных человеческого существования доходов. Они критиковали так называемые законы Хартца: разработанную социал-демократами четырехступенчатую систему выплат социальных льготных пособий.

По многим крупным немецким городам прокатывались демонстрации недовольных. Мне самому не раз в начале и середине 2000-х годов доводилось наблюдать и слышать (эти демонстрации сопровождались выкриками лозунгов против уже принятых законов Хартца и громким барабанным боем) проходившие каждый понедельник вечером выступления недовольных, раздававших всем желающим свои листовки. Это происходило в традиционно голосующем за СДПГ и в значительной мере пролетарском по составу населения городе Эссене, столице промышленного Рура. Было ясно, что в своих «крепостях» СДПГ теряет традиционную популярность.

Результатом данного курса на проведение непопулярных, но давно назревших и отложенных в долгий ящик правительствами

ХДС/ХСС во главе с Г.Колем реформ, стали и внутрипартийные расколы в стане социал-демократов. Произошло обособление левого фланга в СДПГ. Происходили метания руководства в попытке сохранить единство правых и левых в партии, склонить оба фланга к принятию центристской линии. Сам Шредер пытался придерживаться такого центристского курса. Левые социал-демократы обвиняли его в том, что он фактически подыгрывал правым силам в партии.

Результат такого курса сказывался на электоральном поле. Недовольный тем, что многие годы социал-демократические проекты тормозятся бундесратом, большинство в котором имеют христианские демократы, Шредер решает на досрочный роспуск парламента. Они заканчиваются поражением социал-демократов, приходом на пост канцлера А. Меркель, возглавлявшей партию ХДС.

Следствием стал рост популярности партии Левых, возросла ее поддержка электоратом, наметилось объединение сил. В значительной степени способствовал этому Оскар Лафонтен, ставший лидером западногерманской части Левой партии (его лидерство было закреплено на выборах в Сааре 30 августа 2009 г., где партия Левые набрала невиданно большое для западной части страны число голосов — 21,3%, прибавив ровно 19% в сравнении с предыдущими выборами, тогда как СДПГ там же получила 24%, а ХДС — 34,5%). Но и в самой СДПГ оставались левые, имеющие в самой партии не менее 10% сторонников. Отношения между двумя партиями левого спектра оставались весьма напряженными. Лидеры СДПГ продолжали заявлять, что ни при каких условиях не вступят в коалицию с Левыми на федеральном уровне.

Тревожным сигналом для СДПГ стало то, что летом 2008 г. численность членов партии впервые стала меньшей, чем у ХДС. Популярность партии в массах и приток новых членов в ее ряды стали уменьшаться. Тогдашний председатель СДПГ Курт Бек, премьер-министр небольшой западной земли Рейнланд-Пфальц, оглядываясь на 7-летнее правление социал-демократов в стране,

отмечал, что в те годы удалось достичь успехов на пути реформ. Никогда еще в своей истории Германия не была столь богата, писал Бек в статье в социал-демократическом журнале «Нойе гезельшафт» в мае 2008 г., но несмотря на это многие люди в стране имеют основания для жалоб и озабоченности. Их собственное будущее, как и будущее их детей и внуков, представляется им не обеспеченным. Несмотря на полученное образование и имеющуюся работу, многим не удастся укрепить свои жизненные позиции. Статистика свидетельствует, что число людей со средними доходами уменьшается. Бек предлагал еще при этой легислатуре, т. е. правлении большой коалиции из ХДС/ХСС и СДПГ, начавшемся в ноябре 2005 г., осуществить идею участия работников в собственности их предприятия, что позволило бы успокоить многих недовольных и стабилизировать общественную ситуацию. Однако век Бека на посту главы партии был недолог, и вскоре он вслед за своим предшественником Платцеком был вынужден покинуть высокий пост.

В начале 2009 г. руководством партии был предпринят ряд экстренных мер по исправлению ситуации в партии с целью ее большей дееспособности на предстоящих выборах. В игру вновь вступила проверенная партийная гвардия из старого кадрового запаса. На передовые роли вышли Ф. Мюнтеферинг, ставший снова председателем партии, и Ф.-В. Штайнмайер, которого СДПГ выдвинула на парламентских выборах кандидатом на пост канцлера. Они развернули с начала 2009 года активную деятельность по приданию партии надлежащего имиджа в глазах избирателей, как традиционных, так и потенциальных.

Первым крупным общепартийным проектом стала борьба за пост президента на новых выборах, которые должны были пройти 23 мая 2009 г. (этот день пришелся на юбилей принятия Основного закона и создания, таким образом, на западе страны нового Германского государства — ФРГ). В качестве претендентки была выдвинута уже проходившая прежде всю эту процедуру Гезина Шван — президент Европейского универси-

тета «Виадрина» в городе Франкфурт-на-Одере. Мне довелось встречаться с ней и говорить о ситуации в партии в феврале 2009 г., когда она приезжала в Москву на празднование 20-летия деятельности Фонда Эберта в СССР и России, а потом в марте в Кельне, и слушать там ее речь перед аудиторией местных социал-демократов о роли и значении демократии в жизни общества. С подобными речами она выступала всю весну 2009 г. в разных городах Германии, собирая большие аудитории из самих членов СДПГ, тяготеющей к партии молодежи (одна из таких встреч, о которой мне рассказывали мои мюнстерские студенты, проходила как раз в студенческом Мюнстере). Гезина Шван по сути в своих поездках по стране пропагандировала социал-демократические ценности, говорила об отношении социал-демократов к жгучим проблемам современности, предлагаемых способах их решения. И надо сказать, что, несмотря на ее поражение от кандидата правых сил Кёлера, переизбранного президентом ФРГ в мае 2009 г., эта функция — донесение до широких масс идей, с которыми не только она сама в мае, но и вся СДПГ должна была пойти впоследствии в сентябре 2009 г. на общенациональные выборы, была ею выполнена блестяще.

Вторым проектом стало постепенное наращивание мощной предвыборной кампании и сплочения партийных рядов, начиная с весны 2009 г., вокруг Ф.-В. Штайнмайера, набравшего очки в предвыборной гонке, вплоть до того, что ему удалось в начале сентября выиграть телевизионную дуэль у соперницы, занимающей пост канцлера главы ХДП Ангелы Меркель. Накануне выборов, судя по данным социологических агенств, социал-демократы имели около 25% голосов избирателей. ХДС/ХСС имела около 35%, превосходя социал-демократов на 10%. Другие парламентские партии, находившиеся в оппозиции к правительству «большой коалиции» из ХДС/ХСС и СДПГ, т.е. Свободные демократы — СвДП, «зеленые», Левые, имели по опросам, если округлить эти цифры, в среднем около 10% поддержки избирателей.

Хотя главные борцы за лидерство — ХДС/ХСС и СДПГ состояли в одной правящей коалиции и несли общую ответственность за действия коалиционного правительства в 2005–2009 гг., избиратели «наказали, прежде всего, социал-демократов». И 23%, набранные СДПГ, стали своего рода шоком для партии, заставив ее поменять приоритеты. Теперь здесь все чаще раздаются призывы создавать действенные коалиции на местах, а в перспективе не исключено и на общенациональном уровне, и не только с «зелеными», но и с партией Левых.

Как пример удачного сотрудничества партий, составляющих левое крыло, можно привести выигранные СДПГ выборы бургомистра в г.Кельне в августе 2009 г. Мне довелось в ноябре 2008 г. вместе с нашим коллегой и другом Хайнцом Тиммерманном, внесшим большой вклад в деятельность СДПГ, к сожалению, недавно ушедшим из жизни, присутствовать на предвыборной встрече с избирателями члена СДПГ Юргена Ротерса, совместного кандидата от социал-демократов, «зеленых» и Левых, и видеть, как радовались представители всех этих партий тому, что им заранее удалось договориться о коалиции. Именно Ротерсу удалось победить в городе с миллионным населением с результатом 55% голосов на местных выборах, состоявшихся во многих местах страны 30 августа, и эта победа стала добрым знаком для СДПГ. Хотя в других городах самой густонаселенной земли Северный Рейн-Вестфалия (к урнам на тех местных выборах 30 августа имели право прийти 14,4 млн. избирателей) социал-демократы понесли ощутимые потери, и это оказалось преддверием поражения на общегерманских выборах.

В августе 2009 г. в Кельне же мне довелось присутствовать на предвыборных встречах с избирателями таких руководителей СДПГ, как председатель СДПГ Ф. Мюнтеферинг и Андреа Налес, представляющих разные силы внутри партии и ее руководства.

В их речах звучал призыв к дальнейшим реформам, позитивная оценка деятельности министров-социал-демократов в правительстве, не давших этому коалиционному кабинету ущемить интере-

сы трудящихся среднего и малого достатка и поддержать самые обездоленные слои общества — безработных. Число их поначалу существенно уменьшившееся, как полагали многие, именно в результате проведенных предыдущим правительством Шредера реформ рынка труда, затем в результате начавшегося мирового экономического кризиса снова возросло. Но численность и положение безработных в Германии, вызывающих интерес, а иногда и зависть у других партнеров по ЕС, все-таки не столь критические, как, например, в Испании, где безработица достигала невиданных цифр, подчеркнула А.Налес. И все это благодаря в том числе и политике социал-демократов, старающихся сохранить на практике хотя бы неполную занятость, не забывая о стремлении достичь полной занятости. Звучал призыв осуществить, наконец, реформу громоздкой, устаревшей и не соответствующей принципу равенства системы образования, т.е. ликвидировать разделение школьников на обучающихся в реаль-школе, и учеников заведомо поставленных в лучшие условия, обучающихся в гимназиях, откуда они могут в отличие от других сверстников прямо поступить в университеты и продолжить свое образование. Речь шла об отмене оплаты за учебу студентами университетов, введенной в 2004 г. во многих землях (А. Налес подчеркнула, что при социал-демократическом правительстве Рейнланда-Пфальца, откуда она сама, ничего подобного не было). Надо сказать, что именно дальнейший подъем качества образования может повысить конкурентоспособность Германии на мировой арене. Этот проект был в предвыборной кампании у социал-демократов приоритетным.

Речь шла далее и о предложенной социал-демократами в период деятельности правительства большой коалиции 2005-2009 гг. реформе медицинского обеспечения населения, превращению ее из громоздкой и весьма затратной в более экономичную и эффективную. Говорилось и о других реформах и проблемах, которые социал-демократы собирались решить по-своему, если бы им удалось прийти к власти и определять политику кабинета на федеральном уровне. Публика задавала вопросы и произно-

сила речи, свидетельствовавшие об определенном недовольстве социал-демократов и симпатизирующих СДПГ избирателей, приходивших на предвыборные митинги.

Звучала и критика ее политических противников. Представители СвДП, например, предлагали существенно сократить налоги, чуть ли не на 60 млрд. евро. Заявления в этом духе делались тогда и христианскими демократами. Социал-демократы считали, что подобные заявления носили явно демагогический характер. Недобор налогов, полагали в СДПГ, приведет к подрыву и так переживающей серьезный кризис социальной системы, того самого в известном смысле передового социального государства, которое так долго выстраивалось в ФРГ все послевоенные десятилетия. Мюнтеферинг говорил о массовой нехватке учителей средней школы (и это наряду со стремлением государственных органов повысить качество системы образования), а также о дефиците социальных и медицинских работников, призванных заботиться о все возрастающей, ввиду демографических перемен, прослойке престарелых. И разумеется, речь также шла об острых проблемах интеграции, включения быстро растущего слоя иммигрантов в немецкое общество, чтобы эти люди и члены их семей могли, сохраняя свои собственные культурные особенности, чувствовать себя полноправными гражданами.

После пережитого катастрофического поражения на выборах сентября 2009 г. социал-демократам предстоит немало сделать, чтобы добиться реализации поставленных целей — укрепления партийных рядов и модернизации страны. Воплощение в жизнь предлагаемого социал-демократами курса позволит стране достойно выглядеть на фоне все возрастающей конкуренции со стороны других развитых государств, дать сбалансированные ответы на вызовы времени и по возможности быстро решать проблемы все усложняющегося по своей структуре общества нового XXI века.

Е.П. Тимошенкова*

Социал-демократическая партия Германии: от коалиции к оппозиции

Осенние выборы 2009 г. в немецкий Бундестаг, несомненно, войдут в историю Германии как самые неожиданные и драматичные по своим результатам. Никогда еще с 1949 г. — времени образования ФРГ — уровень явки избирателей на выборы не был столь низким. Никогда еще немецкие «народные» партии и, прежде всего, Социал-демократическая партия Германии не несли такие катастрофические потери, а партии «второго эшелона» не добивались такого успеха у избирателей.

Для СДПГ 27 сентября 2009 г. стало днем самого тяжелого поражения за все 60 лет федеральных выборов. Ей удалось набрать лишь 23% голосов. Это на 11,2% меньше, чем в 2005 г. При этом в столице Германии, считавшейся главным оплотом эсдеков, ибо именно здесь социал-демократы давно и успешно правят вместе с партией Левых, они и вовсе оказались на третьем месте, пропустив вперед как эту партию, так и христианских демократов.

Избиратели не просто наказали СДПГ за ее четырехлетнее пребывание в «Большой коалиции», метко прозванной журналистами «слоновой свадьбой», но и весьма жестоко расправились с ней, поставив под вопрос ее дальнейшую политическую судьбу, способность сохранить за собой статус «народной партии». Почти шесть миллионов немцев, которые в 2005 г. еще голосовали за СДПГ, предпочли в этот день остаться дома, или отдать свои голоса другим партиям. Больше всех в этой ситуации выиграла партия Левых. Согласно социологическим опросам их поддержали более одного миллиона сторонников СДПГ. Около девятисот тысяч перешли к блоку партий ХДС/ХСС, столько же к «зеленым». И даже Свободная Демократическая партия (СвДП) пополнила свои ряды за счет социал-демократов на пятьсот тысяч человек.

* Тимошенкова Екатерина Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Европы РАН.

Особенно настораживает, что наибольшие потери СДПГ приходятся на молодежь — наиболее активную часть населения (минус 21% в возрастной группе от 18 до 24 лет и минус 16% в группе от 25 до 34 лет). И даже в рядах ее традиционных сторонников — рабочих, женщин и пенсионеров — большим доверием теперь пользуется ХДС/ХСС.

Многие эксперты и политики накануне выборов ожидали, что СДПГ уступит свои позиции, учитывая общие негативные тенденции в развитии «народных» партий Германии. Однако то, что ситуация окажется для социал-демократов настолько критичной, не мог предсказать никто, тем более что согласно опросам общественного мнения уровень популярности был невысоким у обоих участников правительственной коалиции.

Что же произошло? Почему немецкий избиратель отвернулся от социал-демократической партии, которую поддерживал последние одиннадцать лет? Можно ли говорить о кризисе социал-демократии, ее основных идей и их привлекательности для граждан? На мой взгляд, это не совсем так. И главным доказательством потребности Германии в социал-демократических идеях является рост популярности Левой партии, ее успех на последних выборах. На Востоке страны она уже превратилась в партию, не уступающую по силе СДПГ. Партия Левых наполовину состоит из бывших социал-демократов, которые из-за несогласия с «центристским» курсом «шрёдеровской» СДПГ, покинули ее вслед за Оскаром Лафонтемом и создали вместе с Партией Демократического Социализма — преемницей СЕПГ — новую Левую партию.

С тех пор как Социал-демократическая партия, возглавляемая тогда еще Г.Шредером, взяла курс на привлечение новых групп избирателей и завоевание так называемой «середины» общества, за которую с другой стороны стали с не меньшим усердием и энтузиазмом бороться христианские демократы, ее ярко выраженный «социалистический» профиль начал стираться. Сама же партия разделилась на два лагеря: сторонников реформ-«центристов» и «левых».

«Все, что хорошо для рынка, хорошо и для нас!» — под таким лозунгом запомнилась рядовому избирателю СДПГ тех лет. Проведение политики, отраженной в программах «Агенда 2010» и «Харц IV», предусматривающих облегчение условий увольнения и их выплаты; приватизация железных дорог; увеличение налога на добавочную стоимость, ориентация на интересы крупного бизнеса — все эти и другие меры, противоречащие традиционным ценностям социал-демократии, пошатнули доверие избирателей к СДПГ и породили сомнение в том, что после прихода к власти она вновь будет претворять в жизнь свои предвыборные обещания и ориентироваться на «социальную справедливость».

СДПГ перестали верить. Участие в «большой коалиции» в союзе с христианскими демократами еще больше увеличило число скептиков, сомневавшихся в способности партии отстаивать социалистические идеалы и интересы малообеспеченной части общества. Для многих согласие СДПГ на увеличение возраста выхода на пенсию до 67 лет стало вторым изданием непопулярной политики «ХАРЦ IV», из-за которой бывший канцлер Г. Шредер был вынужден решиться на новые досрочные выборы в Бундестаг. И хотя немецкие граждане, по всей вероятности, осознавали необходимость проведения этих непопулярных, но экономически оправданных мер, направленных на сокращение социальных гарантий и поддержки со стороны государства, подобная инициатива все же должна была исходить, согласно логике избирателя, не от социал-демократов, а скорее от их соперников — партий клерикально-консервативного толка. Видимо поэтому многие избиратели на выборах 2009 г. предпочли отдать свои голоса не СДПГ, попытавшейся в условиях кризиса стать более либеральной, а партиям, традиционно придерживающимся подобной политики — блоку ХДС/ХСС и СвДП, которые, к тому же, по мнению немцев, более компетентны в решении экономических проблем.

Другими словами, СДПГ оказалась в плену обстоятельств, когда ради спасения благосостояния Германии она была вынуждена проводить антисоциальную политику, характерную больше

для ХДС/ХСС, нежели для нее. И надо заметить, что эти непопулярные меры все же способствовали укреплению экономики Германии и решению наиболее острых и тяжелых проблем. Так, например, уровень безработицы сократился с более чем пяти миллионов в 2005 г. до трех в 2009 г. Не говоря уже о том, что Германия оказалась лучше, чем другие страны подготовлена к мировому экономическому кризису.

Премия за утилизацию старых автомобилей, план по спасению крупнейшего автомобильного концерна «Опель», принятие «большой конъюнктурной программы по борьбе с кризисом» — все эти важные и нужные меры принимались правительством «большой коалиции» при активном участии социал-демократов. Однако дивиденды от этих реформ достались другой партии. И основная заслуга в этом — лидера христианских демократов и федерального канцлера Германии Ангелы Меркель, которая сумела за четыре года своего правления представить общие успехи правительства как главные достижения своей партии. Именно она с экранов телевизоров рассказывала миллионам немцев об удачах своего кабинета. Это наталкивает на мысль, что в политике проведение непопулярных, пусть и необходимых решений лучше оставить конкурентам. Избиратель любит приятные новости.

Даже во время предвыборной кампании лидеры СДПГ не пошли на открытый разрыв со своими бывшими партнерами и не смогли записать на свой счет те положительные результаты, которых добилась «большая коалиция» в борьбе с кризисом. До самого последнего момента они так и не предложили избирателям тему, которая могла бы стать альтернативой курсу А. Меркель, и убедить немецких граждан в необходимости голосовать за их партию. В принципе и сам кандидат в канцлеры от СДПГ Ф.-В. Штайнмайер не мог похвастаться политической решимостью и харизмой. Он оказался для избирателя противоречивой фигурой.

С одной стороны, Ф.-В. Штайнмайер был вице-канцлером, министром иностранных дел, фактически вторым человеком в государстве, с другой — выдвиженцем Г. Шредера, соавтором его

непопулярных реформ, повредивших имиджу СДПГ. Для социал-демократов и их сторонников программы «Агенда 2010» до сих пор является камнем преткновения, о который ломается немало копий. Целесообразность проведения этих реформ вызывала сомнения у многих избирателей, и Ф.-В. Штайнмайер ассоциировался именно с этим курсом и с людьми, которые его проводили. К тому же у избирателя могло сложиться впечатление, что он оказался кандидатом на пост канцлера случайно, благодаря стечению обстоятельств и частым перестановкам в руководстве партии.

Плохую службу Ф.-В. Штайнмайеру и всей СДПГ оказал и бывший председатель партии К. Бек. В 2007 г. он, несмотря на отсутствие согласия в партии, официально исключил возможность ее кооперации с партией Левых для создания правительств в западных федеральных землях. Однако после того как в январе 2008 г. стало ясно, что свергнуть правительство в Гессене, возглавляемое одиозным представителем христианских демократов Р. Кохом, можно только вступив в коалицию с партией Левых и «зелеными», он забыл о своем предвыборном обещании. Разгорелся скандал, который подорвал и без того не очень сильное доверие избирателей к СДПГ. Этот инцидент довлел над Ф.-В. Штайнмайером вплоть до осени 2009 г. Многие немцы не знали, с кем в случае победы будут кооперироваться социал-демократы и уже не верили в надежность их обещаний. К тому же открытым оставался вопрос, какую роль в скандале сыграл сам Ф.-В. Штайнмайер? И смог бы он, будучи на месте К. Бека проявить большую силу воли и удержать партию от конфликта? Вплоть до отставки К. Бека не было ясно, что именно Ф.-В. Штайнмайер станет кандидатом на пост канцлера.

Однако он оказался честным политиком, старающимся соблюдать приличия и вести избирательную компанию корректными методами. Ф.-В. Штайнмайер не пытался критиковать политику, проводимую «большой коалицией», за которую нес такую же ответственность, как и госпожа канцлер. Даже его ближайшие соратники были удивлены, что он не стал спекули-

ровать на афганской тематике. Он легко мог потребовать вывода немецких войск или назвать точную дату их ухода из Афганистана. Тем более что в Министерстве иностранных дел, которое он возглавлял, обсуждалась подобная возможность к 2015 г. И повод для подобного заявления тоже был — незадолго до выборов в результате бомбовой атаки погибли немецкие военнослужащие. Экс-канцлер ФРГ Г. Шредер искренне недоумевал, почему Ф.-В. Штайнмайер не стал раскручивать эту тему, которая легко могла бы помочь ему набрать дополнительные очки в предвыборной гонке. Наверное, бывший министр иностранных дел посчитал, что подобное заявление с его стороны прозвучит просто неубедительно, учитывая, что до этого он проводил другую политику. Получилось, что нерешительность Ф.-В. Штайнмайера в ходе избирательной кампании или наоборот — желание соблюсти приличия — оказалось одним из препятствий, не позволившим ему выиграть выборы.

Что означает это самое крупное в истории СДПГ поражение для партии? Кроме того, конечно, что теперь ей снова придется привыкать к роли оппозиции.

Для многих социал-демократов провал на выборах 27 сентября 2009 г. стал символом поражения «старой» СДПГ — СДПГ эпохи Г.Шрёдера, свернувшей с верного пути и начавшей проводить непопулярную антисоциальную политику. «С политикой программы «Агенда 2010» сегодня покончено», — заявил в тот же вечер Н. Аннен, представитель левого крыла СДПГ. «СДПГ необходимо усилить свой социальный профиль», — высказался правящий бургомистр Берлина К. Воверайт. На первый взгляд, может показаться, что это и есть ответ на вопрос, разделивший когда-то партию на два лагеря.

Но что делать дальше, как выходить из кризиса? А дальше, по мнению многих членов СДПГ, должно последовать «кадровое обновление» партии, ее «омоложение» и осмысление ошибок. Другими словами, стоявшие у руля партии представители старой шрёдеровской гвардии должны уступить дорогу молодым и более

левым товарищам, которые не будут испытывать трудностей при ответе на вопрос, возможна ли в будущем на федеральном уровне коалиция с партией Левых.

Левые уже сделали со своей стороны предложение социал-демократам о создании совместных правительств на земельном уровне, чтобы добиться большинства в Бундесрате и тем самым активно влиять на политику черно-желтого кабинета, не дожидаясь следующих выборов. Однако создание «розово-красной» коалиции на федеральном уровне к 2013 г. не может быть простой и элементарной задачей, как кажется со стороны. И не только потому, что многие члены СДПГ до сих пор не простили Оскару Лафонтену его предательства. Не все «левые» мыслят прагматически и мечтают об «объединении рабочего класса». Для многих представителей этой партии она по-прежнему остается партией протеста. Поэтому путь к сближению будет нелегким с обеих сторон.

Многие эксперты в Германии ожидали, что борьба между «левым» и «правым» лагерем в СДПГ последует незамедлительно и будет очень жесткой. Однако подобное развитие событий накалило бы разногласия в партии до предела и могло привести и без того обессиленную СДПГ к полному краху. Поэтому затяжного конфликта обе стороны постарались избежать. В итоге Ф.-В. Штайнмайер возглавил оппозицию в Бундестаге. Он оказался единственной фигурой, несмотря на свою неудачу на выборах, способной консолидировать левое и правое крыло партии. Генеральным секретарем стала Андреа Наллес — представительница левых, а новым председателем партии — умеренный социал-демократ Зигмар Габриэль. Хочется надеяться, что эти кадровые решения позволят СДПГ сохранить баланс и воздержаться от поспешных и необдуманных действий. На наш взгляд, социал-демократам не нужно торопиться поворачивать влево и тем самым оставлять не столь радикально настроенного избирателя на откуп ХДС/ХСС. Последующие четыре года в оппозиции необходимо использовать не только

для обновления партии, выработки привлекательных лозунгов, но и осмысления и разъяснения избирателю уже проделанного пути. Конечно же, кооперации с партией «Левых» избегать не следует. Но очень важно не потерять свой собственный профиль, остаться партией «умеренных» левых, которой будут доверять, опираясь на ее реальные дела, а не на хорошо написанную программу.

27 сентября 2009 г. станет важной вехой в истории партийной системы ФРГ. До этого дня германская парламентская система базировалась на двух, примерно равных по популярности «народных» партиях — ХДС/ХСС и СДПГ — и примыкающих к ним в зависимости от своих политических предпочтений «малых» партиях. После оглашения результатов выборов этот, ставший уже давно привычным, политический баланс нарушился. Теперь можно говорить об одной значительной политической силе — блоке ХДС/ХСС и о четырех более или менее одинаковых по силе игроках: Свободных демократах, «зеленых», Левых, и социал-демократах. В этих условиях для СДПГ становится жизненно важным найти выход из кризиса и вновь завоевать доверие избирателей. Поражение на выборах 2009 г. должно, на наш взгляд, стать «новым началом» для этой имеющей богатую историю партии.

Фёдоров С.М.*

Кризис ФСП и его отражение в общественном мнении Франции

Когда говорят о кризисе социал-демократии, то на память невольно приходит дежурная шутка французских правых по отношению к своим конкурентам из ФСП: социалисты де страдают своего рода паранойей, ибо, находясь в оппозиции, они левые, но когда приходят к власти, становятся правыми. Однако шутники-неоголисты, наверное, не осознают, что ещё больший юмор заключается в том, что та же «политическая болезнь» (только наоборот) поразила и правых.

Этот анекдот, на наш взгляд, хорошо отражает тот факт, что многие базовые ценности, с которыми когда-то идентифицировались социалисты, стали универсальными (социальное государство, защита наёмного работника, политика доходов), равно как и ценности правых, во многом связанные с идеями свободы личности, частной собственности и рынка, также разделяются всеми здоровыми политическими силами.

Отмеченный парадокс одновременно указывает, по нашему мнению, и на главную причину нынешних трудностей западноевропейских социалистов, а именно: он демонстрирует кризис их политической идентичности. Это обусловлено тем, что историческая миссия социал-демократии по большому счёту выполнена: во всех западноевропейских странах в основном завершено формирование социального государства, прочно утвердилась демократия, соблюдаются права человека, в целом достигнут высокий жизненный уровень населения. К тому же идеологический соперник социалистов слева — коммунизм — повержен, и это также подтвердило правильность курса, выбранного социал-демократией. Казалось бы, приверженцы идей социализма должны были бы прочно обосноваться на политическом олимпе и получать соответствующие дивиденды.

* Фёдоров Сергей Матвеевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института Европы РАН.

Однако триумф социал-демократии был непродолжительным: она оказалась бессильна в борьбе с глобализацией, представляющей победный марш неолиберальной модели развития экономики и общества. Несмотря на все теоретические потуги и броские лозунги, вызывающие симпатии (вспомним знаменитый призыв Л. Жоспена: «Да рыночной экономике, нет рыночному обществу!»), серьёзную альтернативную программу неолиберальному курсу ФСП выдвинуть не смогла. Да это было в принципе нереально, так как возможности регулирования на уровне национального государства стали ограниченными. Собственно, это стало ясно уже из опыта неудавшейся миттерановской «социалистической революции путём структурных реформ» начала 80-х гг. Идейный кризис ФСП берёт начало именно в тот период.

Кризис соцпартии в последние годы обострился ещё и в силу того, что новому руководству неоголливов во главе с Н. Саркози удалось обновить идейно-теоретический багаж своей партии, приспособив его к реалиям сегодняшнего дня. Социалисты же остались на чисто оборонительных позициях, ностальгируя по прошлому и пугая глобализацией. Они не стали двигаться вправо к социал-либерализму по уже проверенному «третьему пути». По принципиальным соображениям. В результате французским Блэром стал Саркози. Но не смогли и сместиться влево — место было уже занято остатками сошедших на обочину коммунистов и новых леваков типа Оливье Безансено. Часть сторонников ушла к «Зелёным». Если к этому раскладу добавить такие факторы, как катастрофическое падение роли и численности профсоюзов (всего не более 8% от числа наёмных работников) — исторического соратника социалистов, — эрозию традиционного электората ФСП, внутрипартийные склоки («битва двух дам» за место первого секретаря), то электоральные неудачи последних лет, начиная с психологической травмы 2002 г. и кончая разгромом на выборах в Европарламент в июне 2009 г., не вызовут большого удивления.

Впрочем, говоря об эндогенных причинах кризиса, который переживают французские социалисты, стоит обратить внимание

и на ещё одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что «чёрная полоса» в жизни ФСП это также и отражение общего кризиса партийно-политической системы в странах Западной Европы. В середине прошедшего десятилетия немногим более 10% французов доверяло политическим партиям. 85% не доверяло! Что касается мнения народа о своих избранниках, то, по словам премьер-министра Фр. Фийона (кстати, парламентария со стажем), оно лишь немногим выше, чем отношение к дамам, представляющих самую древнюю женскую профессию. Хотя в такой нелицеприятной оценке, понятно, преобладают эмоции, тем не менее, думается, что французскому премьеру можно верить.

Как отражается кризис ФСП в общественном сознании французов? Может, аналитики сгущают краски, и кризиса как такового на самом деле и нет? В самом деле, в прошлом социалисты не раз переживали тяжёлые времена и электоральные поражения (вспомним хотя бы начало 1990-х годов, когда «царство» Фр. Миттерана подходило к концу), но находили в себе силы для возрождения.

В качестве ответа и «пищи для размышления» приведём несколько таблиц, составленных по итогам опроса общественного мнения, проведённого компанией ТНС-Софрес по заказу газеты «Ле Монд» 4-5 ноября 2009 г. Опросом было охвачено 1000 чел. по всей территории Франции. Так что это вполне научное и репрезентативное исследование, которому можно доверять.

Табл. № 1. Оценка положения и проблем ФСП

Табл. № 2. Уровень доверия ФСП в решении общественных проблем

Табл. № 3. Политдинамика ФСП и отражение интересов избирателей

Как видно из представленных выше таблиц, более 70% французов считают, что социалистам не хватает политического динамизма. Так, кстати, полагают и две трети сторонников социалистов. Тем не менее, почти половина опрошенных (46%) всё же считает, что СП близка чаяниям французов.

Проблема социалистов, по мнению большинства, заключается в отсутствии лидера и идей-предложений (по 45%). Неудивительно, что 55% опрошенных полагает: СП переживает «глубокий и затяжной кризис». В этом убеждена и почти половина сторонников социалистов.

Интересно, что 45% симпатизирующих левым считают, что партии нужно «леветь», а треть отказывается от идеи любого альянса как с центристами, так и крайне левыми.

Что касается доверия социалистам в решении таких вопросов, как борьба с безработицей и поддержание покупательной способности, то почти 60% опрошенных верят политике социалистов. В то же время действия социалистов по уменьшению неравенства и борьбы с бедностью особым доверием населения не отмечены.

* * *

Какие ближайшие политические перспективы ожидают французских социалистов? Очевидно, процесс выздоровления не будет быстрым. Обрести новую идентичность социалистам мешает, в частности, то, что политическая инициатива прочно удерживается конкурентом из неоголлистской правящей партии. Неоголлисты, а не социалисты стали главными борцами с финансовым капитализмом и несправедливой глобализацией. Они генерируют новые идеи, делая акцент не на идеологию, а на прагматический подход, уделяя беспрецедентное внимание вопросам экологии, защиты климата, становлению новой мировой финансовой архитектуры и разработке новых подходов к измерению социально-экономического прогресса. К тому же, Н. Саркози сумел привлечь к совместной работе многих видных социалистов (Б. Кушнер, М. Рокар, Ж. Ланд, Д. Стросс-Кан,

не говоря уже об Э. Бессоне, который перебежал от С. Руаяль в лагерь политических противников в разгар президентской кампании). Налицо утечка умов из ФСП, что говорит об идеологическом кризисе партии. Видимо, неслучайно видный французский политолог П. Розанваллон, выступая однажды на одном из форумов ФСП, подметил следующий парадокс: «Раньше ФСП была малой партией с большими идеями, сейчас — это большая партия с малыми идеями!».

Сейчас под руководством Пьера Московиси ФСП пытается создать новую программу действий, призванную сформировать теоретическую базу социализма XXI века (в какой уже раз!). Планируется её «обкатать» к 2012 г. Но помимо теории для успеха партии требуется также и наличие перспективных и желательно харизматических лидеров. Пока достойных конкурентов ныне действующему президенту из числа социалистов и левых вообще не прорисовывается. Политический ресурс С. Руаяль, судя по всему, уже исчерпан. Вряд ли за два года что-либо в этом плане изменится. Так что вероятность выдвижения Н. Саркози на второй срок, как и его победы на президентских выборах 2012 г., весьма высока. Если, конечно, он не сделает каких-то непоправимых ошибок. Максимум на что могут надеяться социалисты — победа на парламентских выборах. Но для этого нужно здорово постараться. По крайней мере, ресурс времени пока для этого имеется.

Ю.А.Вялков*

Демократическая партия Италии: тяжелые роды нового «социалистического» проекта

14 октября 2007г. — официальная дата рождения новой политической формации итальянских левых сил. Ее название — Демократическая партия (ДП), кажется, уже само собой указывало на основной принцип ее строительства. Разнообразные, разрозненные и зачастую противостоящие друг другу многочисленные политические образования Италии «левого» толка после неудачного опыта работы в рыхлой коалиции Романо Проди на этот раз приняли участие в новой попытке создать единую партию, нацеленную на демократические преобразования. Архитекторы новой партии за основу политического строительства взяли принцип «исторического компромисса», а в качестве фундаментальной идеи предложили борьбу за прогресс и развитие общества не только в экономическом, но и в социально-политическом плане. Новая Демократическая партия задумывалась не только как широкий блок сил, выступающих за прогресс, но и как реальная, самодостаточная и полноценная партия, оппозиционная блоку «Народ свободы» небезызвестного бизнесмена и политика Сильвио Берлускони.

На самом деле усилия по созданию в Италии оппозиционной Берлускони партии прилагаются уже давно. Однако бывшему телемагнату и неоднократно премьер-министру Италии все время удавалось одерживать верх над своими оппонентами. Неустанная пропаганда роста благосостояния населения и развития общества потребления, «бизнес-риторика» в политических действиях и даже культивирование образа спасителя нации от некоего «тайного заговора тёмных сил» коммунистического и заодно массонского толка получили в Италии вполне определённое обозначение — «берлусконизация». В качестве иллюстрации нового термина неустанно

* Вялков Юрий Александрович, кандидат исторических наук, сотрудник Центра партийно-политических исследований Института Европы РАН.

приводят рекламный ролик блока Берлускони, где молодые люди, купив мороженого и сладостей, гуляют по улицам родных городов и, следуя ритмам американской поп-культуры, благодарят всевышние силы за щедрый подарок в лице «защитника нации» (*cavaliere*) Сильвио Берлускони.

И хотя итальянцев уж никак нельзя отнести к категории легкомысленных людей в политике, тем не менее, упрощенное видение жизни и перспектив общества им пока приходится по вкусу. Объяснить это можно главным козырем Берлускони — стабильностью возглавляемой им исполнительной власти. Это та заветная цель, которую так тщетно пытаются достичь представители левых сил. И Демократическая Партия — это очередная попытка создать именно стабильную платформу для формирования дееспособных правительств силами, противостоящими «берлусконизации» страны.

Соперничество двух новых для Италии политических миров — правоцентристов и левоцентристов — продолжается уже 15 лет. Прошедшая за это время политическая дуэль между Берлускони и выдвиженцем от «левых» Романо Проди, пожалуй, ярчайшего представителя итальянской интеллигенции в политике, осталась за нахрапистым бизнесменом. Берлускони удалось реализовать в политике свой бизнес-проект. Перед харизмой бывшего телемагната не устоял даже строптивый северный бунтарь, лидер Лиги Севера, Умберто Босси. Романо Проди, напротив, указывая итальянцам на абстрактные ценности солидарности и социальной справедливости, доказал, что может победить, но, увы, не показал способности править. Коалиция Проди, пришедшая в 2006 г. к власти с перевесом в ничтожные 24 тыс. голосов, не протянула и двух лет. В мае 2008 г. противоречия разорвали союзников, интеллигентный профессор экономики из Болоньи за собственное бездействие был окрещён именем калорийной колбасы *mortadella* и вскоре лишь подтвердил своё бессилие заявлением об уходе из политики. Произошедшие события стали своеобразным дебютом для новой и молодой Демократической партии (ДП). Теперь ей

предстояло помериться силами с политической бизнес-машиной Берлускони.

Романо Проди, покидая политическую сцену, сумел всё же обеспечить молодой партии полгода на собственное оформление. А строить было что. Основное ядро Демократической партии составили бывшие еврокоммунисты из Демократической партии левых сил (ДПЛС), где всё большую роль играл Массимо Д'Алема и партия «Ромашка» (*Margherita*) во главе с экс-мэром г.Рима Франческо Рутелли. Само по себе сотрудничество двух весьма разных партий во время избирательной кампании — это уже сенсация. А теперь они и вовсе решили слиться в одну, единую партию. ДПЛС — это одна из основных правопреемниц старой ИКП и наследница т.н. «красной» субкультуры центральных регионов страны — Тосканы, Марке и Эмилия-Романьи. Город Болонья и прежде всего интеллигентные круги Болонского университета — это главная цитадель и мозговой центр продолжателей «красной» традиции в итальянской политике. Партия же «Ромашка» не имела почти ничего общего с традициями ИКП. Она на 80% состояла из т.н. «центристов», считавших себя продолжателями традиции социального христианства — некогда отдельного течения в рядах итальянской ХДП. Своим появлением *Margherita* обязана, как ни странно, также успешным бизнесменам в политике, или, наоборот, политикам, тесно связанным с деловым миром. Правда, в отличие от Сильвио Берлускони, представители «Ромашки» часто в своих заявлениях делали упор на «социальную ответственность бизнеса», невзначай называя собственную партию социал-демократической. Парадокс, но такие видные сторонники Берлускони, как Франко Фраттини и Джулио Тремонти, также считают себя сторонниками социального христианства и продолжателями социал-демократических идей. Однако это не мешает им оставаться в тесном союзе с Берлускони.

Помимо двух во многом противоречивых друг другу столпов новой Демократической партии в её ряды вошли также и за-

щитники окружающей среды. В результате сформированная партия оказалась аж «трёхцветной», видимо, претендуя своим национальным триколором (зелёный, белый, красный) на превращение в символ национального возрождения. Однако, увы, тремя цветами дело не ограничилось. Недаром те же ДПЛС и «Ромашку» в Италии зачастую называли «матрёшками с бесчисленным потомством». Как и во время предыдущих попыток создания объединений «левых» сил — коалиции Оливкового дерева (L'Ulivo) 1996-2001 и «Союза» (L'Unione) 2006-2008 гг. — остро встал вопрос о судьбе многочисленных внутрипартийных течений и их руководителей. Эту наболевшую проблему попытались решить сначала через унификацию политической платформы. Но вместо объединения взглядов начался настоящий торг, окрещённый СМИ как «Базар ценностей». В рядах новой партии бывшие «левые демократы», представители социальной христианской идеи, сторонники светского государства, борцы за права сексуальных меньшинств и adeпты социальной солидарности, не считая уже защитников окружающей среды, около месяца никак не могли договориться по поводу того, интересы каких же итальянцев должна выражать Демократическая партия. Сошлись на формулировке, что новая партия — это просто партия итальянцев. В череде бесконечных споров о судьбе однополых браков, будущего семьи и формы рыночных отношений, продолжатели политических традиций левого толка даже забыли о собственных основополагающих ценностях. Так громкий скандал возник вокруг темы антифашизма, которую создатели новой партии спешно дописали в политическую программу аж неделю спустя после её предварительного утверждения. Подобная неразбериха не осталась без внимания избирателей, язвительно комментирующих развернувшийся спектакль.

Споры вокруг положений программы партии усугублялись нерешёнными имущественными и финансовыми вопросами. Ни ДПЛС, ни «Ромашка» не спешили отдавать собственные денежные фонды, и что поразительно: долгое время продолжали содержать

собственные партийные помещения под названием своей родной партии. Таким образом, Демократическая партия фактически оказывалась бессодержательной вывеской, за которой продолжалась семейная драма бесчисленного потомства разноцветных матрёшек.

При столь неблагоприятных условиях ДП вынуждена уже через два месяца после своего основания вступить в политическую борьбу на региональных выборах в стране. Ещё до ухода Проди стало очевидным, что симпатии итальянцев явно перевесили в сторону Берлускони. Однако всё, что сумел противопоставить кавалеру Сильвио первый лидер ДП Вальтер Вельтрони, так это игра в «кандидата по-американски», окрещенная в народе как «обамизмо». Не имея в своём арсенале чёткой, отличной от Берлускони программы, Вельтрони, уподобляясь Б.Обаме, делает ставку на личные качества и обещания перемен. Правда, категорично звучащие из уст Обамы “Change!” по-итальянски выражено мягче, лишь как «Мир меняется!» (*Il mondo cambia!*). Американское “Yes we can!” (Да, мы можем!) перефразировано как «Это возможно сделать!» (*Sip può fare!*). Видимо, подражание уже ставшему популярным в мире кандидату Баракку Обаме должно было помочь Вельтрони переступить через мелкие распри, царящие внутри партии и сплотить её ряды ради «особого будущего». Чем ближе в Штатах дело подходило к выборам, тем громче были слышны в Италии слова «Сделать, как Барак!» (*Fare come Barack!*), будто Обама взорвёт мир, как некогда «Октябрь 1917 года». Однако мир не спешил меняться. В Италии энтузиазм Вельтрони спотыкался о саркастические эскапады Д’Алемы, негласного лидера ортодоксального «красного» течения трёхцветной партии и по совместительству правой руки самого Вельтрони. Прогнозы Д’Алемы на предстоящие региональные выборы сводились к двум лозунгам. Тоскана, Эмилия-Романья, Марке — “Yes we can!”, Абруцци, Лацио, Кампания — “Yes weekend!”.

Взвешенные прогнозы д’Алемы оказались сильнее заряженно-го американской идеей энтузиазма Вельтрони. Уже в декабре на-

чинается череда избирательных поражений кое-как действующей Демократической партии. Запущенная на скорую руку рекламная кампания не приносит существенных результатов. Судя по рекламным роликам, электорат ДП — это «перспективная молодёжь», предпочитающая столу в читальном зале ноутбук марки APPLE MACINTOSH у себя на коленях в каком-нибудь парке; это пристёгнутые ремнями безопасности водители и передвигающиеся с касками на голове мотоциклисты; это с иголочки одетые белые и синие воротнички, голосующие только за стабильное будущее; довольные рабочие, улыбающиеся предприниматели, счастливые «цветные» иммигранты. Если же отбросить форму исполнения, то, по сути, зрителям предлагался тот же идеальный мир, который вроде уже строится с подачи Сильвио Берлускони. Оказалось, Вельтрони не предлагает ничего нового, а это означало, что для рядового избирателя грань между левоцентристами и правоцентристами исчезла. Всё чаще в среде избирателей звучала мысль о том, что Италия Сильвио и Италия Вальтера по сути одна и та же, где нет вражды и злобы, и где царит полная идиллия. Но в то же время Италия оставалась страной, где политики забыли о неуверенности людей в завтрашнем дне, мусорных проблемах, вражде и нетерпимости к пришельцам, росте преступности, мафии и обещали всеобщее благоденствие среднего класса, забывая при этом о его уверенной деградации.

Во время избирательной кампании Вельтрони старается поддержать авторитет партии заявлениями в стиле «мы являемся самой крупной в истории Италии реформаторской силой». Но очень скоро размеры этой «силы» стали стремительно сокращаться. Молодая ДП не выдерживает проверки на прочность региональными выборами. Унаследовав от блока Проди более 33% голосов избирателей, за лето 2008 г. партия опустилась до 30%. Накануне католического Рождества рейтинг просел до 27%, уже в начале 2009 г. была продавлена отметка в 25%, а после проигранных выборов на Сардинии, когда ДП собрала всего лишь 22% голосов, и вовсе встал вопрос о роспуске партии.

Политические аналитики Италии сошлись во мнении, что причиной провала ДП стала её компромиссная природа. Партия Вельтрони просто перестала быть оппозиционной. Ушла в прошлое острая полемика между лидерами. На смену острому политическому противостоянию двух противоборствующих блоков вдруг пришла удивительная идиллия во взаимоотношениях между парламентариями. Порой складывалось впечатление, что Вельтрони — это дальний политический родственник Берлускони. Пропали и язвительные парламентские выражения, к которым так привыкли простые итальянские избиратели. На смену звучным прозвищам и кличкам в адрес Берлускони приходят выражения в стиле — «основной представитель политического течения, противоположного нашему», культивируемые экспонентами ДП как некое новое слово в политкорректности.

В принципе, можно с полной уверенностью утверждать, что политическая борьба в её классическом итальянском понимании просто исчезла. ДП, объявив себя после выборов весны 2008 г. оппозиционной силой, видимо забыла, как это делается на Апеннинах. Вместо громких разоблачений и эмоциональных выступлений на трибуне Парламента созывается «теневой кабинет», создаются комиссии по важнейшим для страны вопросам и по четвергам проходят мирные заседания. На следующий же день оппозиция прилежно выслушивает предложения правящей силы, аплодирует (!) и подтверждает своё стремление к конструктивному диалогу. Вся эта игра в англосаксонскую демократию вызывала, по меньшей мере, удивление у избирателей, не говоря уже и о волне критики со стороны печатных изданий левого толка: *La Repubblica*, *L'Espresso*. А вот на страницах английской *Time* сложившуюся ситуацию в итальянской политике окрестили как царство «Вельтрускони», портрет которого состоял из двух половин лица: левой — Вальтера, правой — Сильвио. Так называемый период «теневого кабинета» означивал фактическое отсутствие в Парламенте оппозиции. Заигрывание с англосаксонской моделью демократии завершилось только

лишь со сменой руководителя ДП в феврале 2009 г. Однако за время своей компромиссной деятельности ДП не только потеряла треть своих избирателей, но и лишилась важной части своих союзников. Так, партию Вельтрони стали покидать течения католического толка. Запущенный ещё Романо Проди политический проект т.н. «взрослого католика» для обсуждения таких острых для церкви социальных вопросов, как аборт, эвтаназия, биоэтика повис в воздухе. В рядах ДП этими проблемами активнее всего занимались бывшие члены «Ромашки». Однако мечта о создании общего дома для светской и католической культур так и не состоялась. Церковь в Италии заняла непримиримую консервативную позицию и отметала возможности критической дискуссии по переоценке собственных моральных ориентиров. Диалог не состоялся также из-за принципиальной недоброжелательной позиции красного крыла ДП во главе с Массимо Д'Алема, утверждавшего, что удел католиков в рядах новой партии — это всего лишь борьба за социальную справедливость. Подобное уничтожение авторитета церкви подтолкнуло католиков к переходу в ряды блока Сильвио Берлускони.

Тем временем Демократическая партия продолжала утопать в своих внутренних разногласиях. Единства не было даже в вопросе о запуске собственного политического телеканала. И в этом вопросе в полной мере проявилось соперничество между Вельтрони и Д'Алема. В результате появилось два канала. Вельтрони запустил «бело-зелёный» YouDem (созвучный с популярным американским медиапорталом YouTube), а Д'Алема торжественно открыл «красное ТВ» (Red TV). Когда-то Сильвио Берлускони, добившись невероятного успеха в развитии коммерческого телевидения, решил перенести свой опыт администрирования в политику и добился успеха. Лидеры ДП, видимо, постарались пройти ту же самую дорогу в обратном направлении. И хотя сам Вельтрони был достаточно близок к кругам госканалов RAI, медиапроект ДП закончился провалом. Очередная неудача спровоцировала разговоры о смене руководства партии. Сам же Вальтер

Вельтрони, несмотря на своё коммунистическое прошлое, так и не сумел стать единоличным лидером и для «красного» крыла ДП. У Вельтрони в принципе не оказалось ни политической воли, ни решимости, ни необходимой ответственности для объединения разрозненной и постоянно терпящей поражения молодой Демократической партии. Показательно, что после отставки Вельтрони его преемник отменял «англосаксонские» опыты «политкорректной борьбы» под бурные аплодисменты однопартийцев всех цветов.

Ещё одним негативным следствием т.н. «конструктивной оппозиции теневого кабинета» стало резкое ослабление в рядах ДП внутрипартийной дисциплины. Следствием этого явились коррупционные скандалы. Как оказалось, вкус лёгких денег по нраву и левоцентристам. Сицилия, Сардиния и, прежде всего, Неаполь с его мусорной проблемой и даже «красный» бастион Тоскана — стали центрами судебных разбирательств о коррупции в местных органах власти. В делах оказались замешены люди, близкие к руководству ДП. Это лишь подлило масла в огонь. Последним аккордом в череде региональных поражений ДП стал проигрыш в феврале 2009 г. Ренато Сору на Сардинии. Этот предприимчивый сард оставался, пожалуй, последней зацепкой Вельтрони. Образ основателя компании *Tiscali* рассматривался окружением Вельтрони как некий идеал ответственного предпринимателя. Так, несмотря на собственные успехи в секторе телекоммуникаций, Сору фактически спас от банкротства главный печатный орган левых сил газету *L'Unità*, основанную ещё в 1924 г. самим А. Грамши. Новый редактор газеты Кончита де Грегорио в кратчайший срок сумела поднять мизерный тираж издания за счёт освобождения полос от сообщений о внутривнутриполитических неурядицах среди течений Демократической партии. Было объявлено своеобразное «табу» на интервью с «важными представителями». Отныне первые полосы принадлежат таким персонажам реальной политики, как Ингрид Бетанкур. Культурная полоса рассказывает о за-

мысле режиссера нашумевшего фильма «Горбатая гора» о ковбоях геях. Публика воспринимает на «ура» обвинения газетой официального телевидения в цензуре откровенных любовных сцен. То, что интересует аудиторию, — это проблемы учащихся, нелегальных работников, вычеркнутых из социальной жизни общества, простых рабочих фабрик, находящихся под страхом увольнения, а также отчаивавшихся иммигрантов и безработных. Иными словами, газета Кончиты де Грегорио выявила те вопросы, которые на самом деле волновали потенциальный электорат Демократической партии. Но февральское поражение Сору на Сардинии всё же заставило руководство газеты умолкнуть и подготовиться к процедуре банкротства. Сардинский предприниматель ввиду собственных финансовых проблем решил покинуть политику. За ним же после собственного политического банкротства руководство ДП покинул 16 февраля 2009 г. и сам Вальтер Вельтрони.

Сменивший Вельтрони адвокат Дарио Франческини изначально считался как технический руководитель, в задачи которого входило участие в евровыборах и подготовка общепартийного конгресса для избрания нового лидера. Франческини не имел за плечами ни коммунистического, ни социалистического прошлого. Это был типичный компромиссный политик, выходец из рядов «Ромашки». Его действия на посту лидера партии оказались неоднозначными. С одной стороны, роспуск «теневого кабинета» ознаменовал возвращение к активной оппозиции. С другой — Франческини фактически признал многочисленные «течения» внутри партии, а его упорные попытки создать политический альянс с партией «Италия ценностей» неизвестного прокурора Антонио ди Пьетро раздражало «красные ряды» во главе с Массимо Д'Алема. Ещё Вельтрони во время региональных выборов испробовал союз ДП с фланговыми партнёрами — центристской «Италией Ценностей» и радикальными левыми. Результат оказался печальным. Выборы были проиграны, а сама ДП расколота. Франческини попробовал сместиться

к центру, делая ставку на бело-зелёные цвета. По его мнению, сторонник или член ДП — это политик-католик, который не боится левых идей и готов обсуждать проблемы солидарности, равенства и поправок к Конституции. В то же время сама ДП должна стать некоей компромиссной площадкой для сил различного толка, как некогда ХДП, получившая в послевоенное время кличку «Белый кит». Свою партию Франческини называл «Красным китом» и тут же оговаривался, что лидером себя не считает, исполняет техническую «переходную роль» и ни в коей мере не ассоциирует себя ни с Обамой, ни с Мессией. Подобные заявления не обязывали нового главу ДП считаться с мнением «красных» однопартийцев по вопросам, будоражащим страну. Так, когда в Италии развернулась дискуссия об искусственном прерывании жизни инвалида Элуаны Энглар, Франческини и большинство его сторонников из бывшей «Ромашки» проголосовали «против». Недовольные «красные» припомнили действующему секретарю и его отрицательное отношение к однополым бракам и вовсе обвинили в пораженческих настроениях. Блок «красных» и «белых» в рамках ДП стремительно разваливался. При проведении евровыборов рекордное неучастие в них населения и как следствие — скромный, «предсмертный» результат ДП лишь усугубили конфликт.

В конце концов, 25 октября 2009 г. в Демократической партии переизбран лидер — им становится «красный» политик Пьер Луиджи Берсани. Отныне «абстрактная дорога в будущее» по Вельтрони партию не интересует. Для Берсани важно укрепиться корнями в настоящей реальности. Новый секретарь считает себя продолжателем «великой партии» (ИКП), расколовшейся в результате «безумства конца прошлого столетия». Его модель переустройства страны — это процветающая земля провинции Эмилия, с её славными городами Болонья, Парма, Модена, со знаменитыми сырами, фруктовыми садами, лучшей в стране пастой и веселящим вином. Социальная справедливость по Берсани — это его судьба: жизненный путь от простого сына

заправщика до министра в кабинете уважаемого профессора Болонского Университета Романо Проди. Демократическая Партия Берсани не может быть текучей, как сезонные альпийские ручейки, она плотна, выдержана и тверда, как сыр Пармеджиано-Реджано. Его партия «тучна и полна веселящей крови, любит вкусно поесть, изысканно выпить и заняться любовью».

Однако на естественный вопрос, как же добиться такого партийного монолита и вступить в борьбу за столь аппетитные цели, пока есть только один ответ. Стремление к прогрессу общества. Видимо, это новаторское, по мнению нынешнего руководства ДП, стремление не свойственно «компромиссным» социалистам Европы, что и вылилось в попытку создания отдельной группы в Европарламенте, несостоявшуюся лишь в результате компромисса — переименования ПЕС во фракцию «Социалисты и демократы».

Но всё же пока Демократическая партия Италии продолжает жить на волне энтузиазма. Какова новая линия партии, неясно, как и неясно ее будущее в бурлящей политическими страстями Италии.

Данилевич И.В.*

**Испанская социалистическая рабочая партия у власти:
возможности и пределы антикризисной политики**

ИСРП с самого начала испанской перестройки имела большое влияние на общество, а в самый трудный период приступила к выполнению наиболее сложной задачи: совершения перехода от модернизации государства к модернизации общества, что требовало проведения социально-экономической, административной и культурной перестройки, вступления в ЕС, позиционированию страны в быстро меняющемся глобальном пространстве. К 1982 году ИСРП осталась единственной партией, которая, опираясь на общественное мнение, смогла взять на себя ответственность выполнить эти задачи и завершить создание государства автономий, оставленное ей в наследство разрушающейся либеральной партией. Сейчас она в таком же трудном положении, но уже находясь у власти. Однако политические, социально-экономические, и геополитические условия стали другими. Косвенный ответ на этот вопрос можно найти в выступлении Ф.Гонсалеса на праздновании 200-летия победы стран Латинской Америки в борьбе за независимость, экс-генерального секретаря ИСРП (1972-1998 гг.) и бывшего председателя социалистических правительств (1982-1996 гг.). Рассматривая состояние правящего класса Европы, Ф.Гонсалес говорил о том, что «мы не имеем ясности, чтобы понять модель глобализации, от которой мы уже не можем отвернуться и которая одновременно рождает богатства, но порождает хаос». Фелипе Гонсалес предупреждает о грозящей опасности от тех, кто мечтает вернуться к процветанию без установления контроля над рынком. В случае их победы он (политический класс Европы), «как курица, высидит новый кризис».

Тут стоит вспомнить, что в отличие от сегодняшней ИСРП, правительство Ф. Гонсалеса в 1982 г. в общем и целом представ-

* Данилевич Инесса Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

ляла задачи, цели и механизмы предстоящей социально-экономической модернизации. Гонсалес мог обратиться к гражданам и, прежде всего, к трудящимся с разъяснениями о тех пределах, которые Испания не может преступить, «догоняя капиталистическую Европу», и следовательно, трудящимся придется на несколько десятилетий забыть о социализме. Потерпеть несколько лет и пережить немалые трудности, прежде чем будет построена эффективная экономика и уже на ее основе создана универсальная система социальной защиты. Тогда Гонсалес сказал даже больше — в первую очередь необходимо поддержать предпринимателей, поскольку модернизацию мы будем проводить в условиях капитализма и по его законам.

Недавняя история напоминает испанцам, что происходит с политическими общностями и даже влиятельными крупными партиями, если они выходят не только за рамки закона, но и за пределы, которые им ставят граждане, с их уровнем политического сознания, особенностями культуры, традиционными навыками и т.д.

По мере нарастания сил и уверенности у консервативной Народной партии (НП) и уменьшении разрыва в количестве голосов, подаваемых за ИСРП и НП, их отношения обострились. Если ИСРП продолжала придерживаться норм «национального согласия», то народная партия после ухода старшего поколения, представители которого принимали активное участие в создании демократического государства, и прихода нового поколения не считала себя связанной этими нормами. В 1996 г. ИСРП потеряла власть не потому, что провалила проекты социально-экономической, культурной, административной модернизации. Общественное мнение расценило социалистическое правление как вполне успешное. Большинство испанских граждан, особенно молодое поколение, отказали в доверии ИСРП и обвинили ее не только в недооценке произошедших, благодаря ее же собственным усилиям, изменений в обществе, но и в том, что она не представила проект развития страны и общества на предстоящий

исторический этап. Молодое поколение социалистов посчитало, что нынешние «отцы партии» не «перенесли нервной перегрузки» за двадцать лет борьбы с франкизмом и последующей перестройки.

Как можно оценить все это с позиций 2010 г.? Были ли основания для столь длительной эйфории? Да, конечно. Достигнуто было очень многое. Осуществился переход, так, как он был задуман. Испания к середине 90-х гг. XX века набрала высокие темпы социально-экономического развития, как и в других сферах жизни общества и государства. Она догнала развитые страны по многим основным параметрам. Но она лишь догоняла. Для дальнейшего нового рывка она оказалась не готова. Слишком увлеклась самоустройством в новом для нее геополитическом пространстве. Открыла широко двери для иностранного капитала, не думая о последствиях. У социалистических правительств не оставалось времени для накопления внутренних моральных и экономических ресурсов. Ни одна из реформ не была продолжена. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что правительство ИСРП, занявшись в середине 1980-90 гг. созданием общества благосостояния, пренебрегла экономикой, надеясь на рынок, на помощь Европы советами и средствами.

Придя к власти, НП не решалась нарушать наступившую в стране стабильность и пользовалась достижениями правления ИСРП, хотя затормозила принятие проектов и законов, ранее разработанных правительством социалистов. После второго прихода к власти в 2000 г. НП определила свой собственный курс как во внутренней, так и во внешней политике. Она откровенно выступала против предложений оппозиции заключить общенациональные пакты и вообще на дух не принимала ИСРП. Она ужесточила политику по всем возможным направлениям; попыталась вернуть некоторые привилегии церкви; вернуть диктатору Франко ореол спасителя нации; отвергла, как опасные, разрушающие единство государства и нации, требования регионов пересмотреть устаревшие за почти два десятка лет статуты автономий. НП не считалась

с антиамериканизмом в настроениях общества, с его нежеланием втягиваться в военные конфликты и озабоченностью попытками «увести» Испанию из Европы.

К 2004 г. ИСРП оправилась от кризиса. Не без участия Луиса Родригеса Сапатеро, который на 35 съезде ИСРП, созванном сразу после поражения партии на всеобщих выборах 2000 г., сумел переломить настроение делегатов, близкое к отчаянию. Неожиданно избранный генеральным секретарем партии, он способствовал преодолению состояния разброда. Опытный парламентарий и руководитель фракции ИСРП, за 4 года он сумел противопоставить политике, разрушающей социальную и политическую стабильность, нарушающей баланс отношений между центром и автономиями, политику согласия и терпимости. К тому же в предвыборной программе социалисты обещали способствовать разработке новых статуты автономий, принять законы, расширяющие права граждан, в том числе «зависимых» слоев, «вернуть страну в лоно ЕС», вывести испанский контингент из Афганистана, изъять эмиграционную политику из ведения Министерства внутренних дел, передав ее министерству труда и социальной политики. Когда в марте 2004 г. за три дня до всеобщих выборов было организована чудовищная акция террористов (около 200 убитых и 2000 раненых), повергшая население страны в глубокий шок и трагические настроения, правительство Х-М.Аснара поспешило объявить о том что виновником, совершившим этот ужасающий акт, является ЭТА, тем самым стремясь подтвердить правильность антибаскской политики. Когда же выяснилось, что террористический акт совершен исламскими террористами, Аснар продолжал настаивать на своем, он не хотел отказываться от своей позиции, утверждая, что, борясь с ЭТА, он борется с международным терроризмом. Социалисты сумели переломить ситуацию и получили электоральный перевес. За них проголосовало на три миллиона граждан больше, чем на предыдущих выборах

Начался второй период пребывания ИСРП у власти. Вначале ее первые шаги казались не совсем удачными, хотя и вынужденными:

немедленное выполнение обещаний предвыборной программы. Напомним, что новым правительством принимается ряд социальных законов, расширяющих права молодежи, женщин, стариков и детей, облегчающих доступ эмигрантов к полному пакету социальной защиты. Опыт прошлого по развитию социальных программ показывал, что начинать их надо с предварительного накопления моральных и материальных ресурсов. В документах ИСРП констатируется факт вступления Испании в общество информации и необходимость перехода к обществу знаний. В июле 2004 г. состоялся 36 съезд, резолюции которого подтвердили левые позиции партии, включающие борьбу за новый социализм в сфере идей, за расширение демократии и модернизацию. На нем прозвучала тревога по поводу действующей в Испании модели производства и инвестиций, пока приносившей хорошие результаты. В проекте программы, обсужденной на партийной Конференции, опубликованной в сентябре 2006 г., было записано, что действующая модель промышленной политики и инвестиций обеспечивает оптимальные на данный момент темпы развития государства и общества и реальную возможность властей решать очередные социальные задачи. Однако ИСРП видела пределы этой политики, ощущала необходимость искать ей замену. В течение двух последних предкризисных лет Председатель правительства Л.Р. Сапатеро неоднократно предупреждал, что страну ждут тяжелые годы. ИСРП победила на выборах 2008 г., не успев сделать ни шагу к другой модели производства и инвестиций.

Кризис в Испании привел к финансовому коллапсу, к падению производства, к росту дефицита платежного баланса, росту безработицы. Впрочем, были приняты экстренные меры. Прежде всего, необходимо было разобраться, в каких случаях Испания пострадала от своей еще неизжитой отсталости, а в каких — от глобального и многостороннего кризиса. Нужно было определить, с чем смогут справиться автономные власти сами, а где им нужна помощь. Без этого невозможно было совместить неизбежные и немедленные антикризисные меры с планами на перспективу.

Без этого нельзя было правильно оценить характер и структуру испанской безработицы. А она оказалась самой высокой в Европе. Снижение безработицы с 22% до 8% к началу XXI века произошло за счет поглощения неквалифицированной рабочей силы, при росте производства на модернизированных, но традиционных отраслей производства. Новые отрасли, требовавшие развития сферы информации и новых технологий, создавались, главным образом, с помощью иностранного капитала. Поэтому прежде всего пострадала сфера строительства, индустрия туризма, иностранные банки и предприятия. Очень быстро выяснилось, что решение проблемы безработицы связано с изменением структуры занятости посредством новой модернизации. Ориентируясь на получение исключительно «быстрых денег», правительства не имели возможности расширять траты на социальные нужды, в том числе поддерживать систему выплат и компенсаций за увольнения.

Действующая модель производства и инвестиций способствовала отставанию производительности труда от роста благосостояния, вела к крайне низким инвестициям в науку, в развитие новых технологий и в образование. Модернизацию 80-90 годов вынесло на своих плечах поколение квалифицированных рабочих, мастеров, прорабов, подготовленных трудовыми университетами и профессиональными институтами, созданными еще во времена франкизма, и специалистами, получившими высшее техническое образование за рубежом. К середине 90-х годов прошлого века эти ресурсы были исчерпаны. Обозначились новые потребности, требовавшие более высокой квалификации работников, способных взять на свои плечи создание общества информации и общества знаний. Проведенная еще в первый период пребывания ИСРП у власти (1982-1996) реформа образования облегчила доступ к высшему образованию и во многом качественно улучшила начальное и среднее. Но высшее образование сохранило свою структуру — в нем по-прежнему превалировало гуманитарное направление. 30% заканчивающих вузы не стремятся делать карьеру.

Однако, несмотря на начавшиеся дискуссии по реформе образования, которые были поддержаны правительством, каждый день требовал немедленных конкретных антикризисных мер. Крупные банки потребовали помощи у правительства, и она была им оказана. Сапатеро обязан был принять рекомендации европейских институтов по сокращению платежного дефицита, государственных долгов в том числе. Он не торопился сокращать социальные расходы. За исключением случаев, когда обнаруживалось, что какие-то отдельные группы трудящихся получали зарплату, жалование или льготы, по размерам выше средних по ЕС в соответствующих группах. Парламенту были предложены и одобрены социалистическим большинством проекты изменения ставок по налогам, изменений в бюджете и в инвестиционной политике.

Однако к концу февраля 2010 г. посыпались предупреждения испанскому правительству от известных международных финансовых и рейтинговых институтов, опирающихся на выводы финансовых аналитиков, в которых отмечается отставание Испании в принятии антикризисных мер, в том числе чувствительных для широких масс населения, и ухудшение финансового и общеэкономического положения страны, провал проектов и расчетов экономической и финансовой динамики на ближайшие месяцы и даже годы. Очевидно, что такое качание маятника в экономической в социальной и политической сфере будет наблюдаться еще не раз. Тем самым правительство ИСРП и Социалистическая партия в целом отнюдь не гарантируют себе спокойной жизни, давая шанс консервативной оппозиции надеяться на очередное возвращение во власть.

Т. Б. Коваль*

Католическая церковь Испании и правительство социалистов: успехи и трудности диалога

В современной Испании, в отличие от многих других европейских стран, положение социал-демократии более благоприятное. Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) находится без перерыва у власти с 2004 г. и пользуется пока значительной поддержкой общества. Поэтому говорить о ее кризисе вряд ли правомерно. Вместе с тем, у нее есть серьезные критики: не только Народная партия, но и католическая церковь.

Как строится диалог церкви и социалистов? Этот вопрос представляется важным, поскольку Испания и по сей день остается католической страной. Примерно 80% испанцев — католики, причем половина из них считает себя очень религиозными людьми. Церковь сохраняет большой авторитет и оказывает большое влияние на происходящее в стране, во многом формируя общественное мнение, в том числе и по политическим вопросам.

Роль религиозного фактора в политической культуре явно недооценена. А ведь социал-демократия развивалась и действует не в вакууме, а в определенном культурном контексте, который обладает в каждой стране своей спецификой. Поэтому восприятие социал-демократических идей в странах с протестантской, католической и православной традицией далеко не одинаково, как и отношение к самим понятиям «демократия», «социализм», «права человека».

Часто забывают, что, например, идея прав человека, была впервые сформулирована и богословски обоснована Ж. Кальвином (1509 — 1564) и его последователями, а пуританский философ и богослов Джон Локк (1632—1704) стал идейным вдохновителем английского парламентаризма и американской либеральной демократии.

* Коваль Татьяна Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

Для стран протестантской культуры соединение христианской веры и идей социал-демократии было естественным и религиозно оправданным. Совершенно иную картину мы видим в католических странах, в частности, Испании. Нельзя сказать, чтобы ее церковная иерархия была глуха к социальной проблематике. Однако поиски социальной справедливости в первые три десятилетия XX века осуществлялись под эгидой папских энциклик, прежде всего, Льва XIII «Рерум Новарум», в которой социализм определялся как «ложное учение», несовместимое с христианской верой. Впрочем, социальная доктрина католицизма, опирающаяся на энциклики папства, сама по себе является серьезной альтернативой идеям социал-демократии. Но это — тема отдельного разговора. Сейчас важно лишь подчеркнуть, что церковь отторгала социал-демократию как идейный и политический феномен.

Годы Второй Республики и Гражданской войны (1936-1939) способствовали формированию устойчивого стереотипа, в соответствии с которым социализм отождествлялся с советским большевизмом, атеизмом, материализмом и антиклерикализмом. Затем в течение нескольких десятилетий — с 1939 по 1975 гг. — франкистский режим в союзе с церковью проводил политику так называемой «рехристианизации» страны. Социалистические идеи рассматривались как вызов христианству, а демократия воспринималась как угроза режиму. Показательно, что на II Ватиканском Соборе (1962-1965), который взял курс на демократизацию, делегация испанских иерархов выглядела «белой вороной», поскольку выделялась своим крайним консерватизмом и приверженностью франкистскому режиму. Она была не в состоянии признать многие демократические установки, провозглашенные Собором.

Однако с начала 70-х годов ситуация стала стремительно меняться. Пришло новое поколение священства, и многие испанские священники, следуя постановлениям Собора, включались в борьбу с режимом. Кульминационным моментом стал 1971 год, когда председателем Конференции испанских епископов был вы-

бран кардинал Таранкон, известный своими «революционными» и социал-демократическими устремлениями. Он стал инициатором создания «Совместной Ассамблеи епископов и священства» (“Asamblea Conjunta de obispos y sacerdotes”). Показательно, что по данным социологического опроса участников этой Ассамблеи выяснилось, что из них почти 80% были настроены против альянса с франкистским государством. При этом молодежь питала явные симпатии к социализму, и только 10% сохраняло верность франкистскому режиму и его идеологии. Следовательно, испанская церковь с нетерпением ждала обновления политической жизни, осознавая, что только в условиях демократии она может реализовать свои новые планы и социальные инициативы. В целом, к концу франкистской эпохи испанская церковь созрела для того, чтобы, во-первых, признать демократические преобразования и, во-вторых, чтобы строить конструктивный диалог с партией социалистов, которые за прошедшие годы не раз стояли у кормила власти.

Говоря о сегодняшней ситуации, можно выделить несколько важнейших проблем, по которым позиция церкви и позиция социалистов в целом совпадают.

Во-первых, это приверженность тех и других к демократической системе. Испанская церковь, следуя постановлениям Собора, признает демократию лучшей формой правления из всех существующих. Подлинная демократия возможна, как считает церковь, только в правовом государстве при соблюдении неотчуждаемых прав человека. В этом вопросе испанская иерархия неизменно ориентируется на главное положение Собора о том, что человеческая личность и только она является «началом, предметом и целью всех социальных учреждений». Поэтому социальный и политический порядок, экономическое развитие и прогресс — все «должно подчиняться пользе личностей, а не наоборот». Поэтому, по мнению церкви, государство должно быть не просто демократическим, но и социально ориентированным, оно должно заботиться об общем благе и преодолении

бедности, защищать права трудящихся, активно помогать всем нуждающимся и т.д.

Таким образом, практически все основные положения социал-демократии в устройении справедливого общества церковь полностью разделяет. Перечислим их. Это и следование общим принципам социальной справедливости, свободы, равенства и братства; защита прав человека; принцип равных прав и возможностей (а не только равных возможностей, как в консерватизме); это и признание политического и идейного плюрализма, в том числе свободы совести и религиозных убеждений; а также ориентация на социальное государство и ограниченное государственное регулирование экономики в интересах трудящихся; поддержка мелкого и среднего предпринимательства, соблюдение принципа справедливой торговли, признание приоритета общего блага над частными интересами, развитие социального партнерства и солидарности; сокращение социальной дифференциации и борьба с бедностью; поддержка неимущих; защита прав трудящихся и улучшение условий труда; борьба с безработицей; всеобщее бесплатное образование и здравоохранение; снятие ограничений с иммиграции и уважительное, толерантное отношение к приезжим; демилитаризация и борьба за мир.

Показательно, что по многим вопросам церковь занимает даже более «левую» позицию, чем социалисты. Возможно, она даже более настойчиво, чем социалисты, призывает паству к гражданской активности, созданию низовых общественных организаций как ячеек гражданского общества. В этом она опирается на принцип «субсидиарности» — один из основополагающих принципов католической социальной доктрины.

Не высказывая открыто предпочтение той или иной политической партии, она постоянно напоминает, что индифферентность и отстраненность от происходящего в стране не соответствует ее социальному учению и не имеет никакого богословского и догматического обоснования.

При этом, по ее мнению, религиозные воззрения не должны оставаться частным делом граждан. Приводя в пример Италию, испанские иерархи говорят о том, что и политические, и общественные деятели, представители науки и искусства, каждый верующий призван свидетельствовать о своей вере на профессиональном и общественном поприще.

Во-вторых, в целом совпадают воззрения церкви и социалистов на проблему иммиграции. Если церковь и критикует правительство социалистов по этому вопросу, то лишь за излишний бюрократизм и формализм в отношении приезжих. Так, она видит в одном из последних законов, касающихся иммигрантов, существенное сокращение их прав, что, по ее мнению, неправомерно и унижает и без того страдающих людей.

Напомним, что этой проблемой испанский епископат занимался с 1994 г. Иммиграция обосновывается ею как неотъемлемое право, ведущее начало с Ноя и его потомков, расселившихся по всей земле, а также праотца Авраама, вышедшего, по велению Бога, «из своей земли». Из последних документов испанского епископата, посвященных иммиграции, следует отметить «Церковь в Испании и иммигранты. Богословско-пастырские размышления и практические ориентации в связи с иммиграцией в Испанию в свете папской Инструкции «Да будет с мигрантами любовь Христова» (2007). В нем развивается идея, изложенная еще в 2004 г. Ватиканом, о том, что священники и их паства должны всем помогать приезжим, помня о заповеди христианской любви к каждому человеку вне зависимости от его цвета кожи, социального положения, языка, культуры, а также вероисповедания. Испанский епископат развил эти установки папской Инструкции, адаптировав их к испанской ситуации. Ключевая идея его «Богословско-пастырских размышлений» 2007 г. заключается в признании права на миграцию одним из прав человека, при этом подчеркивается равенство всех людей перед Богом. Для церкви нет понятия «иммигрант» или «иностранец», но лишь — «возлюбленный брат во Христе».

Важно отметить, что согласно этому документу, ответственность за работу с иммигрантами несет епископ диоцеза, а его помощниками в этом являются приходские священники и прихожане. Наряду с этим церковь создала институт специальных капелланов (этнических миссионеров), которые, организуя религиозную жизнь иммигрантов-христиан, учитывают в богослужениях их языковую и культурную специфику, создавая, таким образом, максимально комфортные условия для их духовной жизни. Церковь создает также многочисленные образовательные центры для иммигрантов, облегчая их интеграцию в испанское общество. Таким образом, перед верующими церковь ставит тройную задачу: сердечную открытость каждому иммигранту, готовность помочь; диалог с ним и помощь в создании достойной жизни на новой родине.

В-третьих, в принципе совпадает и оценка церковью и социалистами баскского терроризма. Испанский епископат считает, что терроризм ничем не может быть оправдан и представляет собой одно из самых тяжелых преступлений, существующих в мире. Не отрицая право наций на самоопределение, церковь подчеркивает, что это должен быть сугубо мирный процесс, соответствующий всеобщему благу и подчиняющийся нормам государственного и международного права.

Из этого, по мнению церкви, следует, что, во-первых, политики ни при каких условиях не должны пытаться «понять» террористов, а тем самым как бы принять хотя бы и частично их аргументы. Во-вторых, им не следует замалчивать проблему терроризма. Страх, который хотят вызвать террористы, как раз и «подпитывается» молчанием. Сложность заключается в том, что баскские священники, традиционно связанные с националистическим баскским движением, выступают за налаживание диалога государства и террористов, полагая, что все проблемы можно решить за столом переговоров.

Что касается столь острой проблемы, как современный экономический кризис, то церковь совместно с правительством

социалистов ищет пути выхода из него и улучшения положения трудящихся. В «Декларации о моральном и экономическом кризисе», принятой в ноябре 2009 г., испанский епископат отмечает, что у церкви нет «технического» решения этого вопроса, и в этом она полагается на дальновидность ведущих политиков и экономистов. Однако у церкви есть социальная доктрина, в свете которой она может и должна сформировать свое представление о происходящем в мире и стране. Экономический кризис она связывает с моральным и — шире — экзистенциальным кризисом человечества, что привело к потере нравственных целей и ценностей.

В «Декларации» отмечаются рост числа безработных, трудности, с которыми сталкиваются мелкие и средние предприниматели и аграрии, а также иммигранты, оказавшиеся сейчас в особенно тяжелом положении и остро нуждающиеся в помощи. Это описание тяжелых для страны последствий кризиса выглядит косвенной критикой правительства, которое «недостаточно умело использовало благополучную ситуацию прошлых лет», а также общества, привыкшего к завышенным стандартам потребления. Нищета и безработица, — как отмечают испанские епископы, — унижает достоинство человека. Только на путях солидарности, — по их мнению, — можно преодолеть тяжелые последствия кризиса.

Отметим теперь несколько важных вопросов, по которым испанская церковь и партия социалистов никак не могут найти консенсус.

Прежде всего, это вопрос об образовании. Дело в том, что в Испании стало почти традицией, что каждый новый кабинет министров начинает свою деятельность с реформирования системы образования. После прихода к власти социалистов был принят новый «Единый закон об образовании» (LOE) 2006 г. В нем, в частности, были пересмотрены вопросы, связанные с религиозным образованием — «Закон Божий» перешел из обязательных предметов в категорию факультативных. Это вызвало бурную реакцию испанской церкви, которая настаивала на обязательном преподавании религии в школах.

Противоречия церкви с правительством усугублялись тем, что в качестве альтернативы «Закону Божьему» власти предложили новый предмет — «Граждановедение». Впоследствии «Закон Божий» и вовсе был исключен из списка обязательных предметов, которые обязана предложить школа, пусть даже и в качестве факультатива.

Все эти вопросы не раз обсуждались испанским епископатом с 2003 г. В одном из последних документов церкви, посвященных «Единому закону об образовании», выражалась ее глубокая обеспокоенность предполагаемой реформой. Социалистическое правительство, по мнению епископата, навязывает свои решения, «спуская» их сверху и не желая при этом прислушиваться к мнению родителей. Должно быть иначе: преподавание религии в школе должно быть признано обязательным предметом, т.е. входить в список базовых дисциплин каждой школы, а родители, в свою очередь, могут свободно решать, хотят ли они, чтобы их дети изучали эти предметы, или нет. Церковь считает, что решение изучать или не изучать религию в государственных школах должно исходить не от государства, а от общества.

Еще более острые противоречия существуют между церковью и социалистами в сфере семьи и брака. Во-первых, как провокацию церковь встретила закон об однополых браках. Напомним, что Испания стала третьей страной ЕС, в которой были узаконены гей-браки в полном объеме. К настоящему моменту официально свои отношения оформили уже несколько тысяч гей-пар. Им также было дано право усыновлять детей.

Это глубоко возмущает испанскую церковь и ее паству. Протестуя против закона об однополых браках, испанская церковь не только проводила демонстрации, но и фактически призвала свою паству к гражданскому неповиновению. Так, например, они предложили государственным служащим-верующим не регистрировать однополые браки, ссылаясь на свои убеждения, даже если они из-за этого лишатся работы. Отметим, что в Испании 8% жителей страны придерживаются нетрадиционной сексуальной

ориентации. Однако более половины испанцев одобрили решение парламента об однополых браках, считая это проявлением толерантности и важным показателем демократии.

Во-вторых, испанскую церковь никак не устраивает закон об упрощении разводов. Напомним, что в католической традиции развод невозможен, и брак заключается раз и навсегда. Новый же закон о разводе облегчал длительную бюрократическую процедуру, сделал ее экономически доступной для любого испанца. Эти долгожданные изменения были поддержаны как подавляющим большинством населения страны, так и парламентом, однако, по мнению католических иерархов, упрощение бракоразводного процесса подрывает семью.

В-третьих, церковь считает, что человеческая жизнь начинается с момента зачатия, а потому однозначно запрещает аборты, расценивая их как сознательное убийство невинного и незащитного. Поэтому целый ряд документов испанского епископата был направлен против узаконенных правительством социалистов абортов. В марте 2009 г. Конференция испанских епископов провозгласила начало общенациональной компании «Защити мою жизнь!», направленной против абортов. Церковь осуждает все, что связано с нанесением ущерба человеческой жизни с момента зачатия и до естественной кончины, т.е. аборты, эвтаназию, клонирование. Все эти вопросы подробно освещались в специальной Инструкции по вопросам биоэтики, опубликованной Ватиканом в декабре 2008 г. Один из последних документов испанских церковных иерархов на эту тему — Пастырское Послание архиепископа Мадрида «Семья: жизнь и надежда для человечества» (2008 г.).

Обобщая, можно сказать, что глубинным противоречием между испанской католической церковью и правительством социалистов является вопрос об этике. С точки зрения церкви, добро состоит в следовании заповедям Божиим, которые даны в Библии. Свобода человека не отвергается, но ограничивается нравственными заповедями. С точки зрения социалистов,

в плюралистическом обществе, где есть верующие и неверующие, христиане и мусульмане, равно как и представители других культур, идеологий и религий, добро есть все, что соответствует демократическим ценностям, и свобода человека ограничивается уголовным кодексом. Церковь называет это моральным релятивизмом, при котором не Бог, а сам человек исходя из своих личных пристрастий определяет меру добра и зла. Испанские иерархи не устают повторять социалистам, что демократия не есть некая абсолютная система и тем более цель, но лишь способ организации социальной жизни, а подлинной целью является человеческая личность. Социалисты, со своей стороны, обвиняют церковь в недемократичности. Однако подчеркнем, и церковь, и социалисты не сомневаются в том, что демократию нужно укреплять и развивать, а социальные программы всемерно расширять и развивать.

О.Е.Петрунина*

Социалисты Греции: неудобства власти в разгар кризиса

Греческая партийно-политическая система по формальным показателям является многопартийной: в последние 30 лет в парламентских выборах, как правило, принимают участие 5-7 партий. Однако на процесс принятия политических решений реально влияют лишь две из них — социалистическая ПАСОК и Новая Демократия — партия консервативного толка. Несмотря на давность традиций партийной жизни в стране, большинство нынешних партий относительно молоды: их возраст не превышает сорока лет.

После смены политического режима в 1974 г. обе партии являются главными соперницами в борьбе за власть, периодически уступая друг другу статус правящей партии. Однако с течением времени их политические программы становились все более схожими, хотя и сохраняли свою специфику в связи с ориентацией на разные слои электората: социальную базу Новой Демократии составляют преимущественно представители частного сектора в экономике, а ПАСОК — государственного. Оттеснению от реальной политики малых партий, помимо укрепления авторитета больших, способствовала и специфика греческих избирательных законов этого периода, большинство из которых предусматривали распределение депутатских мандатов по усиленной пропорциональной системе.

Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК) было основано в 1974 г. Андреасом Папандреу (1919-1996) и его соратниками по антидиктаторскому Всегреческому Освободительному Движению (1968-1974). К этому времени А. Папандреу, прежде известный как экономист (профессор и декан экономического факультета Калифорнийского университета), уже имел некоторый опыт политической деятельности, впервые выступив в ка-

* Петрунина Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

честве политика в 1962 г. в партии Союз Центра, которая была детищем его отца Георгиоса Папандреу. Именно Союз Центра стал во многом прототипом ПАСОК.

Несмотря на то, что своей социальной базой ПАСОК считало государственных служащих и других зависимых от государственного бюджета категорий населения, а также лиц, работающих по найму, на первых после падения диктатуры выборах социалисты получили всего лишь 13,5 % голосов и 15 мест в парламенте. Впрочем, они вряд ли могли рассчитывать на победу: большинство греков еще не успело адаптироваться к новому порядку вещей. Поражение на выборах вызвало кризис движения: его покинули некоторые опытные политики, а оставшееся руководство вынуждено было серьезно продумать свои позиции. В июне 1977 г. состоялась всегреческая конференция ПАСОК, на которой была принята стратегия “демократического пути к социализму”. С конца 1970-х годов начался неуклонный рост политической популярности ПАСОК: на ноябрьских выборах 1977 г. оно завоевало уже вдвое большее число голосов (25 %) и, проведя 93 депутата в парламент, стало крупнейшей оппозиционной партией. Наконец, через четыре года под лозунгом перемен ПАСОК одержало убедительную победу на выборах (48 % голосов, 173 места) и стало правящей партией. Эта победа позволила ПАСОК сформировать первое в греческой истории самостоятельное социалистическое правительство, продержавшееся у власти до 1989 г. Социалисты вернулись к власти в 1993 г., чтобы на этот раз удерживать ее еще дольше, чем в 1980-х: выборы 2004 г. выиграла Новая Демократия, на пять лет отправившая социалистов на скамьи оппозиции.

Парламентские выборы 4 октября 2009 г. принесли победу ПАСОК, которым с 2004 г. руководит Георгиос Папандреу-младший (сын Андреаса Папандреу). Партия собрала 43,9% голосов избирателей и получила 160 мест в парламенте, обойдя свою соперницу Новую Демократию с необычно большим для Греции разрывом почти в 10,5 %. На прошедших в том же году евровыбо-

рах греческие социалисты улучшили свой предыдущий результат только на 2,5 %, сохранив прежние восемь мест. Это, тем не менее, выглядит оптимистично на фоне поражения Новой Демократии, потерявшей почти 11% голосов и 3 депутатских мандата. 6 октября 2009 г. Г.Папандреу занял кресло премьер-министра. Новое правительство приступило к работе.

Одним из важнейших факторов, способствовавших возвращению к власти социалистов и падению популярности их оппонентов, следует, безусловно, считать нынешний мировой кризис. Поскольку он пришелся на время правления основной соперницы ПАСОК — Новой демократии, то в глазах населения эти два факта связались воедино. Из очевидного обстоятельства, что правительство Караманлиса-младшего не смогло вывести страну из кризиса, был сделан вывод о том, что оно этому кризису и поспособствовало. Последний тезис был одним из ключевых в предвыборной программе ПАСОК осенью 2009 г. Важное место в предвыборной программе ПАСОК занимал лозунг развития социального государства. Большое внимание уделялось также экологическим проблемам. Возрастание роли экологических проблем в программных документах социалистов объясняется влиянием «зеленых» движений, активизировавшихся в последние годы.

Идя на выборы, греческие социалисты обещали исправить сложившуюся ситуацию. Когда же стало ясно, что вряд ли удастся избежать дальнейшего ухудшения состояния государственных финансов — со всеми вытекающими последствиями, — то последовали заявления о том, что до выборов лидеры ПАСОК были плохо осведомлены об истинном состоянии дел. Так или иначе, но осенью 2009 г. ПАСОК не имело реалистичной антикризисной программы. Несколько месяцев правительство не предпринимало решительных шагов в этом направлении, лишь намечая некоторые направления грядущих реформ. В начале февраля 2010 г. премьер, наконец, озвучил правительственную программу по выходу из кризиса.

Столь длительная неопределенность объясняется отнюдь не бездействием: правительство, с одной стороны, искало выход из ситуации, опираясь на предыдущий опыт, с другой — пыталось добиться благосклонности ЕС. Но события в этот период развивались неблагоприятным для Греции образом.

Пожалуй, на протяжении всей истории современного греческого государства невозможно назвать время, в которое страна была бы финансово независимой. С самого начала своего существования Греция попала в долговую кабалу к крупным европейским банкам. После Второй мировой войны европейских банкиров в стране потеснили американские. В 1950-60-е годы страна была одной из беднейших в Европе, многие молодые греки уезжали на заработки за границу. Вступление в ЕС, против которого в свое время активно выступали греческие социалисты, в конечном счете привело к существенному повышению уровня жизни в стране, которое не соответствовало реальным темпам экономического развития. Греция фактически превратилась в страну-рантье, живущую во многом за счет финансовых вливаний из более богатой части Европы. С появлением единой европейской валюты перспектива войти в еврозону стала для греков очень привлекательной, однако свести дефицит госбюджета к требуемому для этого уровню находившемуся тогда у власти правительству — а это были социалисты, которых после смерти А.Папандреу возглавил К.Симитис — никак не удавалось. Тогда правительство Симитиса при помощи одной крупной американской банковской группы пошло на маленькую хитрость, за которой стояли большие деньги. Американские банки одолжили греческому правительству сумму, необходимую для покрытия дефицита бюджета (как обычно, на крайне невыгодных для страны условиях), но эта сделка была оформлена не как заем, а как покупка валюты. Таким образом греческое правительство смогло опубликовать гораздо более выгодные цифры относительно состояния госбюджета, и с 2001 г. страна вступила в еврозону. За эту «услугу» американские банкиры получили по меньшей мере 300 млн. долларов. Однако вплоть до

февраля нынешнего 2010 г. это обстоятельство не было известно партнерам Греции по ЕС.

Нынешний кризис, причины которого хорошо известны, затронул Грецию осенью 2008 г. и вскоре охватил не только финансовую сферу, но и многие области греческой экономики. В 2009 г., как и во многих других странах, ситуация ухудшилась. Негативные последствия мирового финансово-экономического кризиса на почве собственно греческих финансовых проблем привели к очень неприятному для греков развитию событий. По собственному признанию, греки оказались «слабым звеном еврозоны», которое самостоятельно не в состоянии решить накопившиеся проблемы. После смены правительства в Греции американские банкиры с готовностью предложили новому премьеру «руку помощи» так же, как они это делали в годы пребывания у власти правительства Караманлиса: новые кредиты по новым соглашениям. В результате этой политики за последнее десятилетие греческий бюджет лишился доходов от государственных лотерей и сборов в аэропортах. Правительство Папандреу отказалось заключить новую подобную сделку, надеясь на помощь европейцев и собственные силы. Между тем, финансисты ЕС тоже искали пути выхода из кризиса и проблемы греков оказались им весьма некстати. Грекам дали понять, что на этот раз спасти их никто не собирается. Такой поворот событий стал очевиден в январе 2010 г., и правительству Г.Папандреу пришлось отодвинуть на второй план усилия по созданию в стране правового государства и борьбе с коррупцией. 2 февраля премьер озвучил антикризисную программу правительства. Двумя неделями раньше греческое правительство представило первый вариант антикризисной программы в Еврокомиссию.

В это время, как по стечению обстоятельств, в Еврокомиссию проникла информация о финансовых махинациях правительства Караманлиса. 14 февраля в «Нью-Йорк Таймс» была опубликована разоблачительная статья под названием «Разжигая кризис в Европе, Уолл-стрит помог Греции скрыть долг». В статье раскрывался

механизм подчистки сведений о госбюджете правительством Караманлиса и обнародовался «первородный грех» вступления Греции в еврозону. Вся ответственность за эти махинации возлагалась на греческих политиков, американские же банкиры не при чем: им ведь все равно, куда вкладывать деньги. Так что на самом деле американские банкиры не несут ответственности за кризис в Европе. Этот «слив компромата» имел вполне очевидную направленность. Во-первых, с американской финансовой системы снималась ответственность за мировой кризис: смотрите, что делается в Европе (американские читатели могут избавиться от чувства вины). Во-вторых, внести раскол в ряды европейцев, изобразив Грецию виновником финансовой нестабильности. Этот ход удался: несмотря на то, что греки быстро явились с повинной и предоставили Еврокомиссии подлинные данные о дефиците госбюджета, европейцы восприняли новости с нескрываемым раздражением. Из Германии даже прозвучало пожелание грекам покинуть еврозону. Еврокомиссия потребовала от Греции срочно представить план поэтапного сокращения дефицита госбюджета в кратчайшие сроки. Американские банкиры отомстили правительству Г.Папандреу за неуступчивость, превратив Грецию в «мальчика для битья», что вполне устроило и партнеров греков по ЕС.

Этот скандал в некоторой степени ухудшил положение греческого правительства, но в принципе оно адекватно оценило ситуацию раньше. Обращение премьер-министра к гражданам страны 2 февраля 2010г., в котором были озвучены основные направления антикризисной деятельности правительства, было наполнено особым пафосом. В таком тоне и выражениях власти обычно обращаются к народу во время войны. В обращении говорилось о том, что страна переживает беспрецедентный для нынешнего политического режима кризис. Тяжесть ситуации усугубляется ужесточением позиции внешних кредиторов греческого государства. Фактически помощи извне не предвидится, и греческим гражданам придется потуже затянуть пояса. Именно таков смысл

правительственного плана по стабилизации государственных финансов. Он включает в себя следующие направления:

- Сокращение государственных расходов. Это был один из предвыборных лозунгов социалистов, и его практическая реализация уже началась. Правительственный план предполагает сокращение госаппарата на 10% (некоторые подразделения будут полностью ликвидированы), замораживание зарплат госслужащих, свертывание ряда государственных программ, повышение пенсионного возраста и т.п.
- Новый этап административно-территориальной реформы. Уже в январе 2010 г. был готов проект программы «Калликрат», продолжающий запущенную социалистами в 1997 г. программу реформ местного управления «Иоаннис Каподистриас». Реорганизация местного управления с целью его дальнейшей демократизации была еще одним пунктом предвыборной программы социалистов. Теперь на первый план вышел экономический аспект: укрупнение муниципалитетов за счет сокращения их числа, создание тринадцати провинций вместо пятидесяти номов и ряд других преобразований должны привести к сокращению бюджетных расходов. Также предполагается упрощение управленческих механизмов, создание своего рода «новой управленческой архитектуры», которая привела бы к уменьшению бюрократии и, следовательно, государственных расходов.
- Налоговая реформа. После своего прихода к власти правительство Папандреу основательно занялось ревизией налогового законодательства. Идя на выборы, социалисты обещали своим сторонникам отменить налоговые реформы правительства Новой Демократии, которые включали в себя не только введение новых налогов, но и, например, отмену специального налога на крупную недвижимость, что привело к перераспределению налогового бремени в пользу крупных собственников. Правительство ПАСОК планирует вернуться к прогрессивному налогообложению,

увеличив налоги на крупную прибыль и недвижимость, облегчив положение средних и мелких налогоплательщиков. В условиях кризиса особую актуальность приобрела борьба с уклонением от налогов, в связи с чем ужесточается законодательство в отношении оффшорных компаний. Однако этих замечательных мер недостаточно для пополнения бюджета, поэтому социалистам придется вслед за своими предшественниками продолжить расширение налоговой базы и поднять ряд существующих налогов, например, на бензин, алкоголь и сигареты.

Насколько успешной будет политика нынешнего правительства, покажет время. Ясно одно: принятие жестких мер не прибавит ему популярности, несмотря на то, что, по данным социологических опросов, большинство населения в январе поддерживало политическую линию правительства. Однако уже в январе начались массовые акции протеста греческих фермеров, своевременно не получивших государственных дотаций. Политика экономии в государственном секторе наносит удар по госслужащим — традиционному элементу электората социалистов. Пострадают также пенсионеры, повышение налогов неизбежно отразится и на положении других малообеспеченных слоев населения. После обнародования правительственной программы к протестовавшим фермерам присоединились другие работники частного и государственного секторов: 9-10 февраля по Греции прокатилась волна забастовок.

3 февраля Еврокомиссия утвердила предложенный правительством Г.Папандреу план финансовой стабилизации, предполагающий сокращение дефицита бюджета к концу 2012 г. с 12,7% до необходимых 3%. 16 февраля (т.е. в результате известного скандала) министры финансов стран ЕС ужесточили свои требования к Греции: ей дан своего рода испытательный срок до 15 мая 2010 г. для принятия срочных антикризисных мер.

Н.М.Антюшина*

**Свет и тени скандинавской социально-политической модели
(на примере Дании и Норвегии)**

Эпоха доминирования социал-демократических партий в политических системах Дании и Норвегии, похоже, подошла к концу, хотя они по-прежнему продолжают оставаться крупнейшими в своих странах. Ни одна из буржуазных партий не может соперничать с ними в одиночку, а только в составе коалиции. В Норвегии на второе место вышла близкая к радикал-националистам Партия Прогресса, а в Дании либералы после последних выборов отодвинули социал-демократов на вторую позицию.

Считается, что скандинавские страны развиваются по особой модели, которую чаще всего называют шведской или социал-демократической. Для нее характерно сочетание социальной, инновационной и экспортной направленности развития, а также сильная роль государства в распределении созданного в стране совокупного продукта. Эта модель позволила странам европейского Севера длительное время развиваться сбалансированно, без политических потрясений и острых социальных конфликтов. Для нее характерны низкая инфляция, умеренная безработица, высокий уровень жизни, социально-политическая стабильность.

Следствием такого развития является размывание традиционной классовой структуры, доминирование в социальной структуре населения средних слоев и практическое отсутствие бедности.

Роль социал-демократических партий в создании такой модели — общепризнанна, именно поэтому она называется социал-демократической. Буржуазные партии, приходя к власти на смену партиям социал-демократического толка, не осмеливаются кардинально сменить парадигму развития, решаясь лишь на проведение частных реформ, не затрагивающих ее основные принципы и характеристики. Тем не менее, политическая жизнь в этих

* Антюшина Наталья Михайловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

странах не отличается монотонностью, политическая ситуация характеризуется довольно яркой палитрой событий, заявлений, программ, лозунгов и дискуссий.

Политическим следствием сложившегося положения является относительная ограниченность избирательной базы для партий крайне правой и крайне левой ориентации. Произошло сближение позиций партий, занимающих позиции в центре политического спектра и вблизи него. При этом значительная часть избирателей теряет четкие ориентиры, и ее политический выбор на очередных парламентских выборах зачастую определяется скорее личными симпатиями и личностными характеристиками партийных лидеров, чем политическими позициями представляемых ими партий. Именно этими обстоятельствами объясняются довольно значительные колебания электората, что выражается в численности голосов, полученных парламентскими партиями на очередных выборах в национальные парламенты.

При всей схожести общего социально-политического ландшафта реальное положение социал-демократических партий в Дании и Норвегии кардинально различается. В Дании Социал-демократическая партия потерпела поражение от буржуазной партии — Либералов (Венстре), возглавляемой до недавнего времени А.Ф. Расмуссеном, и вот уже подряд три легислатурных периода находится в оппозиции. В Норвегии же положение зеркально противоположное, три срока подряд у власти находится правительство левого центра, возглавляемое Норвежской рабочей партией и ее лидером, премьер-министром страны Й. Столтенбергом. В настоящее время в Норвегии — самое левое правительство во всей Западной Европе, эта страна опережает всех по размерам государственной собственности, в том числе и прежних лидеров — Швецию и Финляндию.

Социал-демократическая партия Дании (СДПД) доминировала в политической жизни страны большую часть XX века (начиная с 1930-х годов), и длительное время ни одна другая партия не могла с ней сравниться. Идеологической платфор-

мой датской социал-демократии служит концепция «демократического социализма», подразумевающего помимо прочего равные возможности занятости для всех в сфере трудовой самореализации. При этом гражданам должен быть предоставлен равный доступ к общественным благам. Подлинная свобода в социал-демократическом понимании должна сопровождаться политическими и социальными правами. Начиная с 1980-х и, особенно, в 1990-е годы, СДПД осуществляла постепенные реформы созданного в 1960-е и 1970-е годы государства всеобщего благосостояния. В эти годы СДПД допустила ряд тактических ошибок, что и привело к провалу на выборах 2001 года и передаче власти правительству правого центра. Однако либералы не приобрели доминирующего положения, подобного тому, которым располагала ранее социал-демократия, и они не могут править без партнеров по коалиции. В период 1993–2001 гг., когда у власти находились коалиционные правительства, возглавляемые социал-демократом П.Н. Расмуссеном, сложился союз СДПД с Социалистической народной партией и Красно-зеленым альянсом, аналогичный тому, что образовался в Норвегии в 2005 г. Однако в отличие от Норвегии, это не помогло датским социал-демократам остаться у власти в 2000-е годы.

Конкретные причины поражения датской социал-демократии сводятся к следующему.

1. Экономический фактор. В конце 1990-х годов активное сальдо платежного баланса Дании сменилось пассивным, что не содействовало укреплению позиций СДПД на внутривнутриполитической арене. Коалиционное правительство не нашло другого выхода, кроме как увеличить налоги и сократить государственное потребление (пакет мер в духе кейнсианского регулирования экономики получил в Дании название «Pinseoaakken»), что содействовало уменьшению дефицита, но не содействовало укреплению его популярности.

2. Социальный фактор. Коалиционное правительство во главе с лидером социал-демократов П.Н. Расмуссеном ввело более

гибкую систему регулирования рынка труда, которая упростила для предпринимателей процедуру увольнения ранее нанятой рабочей силы; теперь им не надо было получать для этого одобрения профсоюзов. Новая система хотя и сохраняла довольно высокие пособия по безработице, но сопровождалась введением мер, толкающих безработных к более активному поиску нового места работы. Эта система получила название «флексикьюрити» (flexicurity), и на практике она означала дерегулирование рынка труда и вела к уменьшению влияния профсоюзов.

3. Политический фактор. Традиционные связи СДПД с профсоюзами начали ослабевать еще с середины 1990-х годов, когда руководство Центрального объединения профсоюзов Дании (ЦОПД) приняло решение выйти из состава руководства СДПД. Соответственно, и руководителям СДПД тоже пришлось покинуть места в руководстве профсоюза. В ходе избирательной кампании 2001 г. профсоюзы не поддержали СДПД в той мере, как это они делали раньше. Эти отношения подверглись дальнейшей эрозии, когда в 2003 г. чрезвычайный съезд ЦОПД вынес решение прекратить финансирование СДПД, то же самое сделали другие датские профсоюзы.

4. Довершило падение социал-демократов то, что они не сумели выработать внятную политику по отношению к растущей иммиграции. СДПД раскололась по этому вопросу на два лагеря: умеренных и радикалов, что не позволило им сформулировать общую позицию.

Все это вместе взятое предрешило сокрушительное поражение СДПД на выборах 2001 г., которое явилось самым крупным, начиная с 1973 г. После этого партийный лидер П.Н. Расмуссен был вынужден уйти в отставку. Но и новый лидер партии — бывший министр финансов и иностранных дел — М. Люккетoft не смог обеспечить возвращение партии на прежние позиции и также отправился в отставку после провала на очередных выборах. С 2005 г. руководство СДПД впервые в ее истории перешло к женщине — Х. Торнинг-Шмидт.

Чтобы осознать факторы, обеспечившие устойчивость победы либералов над социал-демократами в Дании, необходимо рассмотреть основные элементы политики нового правительства, возглавляемого датскими либералами с участием национал-консерваторов.

Во-первых, либералы заняли более четкую, чем СДПД политику по отношению к иммиграции. В течение последних избирательных компаний этот вопрос являлся одним из главных. Либералы пообещали избирателям сделать иммиграционную политику более жесткой и, находясь у власти, они это обещание выполнили. Здесь они заручились поддержкой радикал-националистической Датской Народной Партии, которая по итогам последних выборов стала третьей по популярности в стране.

Благодаря введению нового иммиграционного Закона, проведенного через Фолькетинг правительством А.Ф. Расмуссена, темпы иммиграции в Дании сократились с 17 % в 1995-1996 гг. до 1,5 % в 2004-2005 гг., а размеры ежегодной иммиграции уменьшились с 54 тысяч в 1995 г. до 3 тысяч в 2003 г.

Численность лиц с иммигрантскими корнями достигла 8,4% населения Дании (более 2/3 — это лица не европейского происхождения, что составляет 6 % населения). С 1980 по 2005 гг. число иммигрантов в Дании увеличилось в 5,2 раза. Значительная часть из них являются мусульманами (более 50 %). После 11 сентября 2001 г. в стране стала усиливаться исламофобия. Государственные расходы на обеспечение вчерашних иммигрантов и беженцев достигают 1,5 — 2 млрд. долларов в год, что составляет 1,7 — 2 % от расходов бюджета. У датских граждан вызывает недовольство тот факт, что многие иммигранты довольствуются положением безработных, они, как правило, не желают усваивать датскую культуру, датский образ жизни, соблюдать местные обычаи поведения.

Начиная с 2002 г. коалиция либералов и консерваторов в Дании ужесточила иммиграционные правила (например, было устранено автоматически действующее право на воссоединение семей, теперь требуется предоставление доказательства, что у родственников,

осевших в Дании, достаточно средств для того, чтобы содержать вновь прибывающих членов семей). Новое правительство учредило новое министерство по делам беженцев, иммигрантов и интеграции. Ответственность за интеграцию будущих граждан Дании теперь возлагается на муниципалитеты, при которых создаются в этих целях специальные советы. По новому Закону претендентам на постоянное проживание в Дании выплачивается пособие в более скромных размерах, чем датчанам, находящимся в аналогичной ситуации. Чтобы это не вызвало обвинений в дискриминации со стороны ООН, ЕС и Совета Европы, оно получило название, отличное от названий тех пособий, которые могут выплачиваться датским гражданам (т.н. стартовое пособие). Было введено также правило 24 лет. Согласно этому правилу датчанин или датчанка не могут сочетаться браком с иностранным партнером ранее достижения ими возраста в 24 года. Срок натурализации продлен до 9 лет, чтобы получить датский паспорт ныне требуется постоянное проживание в стране, наличие приемлемых жилищных условий, постоянная работа, отсутствие судимостей, беглое владение датским языком, экономическая независимость. В целом, в Дании, в отличие от Швеции, не получила признания концепция мультикультурного общества. Предполагается, что новые жители датского королевства должны не только усвоить датский язык, но и культуру, общественные обычаи и ценности, т.е. подвергнуться натурализации (интеграции).

Во-вторых, новому коалиционному правительству удалось снизить подоходные налоги, одновременно ликвидировав в 2006 г. внешний долг. Разумеется, это было зачтено в политический актив либерально-консервативного правительства. Внешний долг отягощал экономику страны на протяжении всего послевоенного периода. В 2001 г., как только коалиционное правительство пришло к власти, оно объявило о замораживании налогов. Увеличение «зеленых» налогов, взимаемых за потребление энергии и отмена налоговых льгот, позволили правительству правого центра перераспределить налоговую нагрузку и несколько снизить налоги

на личные доходы. Ныне 70% датчан платят налоги не более 42% доходов, тогда как раньше максимальная планка могла подниматься до 63 %.

В-третьих, новое правительство развернуло наступление на идеологическом фронте. Оно разработало Программу превращения Дании в самую привлекательную страну с точки зрения образования, науки и инноваций в течение 10 лет (с 2010 по 2020 гг.). Одновременно предполагается перейти к «зеленому» экономическому развитию, существенно снизить вредную нагрузку на окружающую среду путем перехода к новой энергетике. Уже сейчас Дания — ведущая страна в мире по использованию энергии ветра для производства электричества и по экспорту ветряных электрических турбин: каждая вторая такая турбина, реализуемая на мировом рынке — датского производства. В 2005 г. за счет энергии ветра в стране покрывалось 15,5% потребностей в электроэнергии. К 2025 г. планируется удвоить этот показатель.

В-четвертых, правительство правого центра взяло на себя ответственность за проведение реформы государства всеобщего благосостояния. Достигнут консенсус между либералами и консерваторами в том, что государство всеобщего благосостояния, которое было создано 1960-1970-е годы в Дании усилиями социал-демократов, должно быть реформировано, т.к. принципиально изменилась экономическая, политическая и демографическая ситуация. Один из аргументов — изменение структуры населения («старение») ведет к увеличению нагрузки на государственный бюджет, а дальнейшего повышения налогов никто не желает.

По-видимому, в Дании будет продолжено создание более фрагментарной модели социальной защиты, которая, наряду с государственной системой, будет опираться на дополнительную страховочную сетку, создаваемую за счет добровольных взносов трудящихся (страховая система). Возраст досрочного выхода на пенсию был увеличен с 60 до 62 лет, а пенсионный возраст — с 65 до 67 лет. Рассматривается вопрос о сокращении срока выплаты пособия по безработице (ныне он составляет 4 года).

В-пятых, победу либералам обеспечил лидер либералов — А.Ф.Расмуссен — самый харизматичный политический деятель современной Дании. Главная идея написанной им книги «От социального государства — к минимальному государству» (которая вышла в свет в 1993 г.) — сокращение участия государства в экономике — нашла отклик у многих датчан, т.к. они уже устали платить высокие налоги, особенно в условиях увеличения масштабов иммиграции. А.Ф. Расмуссен не только обеспечил победу своей партии в ходе трех последних избирательных компаний, но и приобрел имидж политика европейского масштаба. Более того, он получил поддержку по обе стороны Атлантики, т.к. возглавляемое им правительство поддержало все военные операции США и НАТО в Афганистане, Ираке и Косово, что стало одним из аргументов его назначения на пост Генерального Секретаря НАТО.

* * *

Расстановка политических сил в Норвегии прямо противоположна той, которая сложилась в Дании. Если в Дании социал-демократы три срока подряд находятся в оппозиции, то в Норвегии они три срока подряд уверенно сохраняют власть в своих руках. В 2005 г. впервые в норвежской истории Норвежская рабочая партия (НРП) создала коалицию (если не считать временного правительства Э.Герхардсена), образовав (также впервые в норвежской истории) правительство левого центра. В коалицию вошли НРП, Левые социалисты и партия Центра. В первый раз в истории Норвегии в правительстве Й. Столтенберга большинство постов министров было занято женщинами. Также впервые в истории на второе место по популярности среди избирателей вышла партия Прогресса (26% голосов против 39% у НРП). Утрату своего прежде доминирующего положения НРП компенсирует при помощи создания коалиции из партий левого центра. Какие же факторы обеспечили победу норвежским социал-демократам?

Во-первых, руководство НРП осознало значение профсоюзной поддержки. Ослабление связей между НРП и профсоюзами началось с середины 1990-х годов, когда профсоюзы отказались от коллективного членства в НРП. Затем лидеры норвежских профсоюзов вышли из руководства НРП, хотя контактный комитет был сохранен, но только с совещательными функциями. В 2001 г., потерпев тяжелейшее поражение на выборах, руководство НРП решило восстановить связи с профсоюзами; им удалось получить их поддержку в ходе избирательных кампаний 2005 и 2009 гг.

Во-вторых, новое правительство очень серьезно подошло к разработке программы действий коалиционного правительства. Она была изложена в Декларациях на 2005 — 2008 гг. и 2009 — 2013 гг. Эти Декларации представляют собой анализ положения в стране по всем основным направлениям: внешняя и внутренняя политика, бизнес и промышленность, социальная политика, охрана окружающей среды и т.д. Там же отражены меры, которые правительство намерено осуществить по каждому из этих направлений. Из этой программы следует, что освоение Арктики имеет для современной Норвегии безусловный приоритет. Вступление в ЕС не планируется, но НРП намерена развивать с Союзом двусторонние отношения, защищая при этом интересы Норвегии. Возможным инструментом влияния на Европейский союз могут быть взносы Норвегии в фонд выравнивания уровней экономического развития стран-новичков ЕС.

В-третьих, хотя левый центр не провозгласил разрыв с идеологией неолиберализма и монетаризма, однако фактически его современная экономическая политика строится на основе неокейнсианского подхода. О приверженности этому курсу заявил в своей первой речи, обращенной к гражданам в новом 2010 году., премьер-министр Й. Столтенберг. Он процитировал Эрика Брофосса, бывшего Министра финансов в первом послевоенном правительстве: «Мы должны избавиться от неправильного представления о том, что деньги являются основой высокого уровня жизни и благосостояния. Следует помнить, что уровень

нашей жизни зависит от того, как трудится каждый из нас, я подчеркиваю, что все мы зависим от труда друг друга, а не от труда кого-то еще».

В-четвертых, в отличие от своих датских единомышленников норвежские социал-демократы не допустили явных ошибок в иммиграционной политике. Они решились взять на себя ответственность за ее ужесточение. В 2008 г. был принят новый Иммиграционный закон, который вступил в силу с 2010 г. Этот шаг позволил им повысить свой рейтинг популярности (т. е. рейтинг НРП) сразу на 2,5%. Ужесточение иммиграционной политики было связано с быстрым ростом иммиграции. Она выросла в три раза к 2007 г. по сравнению со средними показателями за период 1971-1975 гг. Иммигранты составляют 9,7% населения Норвегии, правда, если не считать выходцев из других североевропейских стран, то 8%. В соответствии с новым законом вводится целый ряд ограничений и более строгих требований. Например, выдвигается требование для новых граждан, желающих пригласить в Норвегию своих родственников на постоянное жительство, представить гарантии своей экономической самостоятельности. В качестве доказательства принимается документ об осуществлении налоговых платежей. Беженцам необходимо доказать, что для них жизненно важно просить об убежище. Теперь выдвигается требование получить разрешение на жительство до въезда в страну (а не после). В выдаче разрешения будет отказано, в случае если лицо, подавшее просьбу о воссоединении с родственниками, находится на социальном пособии. Отказ коснется и тех лиц, которые находятся в фиктивном браке. Отныне просители вида на жительство обязаны предоставить документы, позволяющие установить их личность (как правило, паспорт). Разрешение будет выдаваться не более, чем на три года. После чего предстоит новое рассмотрение вопроса.

В-пятых, реформа социального государства в Норвегии, включая приватизацию, осуществляется мягко и постепенно. Ее основ-

ные направления совпадают с реформами в других скандинавских странах: налоговая реформа, реформа системы образования, пенсионная реформа, реформа здравоохранения.

Суть реформы здравоохранения состоит в повышении ответственности центрального правительства, при этом собственность на медицинские учреждения переходит из рук местных и региональных властей к центральному правительству, создается 5 региональных медицинских многопрофильных центров, которые будут работать в сотрудничестве с остальными медицинскими учреждениями. Целью является более равномерное по стране распределение средств, отпускаемых государством, более строгий контроль за расходами, обеспечение равноправия всех норвежских граждан в пользовании медицинскими услугами.

Пенсионная реформа началась с изучения макроэкономических аспектов существующей пенсионной и налоговой системы, оценки эффективности использования государственных средств. Исходной предпосылкой явились расчеты, согласно которым при существующей системе налоги на фонд заработной платы могут вырасти с нынешних 13% до 25% к 2050 г. Хотя пенсионный возраст повышается до 67 лет, но зато размер пенсии устанавливается на довольно высоком уровне. При наличии 40-летнего стажа минимальная пенсия устанавливается в размере 13176 евро в год (2005 г.), а максимальная — 34888 евро (разница — в 2,6 раза). Пенсии по-прежнему будут финансироваться из трех источников (средства предпринимателей, наемных работников и лиц свободных профессий, а также государства). Причем предприниматели будут отчислять 14,1 % фонда заработной платы, наемные работники — 7,8 % зарплат, лица свободных профессий — 10,7 % дохода, а 32,2 % всех пенсионных расходов покроеет государство.

Реформа образования мотивируется стремлением обеспечить высокое качество норвежской рабочей силы в условиях глобальной конкуренции. Реформа проводится в две стадии: для школьного и высшего образования. В школьной реформе упор сделан на получении компьютерной грамотности. С 2006/2007 учебного года

были введены новые программы обучения в школах и требования к знаниям, получаемым школьниками по окончании обучения. В соответствии со Стратегическим планом подготовки ученых, рассчитанном на 2002 — 2007 гг., в стране было создано 6 центров науки и технологий, в которых практикуется интерактивное обучение будущих ученых по новым технологиям обучения, позволяющих повысить мотивацию как профессорско-преподавательского состава, так и самих обучающихся.

В-шестых, благодаря развитию оффшорной энергетики в Норвегии удастся совмещать социально ориентированное государство с умеренными налогами. Согласно проведенной налоговой реформе произошло некоторое сближение ставок подоходного налога и некоторое уменьшение отдельных налогов. Так, налоги на дивиденды были уменьшены с 48,16 % до 28 %. Ставка корпоративного налога остается на уровне 28%. Несколько снижаются ставки налогообложения для лиц наемного труда с высокими доходами (с 64,7 до 54,3 %). Подоходный налог с личных доходов в Норвегии распределяется следующим образом: 15,8 % идет в пользу местных и региональных властей, а 12,2 % — для центрального правительства. Налог на богатство предполагается в будущем отменить.

В-седьмых, не стоит сбрасывать со счетов тот факт, что во главе всех трех коалиционных правительств левого центра стоял и стоит относительно молодой, но опытный и очень харизматичный политик — Й. Столтенберг.

Парадокс состоит в том, что в одной из самых богатых и благополучных стран мира у власти находится одно из самых левых правительств. В результате в конце 2009 г. накопления в Государственном пенсионном фонде Норвегии (бывший нефтяной фонд) превысили ВВП страны и продолжают расти. ВВП на душу населения составил 53476 долларов. Это — один из самых высоких показателей в мире. Другой парадокс состоит в том, что Норвежское правительство левого центра не следует канонам неолиберальной политики, предпочитая более прагматические подходы, учитывающие реальные социальные

и экономические потребности норвежских граждан и материальные потоки, имеющие место в отечественной экономике. И, наконец, третий парадокс состоит в том, что норвежская социал-демократия удерживается у власти три легислатурных срока подряд, благодаря союзу с левым (а не правым) центром, несмотря на снижение популярности левых взглядов практически во всей Европе.

* * *

Подводя итоги рассмотрению положения социал-демократических партий в Дании и Норвегии, можно сделать следующие выводы:

(1). Несколько десятков лет развития по социал-демократической модели привели к размыванию традиционной классовой структуры общества и превалированию среднего класса, который является также опорой буржуазных партий.

(2). В идеологическом отношении социал-демократические партии эволюционировали в направлении сближения с взглядами буржуазных партий. В частности, это привело к преемственности в проведении текущей политики, проводимой правительствами правого и левого толка, последовательно сменяющими друг друга.

(3). Выросла роль личностных характеристик партийных лидеров; побеждает, как правило, такой лидер, который обладает харизмой и может предложить решение конкретных вопросов, касающихся условий их жизни. (В первую очередь норвежского и датского избирателя волнуют налоги и иммиграция.)

(4). Сложился консенсус относительно необходимости реформирования системы социальной защиты, хотя между партиями есть заметные расхождения взглядов относительно темпов и масштабов такого пересмотра.

(5). Разрыв тесных идеологических и организационных уз, традиционно связывавших социал-демократические партии с профсоюзами, болезненно сказывается на их позициях. Однако ему на

смену пришло ситуационное сотрудничество североевропейских социал-демократических партий и профсоюзов.

(6). Сложился консенсус относительно необходимости перехода на принципы «зеленого» экономического роста и устойчивого развития, в т.ч. так называемых «зеленых» налогов.

(7). Доминирование социал-демократических партий, по-видимому, ушло в прошлое, однако, они по-прежнему являются крупнейшими партиями политического театра скандинавских стран. Другие партии могут соперничать с ними лишь в коалициях.

Н.С.Плевако*

Шведская социал-демократия и вызовы времени

XX век для Швеции был временем стремительной модернизации экономики страны, превращения ее в высокоразвитую индустриальную державу, что с самого начала сопровождалось развитием социальных связей, ставших объектом изучения учеными и политиками разных стран. Характерной чертой социально-политической жизни этой страны стало небывало длительное пребывание у власти социал-демократической партии, с которой связывается рождение и развитие так называемой шведской модели. И хотя концепции социал-демократических идеологов коренились в исторических традициях страны (эгалитаризм, пуританская этика, традиции демократии, стремление к консенсусу), обогащенных новейшими социальными теориями, именно социальная инженерия СДРПШ стала стержнем модели, воплощенной в моноэтническом и малонаселенном, моноконфессиональном и при этом секуляризованном государстве. Слаженность работы задуманного и построенного политического механизма, предопределяла поступательное развитие страны, при котором высокие показатели в экономике позволяли применять принципы распределения, базирующиеся на нормах социальной справедливости и равенства.

Социально-экономический курс социал-демократической партии в годы, когда шведская модель развивалась успешно, всегда подкреплялся достаточно четкой идеологической составляющей, отличавшей ее от воззрений буржуазных партий. При этом социал-демократам удавалось сопрягать экономические проекты с необходимостью одновременного решения социальных задач с позиций социал-реформизма.

Трудности, приведшие впоследствии к кризису шведской модели (многие говорят даже об ее крахе), проявились в 1980-х

* Плевако Наталия Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Европы РАН.

годах прошлого столетия, когда сложившаяся система стала давать первые сбои: дерегулирование рынка капиталов с неизбежностью редуцировало контроль политической власти над экономикой. Интернационализация экономики стала приобретать новые черты: границы между национальными государствами становились все более эфемерными, власть финансовых рынков приобрела дополнительные силы. Все явственней стало проявляться противоречие между требованиями рынка и возможностями политиков регулировать рыночные процессы в рамках национального государства. Сокращение свободы маневра для политиков в экономической сфере сузило их возможности и в социальных областях.

Проявившиеся повсеместно процессы глобализации стали испытанием для шведской социал-демократии, которая более чем какая-либо иная партия делала ставку на государственное регулирование в сфере перераспределения доходов, что предполагало высокие ставки прогрессивного налогообложения. Все более явственно стало проявляться объективное противоречие между стремлением социал-демократов стать защитниками материальных интересов трудящихся и потерей конкурентоспособности шведских товаров в связи с их высокой себестоимостью. Высокое налогообложение, как источник функционирования общественного сектора экономики, требовавшего все новых и новых финансовых вливаний, на этом этапе перестает удовлетворять своим первоначальным целям. Недовольство проявляет не только предпринимательская сторона, которой значительно легче стало материализовать свой протест (быстрая утечка капиталов за границу), но и простые граждане. Чрезвычайно большие ставки налогообложения (пресловутый маргинальный налог с доходов) часто делают невыгодными трудовые затраты населения. Самоценность труда как основа существования индивидуума, принцип социальной справедливости, постулируемый в социал-демократических программах, подвергаются эрозии. Это стало своего рода проверкой на прочность давних лозунгов социал-демократии, всегда ставившей труд и уважение к нему в основу своей политики.

У буржуазных партий появляется благодатная пища для идеологического наступления. Они говорят о необходимости перестройки сложившейся модели, ставшей, с их точки зрения, тормозом для развития производительных сил страны. В 1990 году социал-демократическое правительство проводит налоговую реформу, призванную разрешить назревшие проблемы, однако ожидаемого эффекта достичь в полной мере не удастся.

Рынок все с большей настойчивостью диктует свои условия миру политики. Экономический кризис 1990 гг. усугубил и без того трудную для правящих социал-демократов ситуацию. Ослабление экономики, рост безработицы и при этом стремительное увеличение иммиграции, а, следовательно, и нагрузки на систему социального обеспечения требовали дополнительных средств, в результате стал быстро расти государственный долг. В 1991 году на волне распространяющихся в мире идей неолиберализма, под лозунгом коррекции социально-экономической системы страны и методов управления ею буржуазные партии побеждают на выборах в парламент. Они как никогда спешат с проведением реформ, стараясь сделать этот процесс по возможности необратимым. Волна приватизации захлестывает в это время Швецию.

Наряду с глобализацией, повлиявшей на постепенное стирание граней между буржуазными партиями и социал-демократией в методах общественного управления, немаловажным фактором явилось ускорение процессов европейской интеграции. В 1990 году, с очевидным историческим опозданием, Швеция решает подать заявку на принятие в члены Европейского сообщества. Немаловажно, что это происходит при социал-демократическом правительстве И. Карлссона, на решение которого, несомненно, повлиял усугубляющийся экономический спад. Вступление в ЕС фактически означало радикальные перемены в предшествующей политике, как внутренней, так и внешней. В социал-демократической партии решение о вступлении в ЕС было воспринято неоднозначно, обсуждение этой дискуссионной темы свидетельствовало о существовании фактического раскола в СДРПШ

по этому вопросу (заметим, что непростая ситуация сложилась и в других партиях). Как отмечает политолог У.Петерссон, вопрос о вступлении в ЕС уменьшил возможность многих партий оставаться внутренне сплоченной, дееспособной силой. Интеграция несла с собой риск для демократии — непреходящей ценности шведской политической жизни, опасение частичной потери суверенитета. Шведский истеблишмент озадачивала перспектива трансформации высокоразвитой социальной сферы, которая будет вынуждена подчиняться более низким нормам со среднестатистическими показателями, а это, в свою очередь, лишит страну привычного социального спокойствия. Наступающая глобализация и интеграция объективно представляли собой испытание всей политической системы Швеции и в первую очередь для социал-демократической партии.

Дополнительным, но существенным фактором ослабления влияния социал-реформизма, несомненно, стал кризис социалистической идеи как таковой в связи с катастрофой т.н. реального социализма на Востоке Европы. Шведские социал-демократы всегда были острыми критиками этого социализма, особенно остро реагируя на отсутствие в СССР привычных для шведов демократических институтов, не принимали коммунизм ни в каком виде, но на практике в послевоенный период они были вынуждены прибегать к помощи шведских коммунистов для создания парламентского большинства и формирования правительства. На обывательское сознание воздействовала также пропаганда буржуазных партий и предпринимательского корпуса, в которой часто ставился знак равенства между коммунистическими режимами и их «братьями» — социал-демократами и которая трактовала события в Восточной Европе как поражение всех левых. В отличие от других скандинавских стран, где в последнее время стало нормой создание коалиционных правительств с участием социал-демократов и тех или иных буржуазных партий, СДРПШ не прибегает к помощи союзников справа с 1950-х годов, когда правительство формировалось СДРПШ и партией Крестьянский союз. Особенно

сложная ситуация у социал-демократов сейчас, т.к. в руководстве Левой партии возобладало радикальное крыло, открыто признающее свою родственную связь с бывшими коммунистами. При всем нежелании СДРПШ опираться на помощь этой партии на выборах, других альтернатив пока у нее нет. Голосов Партии окружающей среды недостаточно. На болезненный для социал-демократии вопрос, поделятся ли они с бывшими коммунистами министерскими портфелями в ответ на соглашение о сотрудничестве, пока ответа нет. Учитывая сильные антикоммунистические настроения в стране, понятно, что эта неопределенность сильно ослабляет позиции социал-демократии. Левый блок выглядит аморфным, и сплочению его способствует не идеологическая близость, а вынужденная необходимость соединения разнородных политических сил для противостояния Альянсу буржуазных партий.

Наконец, еще одной немаловажной причиной ослабления социал-демократической партии является малая привлекательность ее лозунгов. Социал-демократической партии все труднее становится согласовывать свои принципы с быстро изменяющимся миром, она все чаще вынуждена говорить не привычным для нее самой и для ее традиционных избирателей языком. Социал-демократия планомерно двигалась к либерализму, когда о глобализации еще не говорили, однако в последние десятилетия эта проблема стала во весь рост, и оказалось, что либералы больше подготовлены, хотя бы ментально, к такому повороту событий, чем социал-демократы. Избиратель перестал видеть в социал-демократии свою партию, ему все труднее становится различить отличия в программах и действиях социал-демократии и буржуазных партий. Это касается проблем падающего экономического роста, создания новых рабочих мест, финансирования общественного сектора, наконец, способов выхода страны из нынешнего экономического и финансового кризиса. В законопроекте, выработанном руководством СДРПШ М.Салин и Т.Эстресом в 2009 г. нет анализа причин и путей преодоления кризиса. Если в 1960-70 годы проблемы структур-

ной перестройки экономики стояли в центре экономических программ социал-демократии, создавая основу для социальных программ, выдвигаемых партией, то теперь социал-демократы не находят оригинальных способов подобной перестройки. За СДРПШ все больше закрепляется название «партия пособий», компенсаторного неолиберализма.

Немаловажное значение имеет и такой фактор, как бюрократизация партии, постепенное слияние ее с государственными структурами — процесс, по всей видимости, неизбежный при столь длительном пребывании у власти одной партии. Руководителями крупных государственных концернов при социал-демократических правительствах становились видные социал-демократы или профсоюзные деятели. Заработная плата таких руководителей во много раз превышала среднюю заработную плату в стране, что противоречило принципам эгалитаризма, столь важным для социал-демократии в недавнем прошлом. Ряд деятелей партии оказался замешанным в коррупционных скандалах последнего времени.

Эти факторы облегчали продвижение программ буржуазных партий, которые с начала 2000-х годов стали активно консолидироваться, противопоставляя свое видение мира традициям социал-демократизма. Ситуацией умело воспользовалась Умеренная коалиционная партия, правая партия буржуазной коалиции. В практической политике она сумела перехватить лозунги социал-демократии и даже провозгласить себя второй рабочей партией, ставящей во главу угла борьбу с безработицей, большим вопросом для Швеции начала 2000-х годов. Это была беспроясненная карта. В основе предвыборной риторики Умеренно коалиционной партии перед выборами 2006 г. ударение переносилось с лозунга смены системы на лозунг идейного обновления, что также находило отклик у шведских избирателей. Таким образом, направленность политики Умеренной коалиционной партии сдвинулась к центру, линию партии стали называть социал-консервативной по аналогии с социал-либеральной

политикой центристских партий. Главное заключалось в том, что УКП вторглась на электоральное поле, традиционно занимавшееся социал-демократами, а именно, в сферу защиты интересов наемных работников. На какое-то время главные действующие лица шведской политической драмы как бы поменялись местами: социал-демократы делали упор на экономические успехи, коалиционеры — на социальные проблемы.

Но когда рассеялся дым предвыборных обещаний и новой власти пришлось в самом деле заняться социальной политикой, быстро обнаружилось, что ее подходы не вполне соответствуют (а, может быть, и вполне не соответствуют) ожиданиям многих из тех, кто пришел отдать свои голоса на выборах 2006 блоку буржуазных партий. А это значит, что электоральный ресурс умеренных коалиционеров и их союзников сокращается, и на выборах осенью 2010 г. социал-демократы, скорее всего, получат достаточно голосов, чтобы вернуться к власти. Вместе с тем, это никоим образом не означает, что социал-демократы пережили внутренний кризис партии, скорее всего подобную непопулярность Альянса в последнее время можно объяснить влиянием экономического кризиса и стремительностью, с которой Альянс проводит свои преобразования. В таких условиях оппозиционной социал-демократии легче получить голоса избирателей, надеющихся на перемены.

Развитие политической ситуации в Швеции в значительной степени будет зависеть от привходящих факторов: насколько динамичными темпами будут впредь идти глобализационные процессы, и в каких формах они будут реализовываться, подчинится ли полностью социал-демократическая партия императивам той или иной модели трансформации современного мира или попытается, исходя из собственного богатого опыта, предложить миру свои способы ответа на глобальные вызовы.

Д.Ю.Ткаченко*

**Исландские левые и финансово-экономический кризис
2008-2010 гг.**

Со времени установления в 1944 г. республиканской формы правления состав всех правительств Исландии являлся коалиционным, поскольку ни одна из политических партий не добивалась преобладающего большинства в парламенте (Альтинге).

Действовавшая до января 2009 г. правительственная коалиция Исландии была сформирована после парламентских выборов в мае 2007 г. консервативной Партией Независимости и левоцентристским Социально- демократическим союзом. Эти две партии имели значительное большинство в парламенте (43 из 63 мест). Данное правительство сменило коалицию Партии Независимости и Прогрессивной партии, которая была у власти с 1995 г. Лидер Партии Независимости Давид Оддсон был премьер-министром в 1991-2004 гг., которого сменил на этом посту Гейр Хорде.

Три левых партии — Социал-демократическая партия (СДПИ), Народный Союз и Женский Альянс — сформировали избирательную коалицию перед парламентскими выборами 1999 г. в надежде на победу над доминирующей в политике Партией Независимости. Но надежды на создание объединенной левой коалиции не оправдались. Тогда разочаровавшиеся левые сформировали новую партию, названную Левым Зеленым Движением во главе с бывшим заместителем председателя Народного Союза Стеингримером Сигфуссоном. Главным звеном Движения были коммунисты. Тем не менее, левая коалиция набрала 27% голосов (17 мест) на выборах 1999 г., на четыре процента ниже того результата, который эти три партии получили, идя на выборы по отдельности в 1995 г. Результат в 31% голосов (20 мест), имевший место в 2003 г., не был достаточен, чтобы создать собственное правительство. Левые Зеленые получили 9% голосов (5 мест)

* Ткаченко Дмитрий Юрьевич, аспирант Института Европы РАН.

в 2003 г. и на выборах 2007 г. улучшили свои показатели до 14% голосов (9 мест).

Несмотря на результаты избирательной кампании 1999 г., три левых партии решили формально объединиться в 2000 г., создав блок новых партий — Социально-демократический альянс во главе с Ингибьергом Солрун Гисладоттиром.

Докризисный состав Альтинга был избран 12 мая 2007 г. Места между партиями, победившими на выборах, распределились следующим образом: Партия Независимости — 36,6% голосов (25 мест); Социал-Демократический Альянс — 26,8% голосов (18 мест); Левое Зеленое Движение — 14,3% голосов (9 мест); Прогрессивная партия — 11,7% голосов (7 мест); Либеральная партия — 7,3% голосов (4 места).

В период с 1998 по 2006 гг. были проведены важнейшие реформы по либерализации экономики Исландии: отменены ограничения на торговлю и валютные операции, часть государственных банков была приватизирована. Тогда страна переживала инвестиционный и потребительский бум: по уровню доходов на душу населения за несколько лет Исландия заняла одно из первых мест в мире, а по качеству жизни — второе.

Приватизация в русском стиле и быстрая отмена госконтроля привели к ускоренному росту финансового сектора. Менее чем через десятилетие Исландия ушла от ресурсной экономики, прямой зависимости от рыболовства и геотермальной энергии и стала финансовым гигантом. Тогда многие задавались вопросом: откуда брались средства?

Ответ пришел в октябре, когда разразился мировой финансовый кризис. Страна, как выяснилось, жила на заимствования. Главные исландские банки — «Glitnir», «Kaupthing» и «Landsbanki» разорились. К тому моменту суммарная задолженность этих банков составляла порядка 60 миллиардов долларов — сумма в несколько раз превышающая ВВП. К этому отчасти привела политика экспансии, проводимая банками: они брали огромные займы, привлекали вкладчиков высокими

процентами, входили во множество международных инвестиционных консорциумов, приобретали другие банки. Чтобы отслеживать ситуацию, Центральному банку были поручены функции по контролю над деятельностью финансовых организаций. Исландские налогоплательщики оказались связанными со своими вкладами после того, как банки были повторно национализированы, и госдолг ложился на их плечи. Однако этого оказалось недостаточно, и чтобы сохранить собственную платежеспособность, правительство было вынуждено обратиться к мировым кредитным организациям. Для стабилизации экономической ситуации в Исландии в ноябре 2008 г. МВФ выделил ей кредит в размере двух миллиардов долларов. Со своей стороны, скандинавские партнеры — Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия — оказали помощь в размере 2,5 миллиарда евро, но, несмотря на это, исландская крона обесценилась, что привело к увеличению задолженности населения в несколько раз. Таким образом, выросли безработица, инфляция; доходы населения резко упали, а бюджет на 2009 г. не был принят.

Официальный уровень безработицы, который был несущественным перед кризисом, составил, что неудивительно, 10% в начале 2009 года, поскольку экономический рост тоже сократился на 10%. Фонд выплат пособий по безработице в Исландии был опустошен к апрелю. Наступившая экзаменационная пора, когда теперь уже бывшие студенты оканчивали университеты и колледжи, затопила рынок вакансий сотнями новых претендентов.

Сложная экономическая ситуация привела к росту социальной напряженности, которая получила выражение в акциях протеста, начавшихся 20 января 2009 г., в первый день заседания исландского парламента после зимних каникул, и в конечном счете привела к смене правительства. Это было первое европейское правительство, не устоявшее под натиском мирового финансового кризиса. Примечательно, что для страны, в которой нет традиции политических демонстраций, произошедшее стало беспрецедентным событием. Согласно социологическому опросу,

проведенному популярной газетой «Frettablaðið», три четверти опрошенных высказались за скорейшую отставку правительства. Тем не менее Гейр Хорде, в то время премьер-министр Исландии, занял жесткую позицию, заявив, что в условиях экономического кризиса проведение внеочередных выборов может лишь ухудшить положение.

Злоупотребление их доверием со стороны власти не было единственным фактором, раздражавшим исландцев. Многим не понравилось, что маленькая группа банкиров и инвесторов по существу тратила все деньги страны, без какого бы то ни было реального демократического контроля.

Исландские избиратели наказали правоцентристскую партию, которая управляла страной в течение прошлых 18 лет, явным большинством голосов отдав свое предпочтение на внеочередных выборах левоцентристам Социал-демократам и крайне левым из Левого Зеленого движения.

При 85% явке Социал-демократы выиграли 20 мест, получив 29,8% голосов, в то время как Левые Зеленые — 14 мест — 21,7%. Тем самым появилась возможность создания коалиции с абсолютным, в 34 места из 63, «историческим» большинством — впервые за всю историю островных левых сил.

После разрушительного краха банковско-финансовой системы Исландии подобные результаты выборов выглядели как возможное преддверие «нового начала»: разрыва с «капитализмом Викингов», который оставил страну в экономических руинах. Кроме того, выборы принесли значительное обновление в Альтинге — появление молодых политиков и увеличившееся число женщин, которые теперь составляют почти половину депутатского корпуса.

Стоит отметить, что вновь сформированное коалиционное правительство, которое возглавляет лидер Социал-демократов Джоанна Сигурдардоттир, достаточно компактно по меркам современных демократий. Так же как и в парламенте, в правительстве половина новых министров — женщины. Средний возраст министров — 45 лет.

Первоочередные задачи для вновь сформированного правительства заключались в необходимости повторного финансирования банков, реализации дополнительного кризисного бюджета в течение лета 2009 года; последний сокращал общественные расходы и поднимал налоги с учетом огромного дефицита национального бюджета.

Наиболее обсуждаемой темой во внешней политике после выборов стало возможное вступление в ЕС и зону евро. Председатель Левой Зеленой партии, Стейнгримур Сигфуссон, заявил после выборов, что компромисс в представлениях относительно этих проблем будет достигнут в рамках нового правительства. Другими словами, первоначальное сопротивление членству в ЕС Левого Зеленого движения уступит дорогу переговорному процессу внутри созданной коалиции. Все признаки свидетельствовали о том, что теперь имеется явное парламентское большинство для подачи заявления о вступлении в ЕС.

Европейский союз, в свою очередь, дал понять, что был бы рад видеть Исландию в своих рядах, тем более что страна уже применяет на практике приблизительно 75% законодательства ЕС.

Однако расхождения во мнениях сохранялись. С точки зрения социал-демократов, кризис продемонстрировал, что маленькой экономике будет только хуже, если она не будет искать поддержки у блока из 27 стран. Со своей стороны, Левые Зеленые полагают, что ЕС слишком недемократичен и «неолиберален», и эта идеология — якобы послужила причиной кризиса. Они также боятся потери контроля над природными ресурсами страны. Коалиционеры согласны только в одном: вопрос о вступлении должен быть вынесен на референдум до любого официального заявления. После выборов аналитики недоумевали: каким образом серьезный раскол в правящей коалиции может быть разрешен. Однако, принимая во внимание незначительное число парламентариев-левых, настроенных «против», сформировалось большинство, выступающее в пользу ЕС. Надпартийная фракция «за ЕС» в парламенте в общей сложности насчитывает 33 человека. Не

ождается, что нынешняя коалиция расколется; правительству во главе с СДРПШ дали явный мандат для грядущих переговоров.

Проезсовская линия СДРИ четко прослеживается в программных документах исландских социал-демократов. В них зафиксировано понимание необходимости присоединения к Европейскому союзу и принятия евро. Хотя с вопросом о квотах по рыболовству многое видится не столь однозначно. Поэтому вступление в ЕС пока кажется весьма отдаленной перспективой. Но в целом членство в ЕС рассматривается как фактор спасения для экономики Исландии. СДПИ полагает, что членство в ЕС увеличило бы доверие к исландской экономике и определило бы новые пути развития. Кроме того, Исландия получила бы голос в различных структурах ЕС, смогла бы полагаться на европейскую солидарность, а региональная политика ЕС была бы выгодной для заполярных областей Исландии.

Социал-демократы ставят своей задачей на переговорах по членству выработать такое соглашение, которое бы совпадало с фундаментальными интересами Исландии. Однако недавние опросы показывают, что общественное мнение разделилось по вопросу о членстве в ЕС, хотя ожидается, что исландцы одобряют соглашение, если решение относительно рыболовства и сельского хозяйства будет найдено. Исландия является членом Европейской экономической зоны и Шенгенского договора, поэтому население уже оценило выгоду от участия в международных соглашениях.

Серьезным препятствием на пути членства Исландии в ЕС считаются долги разорившегося интернет-банка «Icesave». Переговоры по выплате его задолженности кредиторам из Великобритании и Нидерландов затянулись и, вероятно, будут осложняться результатами референдума, состоявшегося 6 марта 2010 года. На нем более чем 93% исландских избирателей сказали твердое «нет» плану по возмещению Великобритании и Нидерландам пятимиллиардного долга, и только 1,8% населения проголосовали «за». Премьер-министр, лидер социал-демократов Джоанна Сигурдартоттир заявила, что результаты референдума не стали для нее

неожиданностью. Левоцентристское правительство пробовало договориться о плане, по которому поэтапно предполагалось возместить 3,5 миллиарда долларов Великобритании и 1,8 миллиарда Нидерландам. Международный валютный фонд уже согласился предоставить Исландии 4,6 миллиарда долларов. Однако переговоры по «Icesave» вскоре прервались, несмотря на предложенное Великобританией и Нидерландами существенное сокращение процентной ставки на 5,5%. Даже при таких «выгодных» условиях каждому исландцу пришлось бы платить приблизительно \$135 в месяц в течение восьми лет — что составляет одну четвертую часть дохода средней семьи из четырех человек.

Мировой финансово-экономический кризис серьезно изменил партийно-политический ландшафт островного государства. Сначала была смена правительства вслед за широкими уличными демонстрациями, потом приход левого правительства — первого в своем роде за всю историю республики. Правительство Социал-демократов и Левых Зеленых целеустремленно занялось созданием жесткого экономического плана и стремилось следовать ему, несмотря на возникавшие трудности. У коалиционеров было полное согласие по осуществлению обширных реформ в социальном и экономическом секторе. Правительство выдвинуло ряд предложений по изменению политики относительно налогообложения, равенства и окружающей среды. Сильный акцент был сделан на улучшении системы управления и организации финансовых учреждений, так же как и на более тесном сотрудничестве между правительством и местными властями. Благодаря совместным усилиям и эффективным мерам, принятым правительством, теперь очевидно, что экономический спад будет менее серьезным, чем ожидалось. Есть признаки того, что спад не превысит 7,5% ВВП, хотя еще недавно речь шла о 10,6%. Предполагалось, что безработица превысит 10%; на практике она составила около 8%. Государственный долг из-за краха банков, не считая «Icesave», составляет около 1,43 миллиарда евро — ниже, чем предсказанный; дефицит бюджета на 2010 г. также понизится.

Все это говорит о том, что Исландия находится на правильном пути и хотя первые месяцы 2010 г. были трудными некоторые признаки экономического роста уже наметились. Упомянем 10 факторов, сыгравших важную роль в том, что было достигнуто, а также стали перспективными векторами развития.

1. Восстановление банков осуществлялось так, что они не прекратили функционировать. Если бы правительство позволило приватизированным банкам, заимствования которых составляли шесть валовых национальных продуктов, обанкротиться без внешнего вмешательства, население Исландии катастрофически обеднело. Когда новое правительство приступило к исполнению своих обязанностей, им были приглашены национальные и иностранные эксперты, чтобы участвовать в переговорах с кредиторами банков. Соглашение с кредиторами было достигнуто, и основная помощь правительства банкам составит порядка 775 миллионов евро. Сумма задолженности приблизительно равная 2,2 миллиарда евро, будет сокращена до 1,43 миллиарда евро. Таким образом, госдолг будет уменьшен, и как следствие этого, казначейство заплатит более низкий процент, чем предполагалось ранее.

2. Рост задолженности населению замедлился. Год назад дефицит был 1,25 миллиарда евро, но бюджет 2010 г. оценивает этот показатель в 568 миллионов евро. Бюджет, полностью одобренный Альтингом, совместим с планом правительства по возврату к активному сальдо в 2013 г. Тогда же должна будет начата выплата государственного долга.

3. Конкурентоспособность внутреннего производства возросла и позволила рыбацкой промышленности, сектору туризма и фирмам, специализирующимся на экспорте высоких технологий остаться на плаву и даже расти, получая доход в валюте.

4. Правительство открыло гражданам доступ к частным сбережениям, пенсиям и позволило использовать их, чтобы преодолеть финансовое затруднение. Исландцы сняли со своих счетов приблизительно 86 миллионов евро — это приблизительно 1% валового внутреннего продукта и сопоставимо с теми мерами, которые

государственные казначейства многих других стран направили на стимулирование их экономических систем.

5. Правительство осуществило активные меры на трудовом рынке, которые состояли в том, чтобы заставить людей, потерявших работу по специальности, посвятить себя переквалификации или получению образования, профессиональному обучению. К концу прошлого года Фонд ссуд студенчеству был дополнительно усилен за счет средств бюджета.

6. Малому и среднему бизнесу, испытывающему проблемы с платежеспособностью, принесли пользу такие меры правительства, как балансирование платежей, регулирование выплат, замораживание аукционов. Однако, по последним данным, приблизительно 12% в этой сфере экономики все еще имеют серьезные долговые проблемы. В этом году расходы государства на различные пособия увеличились на 26 миллионов евро.

7. Центральный банк Исландии понизил с марта 2009 г. ставку рефинансирования с 18% до 10% — это самый низкий показатель за четыре года. Ставки и инфляция, вероятно, продолжат снижаться, принося при этом пользу и гражданам, и экономике.

8. «Договор стабильности», который летом 2009 г. подписало правительство и профсоюзы, позволил спокойно работать и гарантировал деловое сотрудничество при решении проблем, стоящих перед рынком труда.

9. Национальный внешний долг Исландии, тем не менее, огромен и составит приблизительно 320% валового внутреннего продукта до конца 2010 г. Однако из тех 320% приблизительно 260% — это частный долг, за который государство не в ответе. Собственно долг самого государства и муниципалитетов составляет около 60% валового внутреннего продукта, и по прогнозам он должен в ближайшие несколько лет значительно сократиться.

10. Налоговая сфера предполагает отказ от политики прежнего правительства, осуществляемой в последние годы, когда лишь немногим предоставлялись привилегии, зачеты и льготы. Увеличение налогов станет неизбежным в связи с общим сокраще-

нием государственных резервов, и объясняется необходимостью справиться с проблемами, стоящими перед государственным казначейством. Стоит отметить, что увеличенные налоги — это прямое следствие ошибок, допущенных ЦБ Исландии до краха банковской системы.

В течение всего срока нахождения у власти (с 1995 по 2006 гг.) коалиции Партии Независимости и Прогрессивной Партии налоговое бремя было в значительной степени перемещено с групп населения с высоким доходом на группы со средним доходом и малоимущих. Это, вместе с замораживанием уровня необлагаемого налогом дохода, сокращением пособия по охране детства и страховых выплат, сильно уменьшило доходы населения, резко увеличило социальное неравенство. Теперь, когда у власти Социал-демократы и Левые Зеленые, нет сомнений, что подобная политика будет подвергнута серьезным изменениям.

РАЗДЕЛ III. СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ НА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И.С. Яжборовская*

Социал-демократы Центральной и Юго-Восточной Европы: смена парадигмы

Для постсоциалистической демократии в рассматриваемом регионе Европы главной являлась проблема сложности переосмысления калейдоскопически меняющейся реальности, необходимости освободить общественное сознание от пост-идеологических стереотипов и догматических схем, от идеологической мифологии. Поиск новой парадигмы социалистической концепции, отвечающей реальностям глобализирующегося мира, потребовал учета новых, разноплановых и глубоких изменений. Современное видение мира формировалось в процессе взаимодействия разных теоретических традиций и подходов, выявления глубинных тенденций общественного развития и поисков оптимальных стратегических решений на вариативной основе, с учетом альтернатив.

В связи с изложенным выше ситуация левых сил в регионе весьма своеобразна. Новые социал-демократические (постсоциалистические) партии возникли на базе реформаторского крыла коммунистических и рабочих партий и в немалой степени сохранили их традиционный электорат, обеспечив себе постоянное присутствие на политической арене. В Чехии получила новую жизнь довоенная партия, которая апеллирует к прежним, более чем столетним традициям социал-демократического движения в этой стране, ведя за собой значительную часть чешского электората. Это позволяет социал-демократам сохранять достаточно прочные позиции и в условиях мирового экономического кризиса.

* Яжборовская Инесса Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Облик новых левых и левоцентристских партий региона весьма отличается от других отрядов европейской социал-демократии. В ряде стран, будучи инициаторами и соучастниками системной трансформации, они, как правило, продолжали переход к политической демократии и рынку, начатый либералами. Тем самым, проводя социолиберальную политику, они стали соавторами общественного устройства, утвердившегося в регионе, начиная с рубежа 80-90-х годов XX в. За 20 лет системных трансформаций они прошли несколько этапов своего становления и выработки стратегических установок в условиях нового строя. Перейдя в идейно-программном отношении на позиции европейской социал-демократии, они приняли концепцию демократического социализма, сумели стать важной, устойчивой составной частью политического пейзажа своих стран. За довольно продолжительный период они, как правило, в результате колебания политического маятника влево — вправо не менее двух раз находились у власти, самостоятельно или в составе коалиций (левоцентристских или даже более широкого спектра сил, как, например, в Венгрии, Словакии и др.).

С вступлением стран Центрально-Восточной Европы, а также Болгарии и Румынии в Европейский союз социал-демократы региона вошли в Партию европейских социалистов и в составе фракции этой партии играют важную роль в работе Европарламента. Однако конкретная ситуация в странах Новой Европы, как правило, отличается от ситуации в старых странах ЕС. Соответственно их установки не всегда воспринимаются избирателями этой части Европы. И наоборот. Например, когда Партия европейских социалистов выдвигает идею социальной Европы, эта идея не находит поддержки в структурах Евросоюза, но пользуется популярностью в Новой Европе. А позиция большинства органов ЕС, диктующих ужесточение социальной политики, вызывает в этом регионе отчуждение.

Глобальный кризис уже привел к экономическому спаду в регионе и стал угрозой для его достижений прошедшего

десятилетия, в том числе в социальной сфере. Однако самых плохих последствий этого кризиса странам Центрально-Восточной Европы удалось избежать. По оценке Европейского банка реконструкции и развития, в 2009 г. в этом субрегионе ВВП уменьшился в среднем на 3,5%, в то время как в еврозоне — на 4%, а в Юго-Восточной Европе он упал почти на 6,5%. Разница между отдельными странами еще заметнее. По предварительным данным, в 2009 г. ВВП уменьшился в Венгрии на 7,5%, в Румынии — на 7,3%, в Хорватии — на 5,2%, в Болгарии — на 4,9%, в Словакии и Словении — на 4,8%, в Чехии — на 4,3%, в Сербии — на 3,5%. Единственная в регионе и в ЕС в целом страна, в которой наблюдался рост экономики (на 1,7%), — Польша. Это обусловлено рядом факторов: структурой польской экономики, сориентированной прежде всего на внутренний рынок, сохранением в течение 2009 г. высокого внутреннего спроса со стороны населения из-за высоких доходов последних лет и большого притока валюты от польских мигрантов, продолжения притока средств из ЕС в Польшу для инфраструктурных проектов и т. д. Преодоление странами региона последствий кризиса, в первую очередь, будет зависеть от финансово-экономической конъюнктуры в еврозоне.

Это, безусловно, влияет на положение и роль политических партий. Пока требования избирателей стран этого региона к своим партиям ниже, чем в странах Западной Европы, и в них нет существенных угроз для политического существования левых партий. Процесс чередования правых и левых партий у власти продолжается. Поддержка партий населением зависит от успешности их антикризисной социально-экономической политики.

Лидеры социал-демократических партий региона в силу дискредитации социализма в большинстве своем не подвергали до кризиса критике современный капитализм. На протяжении 20 лет в регионе проблема возможной альтернативы возникшему в ходе системной трансформации общественному устройству

поднималась весьма редко. Даже в Венгрии во время острых политических столкновений осенью 2006 г. борьба велась лишь вокруг требования проведения досрочных выборов. Новый премьер-министр Венгрии, социалист Г. Байнаи, и позже отмежевался от идеологического подхода к мировому экономическому кризису: «Кризис не имеет идеологии, он не является ни левым, ни правым. Что должно быть сделано, должно быть выполнено независимо от идеологии». Только самые левые — Болгарская социалистическая партия и Социалистическая партия Сербии — рассуждали о кризисе капитализма.

Поиск новой парадигмы общественного развития, уточнения социалистической концепции, отвечающей нынешним реалиям, требует более тщательного учета глубоких изменений, в частности, переоценки роли государства в осуществлении социально-экономической политики. Что касается региона Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, здесь эта проблема имеет свою специфику. Как известно, экономическая трансформация предусматривала воссоздание частной собственности при снижении роли государства, возрастание роли рынка. Теперь идеи сведения роли государства к минимуму отринуты. На смену приходит идея функционирования рынков при поддержке сильного государства с его высокоэффективными институтами. Стало ясно, что только эффективное государство может справиться с новой кризисной ситуацией. Поэтому в странах региона встает проблема реформирования деятельности государства, возрастания его роли в соответствии с кардинально изменившимися требованиями. Бывший президент Польши, социалист А. Квасьневский недавно признал: «Мы не можем минимизировать роль государства, мы действительно должны использовать государство в решении всех возникших проблем».

В создавшейся ситуации перед социал-демократическими, посткоммунистическими партиями региона встает задача не только адаптации к ней, но и нового раскрытия и уточнения большого

круга теоретических проблем современности, программы-минимум и программы-максимум. А для их осмысления и соответствующей перестройки деятельности посткоммунистических партий требуется немалое время. Однако без этого нельзя будет избежать кризиса партий.

Н.И. Бухарин*

Кризис социал-демократической составляющей в польской политике начала XXI века

Союз демократических левых сил (СДЛС) — основная партия на польском левом политическом фланге — на парламентских выборах в сентябре 2001 г. вместе с другой левой партией — Союз труда получила 41% голосов. Это был наилучший результат, которого смогли добиться левые после начала системной трансформации в Польше с 1989 г. Такое стало возможным благодаря смещению СДЛС в политическом спектре в сторону центра. Ряд политиков и экспертов даже стали рассматривать эту партию как центристскую. Левые силы вместе с Польской крестьянской партией сформировали левоцентристское правительство, премьером которого стал лидер СДЛС Л. Миллер.

Правоцентристское правительство Е. Бузека оставило польскую экономику в состоянии стагнации: в четвертом квартале 2001 г. экономический рост составлял всего 0,2 %, дефицит государственного бюджета — 90 млрд злотых, а безработица — 18%. В 1998–2001 гг. ВВП вообще не увеличился. Поэтому усилия правительства Миллера в первую очередь были направлены на преодоление стагнации и возвращения экономики на траекторию экономического роста. Позабыв про предвыборные социальные обещания, это правительство по сути проводило либеральную экономическую политику. Население вынуждено было потуже затянуть пояса. В результате к концу 2003 г. темпы экономического развития составили 5,4%. Однако этого удалось достичь путем проведения политики сокращения бюджетных расходов, что вызвало недовольство бюджетников и пенсионеров. Вместе с тем, эта политика не привела к сокращению дефицита бюджета из-за снижения темпов приватизации и необходимости увеличения многомиллионных дотаций убыточным государственным

* Бухарин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

предприятиям, в первую очередь шахтам. Безработица в 2003 г. достигла рекордного уровня 20 %. До уровня 11,8 % возросло число поляков, проживающих за чертой бедности. При этом стремительно росли доходы наиболее богатой части населения.

Несмотря на успешно проведенные переговоры о вступлении Польши в ЕС, несоциальная экономическая политика и коррупционные скандалы привели осенью 2003 г. к резкому падению авторитета правительства Миллера, и под давлением президента А. Квасьневского Миллер был вынужден заявить, что 2 мая 2004 г., на второй день после вступления Польши в ЕС, он уйдет в отставку.

Возникшая ситуация привела к кризису внутри Союза демократических левых сил. Начался массовый отток из партии. Покидавшие СДЛС ее члены объясняли свой уход с отходом партии от левых ценностей. В конце марта 2004 г., отмежевавшись от «коррупционного» СДЛС, из него вышла группа левоцентристских деятелей во главе с М. Боровским, которая создала Польскую социал-демократию (ПСД).

Оказавшись в сложной ситуации, Союз стал пытаться преодолеть кризис путем омоложения руководства партии и поиска своего нового идейного лица. В мае 2005 г. лидерами союза стали молодые политики 1974 г. рождения, уже не связанные с Польской объединенной рабочей партией. Председателем СДЛС был избран В. Олейничак, который в возрасте 29 лет стал министром сельского хозяйства в правительстве Л. Миллера и очень хорошо проявил себя на этом посту, а генеральным секретарем — Г. Наперальский. Союз заявил о своем возврате к левым ценностям. Однако в отличие от либералов первой волны союз сохранил свой «железный электорат» (около 10%), в основном сформировавший свои взгляды еще в Польской Народной республике, который вне зависимости от политической конъюнктуры голосует за эту партию.

К 2005 г. динамика настроений польского общества способствовала изменению во внутренней расстановке политических сил. Значительную поддержку электората получили правые консервативные политические партии — национал-католический «Закон

и справедливость» (ЗиС, лидер Я. Качиньский) и либерально-консервативная Гражданская платформа (ГП, лидер Д. Туск).

На выборах в сейм в сентябре 2005 г. ЗиС получил больше всех голосов (26,99%) и в течение двух лет находился у власти. За СДЛС проголосовали лишь 11,31% избирателей, что дало партии 55 депутатских мест в нижней палате парламента. Это был самый худший электоральный результат партии за весь посткоммунистический период. Одна из основных причин заключалась в том, что Союз не выставил своего кандидата в президенты (президентские и парламентские выборы проходили одновременно). Кандидатом левых был спикер с Сейма, бывший премьер-министр и министр иностранных дел В. Чимошевич, который имел большие шансы на успех. Однако политические противники скомпрометировали его, необоснованно обвинив в укрывательстве доходов и лже-свидетельстве. Началось следствие, которое позже рассыпалось из-за отсутствия доказательств. Но Чимошевич уже снял свою кандидатуру. Так как президентская избирательная кампания доминировала над парламентской, СДЛС оказался вне общей избирательной кампании. В октябре 2005 г. на президентских выборах победу одержал кандидат ЗиС Л. Качиньский.

Получив всего 55 депутатских мандатов (парламентское представительство СДЛС уменьшилось более чем в пять раз), эта партия впервые в своей истории потеряла место крупнейшей оппозиционной фракции сейма и какое-либо влияние на принятие решений органами государственной власти. Политическая жизнь в стране стала однополюсной — в ней стали преобладать правые.

Правление национал-консерваторов было воспринято либеральной интеллигенцией и левыми силами как ограничение демократии и возврат к авторитарным методам осуществления власти. Бывший президент Польши А. Квасьневский, которого поддержал его предшественник Л. Валенса, а также ряд видных либеральных политиков и деятелей культуры стали весной — летом 2007 г. создавать общественное движение против авторитаризма, в защиту демократии.

Летом правящая коалиция во главе с ЗиС распалась. Было принято решение о проведении в октябре 2007 г. досрочных выборов в парламент.

Перед демократическими силами страны встала проблема: сделать все, чтобы не допустить победы ЗиС. Ведущие левые партии — СДЛС, ПСД, Союз труда (СТ, рожденная на базе «Солидарности» небольшая левая партия) и либеральная Демократическая партия (ДП) — объединились в единый блок «Левые и демократы» (Лид). Идеино-политическим руководителем избирательной кампании нового блока стал А. Квасьневский. Однако участие бывшего президента в этой кампании стало для блока неудачным из-за его нелучшего психофизического состояния. «Левые и демократы» рассчитывали получить на выборах более 20% голосов, но за них проголосовали лишь 13,15% избирателей. Лид получил всего 53 места в сейме, из которых 40 досталось СДЛС — это было даже меньше, чем в предыдущем Сейме. Возникла атмосфера разочарования у руководящего слоя СДЛС. На самом деле, чтобы не допустить возвращения ЗиС к власти, часть левого электората голосовала за Гражданскую платформу.

Парламентские выборы в итоге превратились в протестное голосование против ЗиС. ГП, которая шла на выборы с лозунгами «возвращения к нормальности» во внутренней и внешней политике, интеграции с ЕС и экономического чуда (Польша должна была, как надеялись некоторые экономисты, за четыре года достичь уровня особенно быстро развивавшейся Ирландии) и др., поддержали более образованные и состоятельные избиратели — интеллигенция, бизнесмены, жители крупных городов, молодежь. Молодое и среднее поколение поляков проголосовали за эту партию, так как хотели чувствовать себя европейцами и ожидали ускорения модернизации страны по образцу развитых стран Запада.

За ГП проголосовали 41,51% избирателей. В результате ГП, а не Лид, стала идейным оппонентом Четвертой республики. Она вместе с Польской крестьянской партией (ПКП) сформировала

новое правительство. ЗиС поддержали более бедные слои общества — жители малых и средних городов, село, пенсионеры.

В новом сейме депутаты блока «Левые и демократы» сформировали одноименную фракцию. В этой фракции идейное лицо СДЛС растворялось. Молодых лидеров союза раздражили пожилые лица руководителей ДП и ПСД. Органичной интеграции не получалось. На молодых лидеров союза В. Олейничака и Г. Напेरальского все большее влияние стал оказывать С. Сераковский, главный редактор левого журнала «Krytyka Polityczna» («Политическая критика»), который формально не связан ни с одной левой партией и вокруг которого объединились несколько групп молодых левых интеллигентов по всей Польше. Он убедил лидеров СДЛС порвать союз с либералами. В марте 2008 г. они заявили, что сотрудничество с ДП в рамках «Левых и демократов» исчерпало себя. Как утверждает М. Боровский, внутри СДЛС победило мнение, что он должен себя позиционировать как радикальная партия. Тогда его заметят, и роль левых сил возрастет. 1 апреля три депутата от ДП вышли из фракции «Левые и демократы». Впоследствии один из лидеров этой партии, в прошлом деятель «Солидарности» Я. Литыньский, признал, что союз с левыми был ошибкой.

В середине апреля фракцию «Левые и демократы» покинули и восемь депутатов от Польской социал-демократии. Произошел второй раскол польских левых сил. На левом фланге продолжилась новая перегруппировка сил. Оставшиеся 42 депутата создали депутатскую фракцию «Левые».

В средствах массовой информации развернулась дискуссия о кризисе левых в Польше. По мнению некоторых польских аналитиков, имеет место отнюдь не кризис, а начало процесса возрождения левых сил страны.

СДЛС сместился еще больше влево. Он уже не желает быть не только центристской, но и левоцентристской партией. Практически он уже не является и посткоммунистической партией. Однако часть аналитиков считают, что его посткоммунистическое

прошлое продолжает влиять на мышление и деятельность членов союза.

В конце мая 2008 г. на IV съезде СДЛС лидером был выбран Г. Наперальский, который получил 231 голос делегатов, а прежний лидер В. Олейничак — 210. Это означает, что партия пришла к выводу, что за три года руководства последний по существу не сумел укрепить политические позиции союза в обществе. Новый руководитель сразу же стал восприниматься как более энергичный, жесткий, прямой и целеустремленный политик. Большинство наблюдателей польской политической сцены избрание Наперальского было воспринято как дальнейшая радикализация союза.

Новый лидер с присущей полякам амбициозностью заявил после своего избрания: «Нашей программой является Польша, в которой найдут свое место все, свободная, как сегодня Испания и богатая, как Скандинавия».

Партия под руководством Наперальского поставила перед собой пять целей. На первом месте находятся социальные цели — все, что связано с трудом. На втором и третьем — бесплатное образование и здравоохранение, на четвертом — Европа: отделение церкви от государства, экономика, основанная на знаниях, современные технологии, широко понимаемая европейская интеграция, на пятом — обеспечение исторической правды. Наперальский стремится создать новую концепцию левой партии, закрепить за ней «железный электорат» и завоевать новый. Он обещает, что СДЛС станет более левым, более демократичным и в большей степени союзом.

Однако среди большинства известных посткоммунистов смещение СДЛС влево вызвало резкую критику. Один из левых деятелей, сенатор В. Чимошевич заявил 9 августа 2008 г., что «поворот влево» союза является «принципиальной ошибкой» и приведет к маргинализации партии. Для ряда других левоцентристов Союз — партия левацкая, нисходящая. Однако большинство левой интеллигенции понимает, что если он распадется, то польские левые как политическая сила перестанут существовать.

В 2008-2009 гг. СДЛС под руководством Г. Наперальского проявлял большую активность и последовательность в реализации своей программы на политической сцене. Прежде всего в течение нескольких месяцев новый лидер «навел порядок» внутри партии. Теперь он является ее бесспорным лидером, став вместо Олейничак также председателем парламентской фракции партии и отобрав у другого лидера союза Е. Шмайдиньского право предоставлять в СМИ официальную точку зрения партии. Он решительно омолодил партийный аппарат — по существу наступила смена поколений. Практически вся власть в партии оказалось сосредоточенной в руках ее председателя. Неформальная группа политиков, ориентирующаяся на Квасьневского, лишилась контроля над СДЛС. Тем самым по сторонникам широкого левоцентристского характера союза был нанесен удар.

Теперь СДЛС по всем основным вопросам внутренней и внешней политики страны имеет свое мнение, предлагая при обсуждении в рамках Сейма свои проекты законов и решений. Временами Наперальский действует на грани политического риска. После неожиданной встречи с президентом Польши Л. Качиньским в июле 2008 г. он заявил: «Возвращаемся в первую лигу политики». Руководство союза надеется, что в обществе заметят его активность, конструктивность и последовательность в деятельности, что в итоге приведет к возрастанию влияния партии на политической арене и среди населения. Не исключено, что на это уйдет несколько лет.

Под руководством Г. Наперальского СДЛС готов идти на временные компромиссы с разными партиями, представленными в сейме. Главное, чтобы эти компромиссы укрепляли политические позиции союза. В 2009 г. президент Л. Качиньский наложил в сейме вето на закон о СМИ, подготовленный ГП. Преодолеть его она могла только с подключением голосов СДЛС, однако тот предпочел выступить на стороне ЗиС, вследствие чего закон был отвергнут, а политологи заговорили о фактическом формировании противоестественной, как казалось ранее, право-левой

коалиции ЗиС-СДЛС. По существу, союз поддержал своего злейшего врага.

Однако благодаря этой сделке СДЛС получил в свои руки второй канал общественного польского телевидения, что позволяет ему влиять на политические настроения в польском обществе. Еще раньше в Интернете стало работать телевидение СДЛС, которым успешно руководит 23-х летний Лукаш Начас, выходец из города Гнезно. Информационные новости этого телевидения пользуются большой популярностью среди пользователей Интернета. Наперальский считается первым в Польше, наряду с Валенсой, микроблогером. Целая группа людей работает день и ночь над тем, чтобы как можно лучше, более неординарно представить, «продать» лидера партии обществу (слабым местом Наперальского является отсутствие у него широкой интеллектуальной базы, что он сам отчетливо понимает).

На выборах в Европарламент в июне 2009 г. СДЛС достиг неплохих результатов. Его поддержали 12,44% избирателей — несколько меньше, чем на парламентских выборах в 2007 г., но тогда союз выступал в составе избирательного блока Лид. Таким образом, избирательная поддержка партии, хотя и немного, но все-таки увеличилась, а представительство СДЛС в Европейском парламенте увеличилось с пяти до семи депутатов.

Что касается ситуации глобального кризиса, пока его последствия проявились в Польше не столь масштабно. В 2009 г. она была единственным государством—членом ЕС, которое избежало экономической рецессии. Продолжался экономический рост, хотя и небольшой (1,7%). Возможно, поэтому польские социал-демократы были мало заметны в общественной дискуссии о глобальном кризисе.

Между тем кризис все же вынуждает левых искать новые подходы к дальнейшему развитию страны. Новую экономическую программу СДЛС согласился разработать известный польский левый экономист Г. Колодко, которого польские СМИ называют «экономическим гуру» партии. Он оценил мировой финансовый

и экономический кризис как «системный кризис современного капитализма», как «гвоздь в гроб неоллиберализма». Форсирование неоллиберальных концепций привело к уменьшению государственного контроля и соответственно к серьезным общественным последствиям, к обогащению немногих за счет остальных. В польских условиях неоллиберализм вновь привел к стагнации экономики, росту безработицы, новой волне банкротств предприятий, повторному возникновению бюджетного кризиса.

Колодко призывает вновь вернуться к идее формирования социальной рыночной экономики, которую польские социал-демократы пытались создать в прошлые годы, но либералы и консерваторы торпедировали усилия левых. Как считает этот выдающийся польский экономист, социальная рыночная экономика может быть построена усилиями одного-двух поколений. Под экономикой такого типа он понимает «социально-экономический строй, который должен служить удовлетворению общественных потребностей, который может быть одновременно эффективным и справедливым».

Колодко к важнейшим элементам стратегии для Польши на предстоящие десять-двадцать лет относит быстрый экономический рост, справедливое распределение, эффективное государство и выгодную интеграцию. Под справедливым распределением польский экономист понимает такое, которое одобряется обществом и не дестабилизирует политическую ситуацию. Текущая политика должна проводиться так, чтобы способствовать уменьшению неравенства в доходах. Эффективное государство, по мнению Колодко, должно быть хорошо организованным, но не слишком бюрократизированным. Оно должно быть союзником общества и предпринимателя и служить им в рамках левой концепции социально-экономического развития. Поэтому надо институционально укрепить его функции, чтобы рыночная экономика могла функционировать ради общественного блага. Современные левые должны защищать интересы трудящихся XXI в. Сегодня это не только рабочие, но разные категории — потре-

бители, клиенты, пассажиры, абоненты, граждане, пациенты, зрители, читатели.

Уже в декабре 2009 г. СДЛС выдвинул на съезде Союза своего кандидата на пост президента, выборы которого состоятся в сентябре 2010 г. Им стал нынешний вице-спикер Сейма Е. Шмайдзиньский. Он является кандидатом не только СДЛС, но и СТ, Всепольского соглашения профсоюзов, многих неправительственных организаций. Кандидатуру Шмайдзиньского поддерживает А. Квасьневский, который обещал активно участвовать в его избирательной кампании. Выдвижение этого кандидата было использовано для возвращения в партию ряда ее деятелей, которые по тем или иным причинам вынуждены были ее покинуть. Среди них были бывшие премьер-министры Ю. Олексы и Л. Миллер. Тем самым перед выборами в рамках союза вновь объединились и молодое, и старшее поколение левых деятелей.

В своем обращении «Какая Польша?» Шмайдзиньский делает упор на социальные вопросы: «Я хочу, чтобы Польша была нормальной европейской демократией, обеспечивающей благополучие своим гражданам без деления их на хороших и плохих, без сфер нищеты, исключенности из общественной жизни, бездомности ... Я ожидаю справедливого государства, нивелирующего экономическое расслоение и все остальные неравенства, умеющего защитить своего гражданина перед несправедливостью и помочь ему, когда это будет необходимо».

Левосторонистская ПСД, председатель которой М. Боровский подал в отставку с 1 августа 2008 г., находится в состоянии полураспада. В ее фракции в сейме остались только три депутата (все старше 60 лет), остальные семь перешли во фракцию СДЛС. Бывший член ПСД Б. Арлукович, врач-педиатр из Щецина, стал новой политической звездой на небосклоне Союза.

Пока социально-экономическая ситуация в Польше остается терпимой, приемлемой для основной части населения, серьезного сдвига в расстановке политических сил в стране не произойдет. Это означает, что на ближайших парламентских выборах в 2011 г.

наверняка победит ГП, которая может получить 40-50% голосов. ЗиС рассчитывает на 25-30% голосов.

В конце 2009 — в начале 2010 гг., как свидетельствуют социологические опросы, поддержка СДЛС колебалась в пределах 8-12%. Стабилизировать поддержку партии на уровне более 10% в первые месяцы 2010 г. еще не удалось, поскольку польские социал-демократы в основном базируются на прежних установках и смещаться слишком влево не хотят. Л. Миллер упрекает современную социал-демократию «в слишком анахроничных экономических программах, и по этой причине левые партии в настоящее время не могут конкурировать с партиями либеральными». Это означает, что краткосрочной перспективе в польской политической жизни все еще будут доминировать правые силы.

СДЛС ставит перед собой задачу добиться вначале на президентских, а затем на парламентских выборах поддержки 15-20% избирателей. Экспертами основной электорат левых сил оценивается в 20%. Если СДЛС сумеет добиться такой поддержки, то это позволит ему вступить в коалицию с ГП, если последняя не будет иметь в Сейме абсолютного большинства. Тем самым Наперальский подбадривает свое молодое окружение тем, что оно в недалеком будущем может получить государственные посты. Лидеры союза возлагают большую надежду на избирательную кампанию Е. Шмайдзиньского.

Последнее пятилетие показало, что на левом политическом фланге, несмотря на наличие нескольких партий, для СДЛС альтернатива отсутствует. В его рядах — 60 тыс. членов, и численность его выше, чем у правых партий — ГП и ЗиС. Его структуры существуют по всей стране. Во главе союза стоит динамичное руководство. Разрабатывается новая социально-экономическая программа.

Хотя в политической жизни страны все еще доминируют правые партии, Союз в перспективе имеет шансы потеснить их и увеличить свое присутствие на политической сцене страны.

Э.Г. Задорожнюк***Социал-демократия в Словакии и Чехии:
вариативность моделей и политические реалии**

В первой половине 2010 г. в Чехии (28 и 29 мая) и в Словакии (12 июня) пройдут парламентские выборы. Есть все основания полагать, что после них произойдет укрепление позиций уже доминирующей социал-демократической партии в Словакии. Чешским же социал-демократам предстоит вести поиск средств к усилению своих позиций. Особыми преимуществами перед своими политическими противниками Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП) не обладает.

В абсолютной победе на парламентских выборах 2010 г. партии Направление-Социал-демократия (так официально именуется словацкая социал-демократическая партия) не сомневается практически никто. И не только потому, что в начале февраля 2010 г. политический лидер ее противников — правоцентрист М. Дзуринда — выбросил белый флаг в связи с грандиозным коррупционным скандалом и, соответственно, выбыл из игры. Прочность позиций словацких социал-демократов подтвердили, к примеру, итоги выборов в Европарламент в июне 2009 г. Тогда они стали победителями, получив около трети голосов (5 мандатов, ранее они обладали тремя мандатами). Второе место, добившись почти в два раза меньше голосов, заняли их политические оппоненты — Словацкий демократический и Христианский союз-Демократическая партия (СДХС-ДП) — 17% (2 мандата), далее следовали Партия венгерской коалиции (ПВК) и Христианское демократическое движение (ХДД) — по 11% голосов и по два мандата. По одному мандату получили нынешние коалиционные партнеры словацких социал-демократов — Народная партия-Движение за демократическую Словакию (НП-ДЗДС -8,97%) и Словацкая национальная партия (СНП — 5,55 %).

* Задорожнюк Элла Григорьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Характерно, что на тех же евровыборах в июне 2009 г. ЧСДП заняла второе место (22,4%), уступив правоцентристской Гражданской демократической партии (ГДП), предпочтение которой отдали 31, 4,% избирателей Чехии. Вместе с тем на состоявшихся осенью 2008 г. выборах в верхнюю палату чешского парламента — Сенат — ЧСДП впервые в новейшей истории одержала победу, получив места для 23 сенаторов (из избравшихся 29). Комментируя 20 марта 2009 г. итоги этих выборов, президент В.Клаус подчеркнул, что «они — свидетельство сдвига на чешской политической сцене, от которого зависит развитие нынешней политической обстановки в стране». Той же осенью 2008 г. чешские социал-демократы обошли своих соперников и на состоявшихся в 13 областях коммунальных выборах, когда от ЧСДП были избраны 13 глав местной администрации.

Возвращаясь к евровыборам в Словакии, надо отметить, что явка на них стала самой низкой из всех стран Евросоюза — лишь каждый пятый словак пришел к избирательным урнам (19,64%). И все же победа правящей партии Направление-Социал-демократия оказалась не просто достаточной, но и весомой.

И это отнюдь не случайно. Именно партия Направление-Социал-демократия выдвинула и воплотила в жизнь некоторые политические инициативы, значимые для европейской и мировой социал-демократии в целом. Иными словами, словацкие социал-демократы освоили некоторые новые пути, интересные и для определения векторов развития европейской и даже мировой социал-демократии в целом. О чешских социал-демократах такого сказать нельзя, по крайней мере, пока.

Прежде чем перейти к изложению сути этих инициатив — два слова о современной социал-демократии в целом. Она, как известно, переживает острые кризисы в связи с ревизией программных и даже мировоззренческих установок. Они усугубляются еще и глобальным финансово-экономическим кризисом. Вряд ли этот кризис приведет к тому, что соответствующий набор идей и социальных практик будет «отброшен

на свалку истории», как в свое время о социализме говорил американский президент Р. Рейган. Однако опыт, который накапливается в рамках мировой социал-демократии и региональных ее вариантов, может, как представляется, привести к более обоснованным проектам как выхода из кризиса, так и мироустройства на новых началах.

Важным является в этом плане доминирование установки на социальный прагматизм, формирующейся в основном в рамках региональной центральноевропейской модели социал-демократии, представителям которой пришлось выполнять задачи по строительству свободного рынка, не всегда совпадающие с их идеями партий данной направленности в странах региона.

Соответствующий опыт привлек внимание Социалистического Интернационала и его лидеров. Есть основания утверждать, что анализ попыток восточных соседей в вопросах свободного рынка быть бóльшими роялистами, чем сам король, побудил Г. Шредера и Т. Блэра разработать свои варианты «третьего пути» для современной социал-демократии, заключающегося в сочетании действий механизмов свободного рынка и государственного регулирования.

Словосочетание «социальный прагматизм» все чаще встречается в различных социал-демократических документах, особенно касающихся оценок кризиса и перспектив выхода из него. Данная общая установка по-разному реализуется многими партиями социал-демократической направленности, особенно тех, которые находятся у власти. Установка на социальный прагматизм, формирующаяся в рамках центральноевропейской модели социал-демократии, сводится к следующему: во главу угла политической активности ставятся реальные интересы государства и его граждан с опорой на разного рода компромиссы. Во внутренней политике проводится линия на консолидацию разнородных и даже конфликтующих политических сил для достижения национально значимых целей. В плане же внешней — на признание необходимости развивать международные отношения по всем

векторам, избегая диктата — экономического или идеологического — с любой стороны.

Словацкая социал-демократия в идейном плане много брала и берет от западноевропейской социал-демократии. Но и опыт этой партии сам по себе, в свою очередь, становится востребованным партиями аналогичной ориентации. Думается, что словацкая модель могла бы стать крайне важной и для сил социал-демократической ориентации современной России.

Почему именно Словакия наиболее успешно реализует социал-демократический проект в регионе Центральная Европа? Почему именно это государство успешно (разумеется, с поправкой на глобальный финансово-экономический кризис) осуществляет инновации в социально-политическом, а вслед за ним и в экономическом развитии? Суть в том, что как раз опираясь на установку социального прагматизма правящей ныне в Словакии партии удалось сплотить раздробленные в течение десятилетий лево-ориентированные политические силы и задать новые импульсы социал-демократическому проекту.

В ходе этого сплочения прагматично ориентированный политик Роберт Фицо интегрировал мелкие и маловлиятельные социал-демократические структуры. В итоге в партию Направление — Социал-демократия влились все три типа партий, согласно предложенной мной еще в конце 1990-х годов прошлого века типологизации партий социал-демократической ориентации в центральноевропейском регионе. А именно: аутентичная социал-демократическая партия (дубчеховская Социал-демократическая партия в Словакии), реформированная партия (Партия левых демократов, объединившая в свое время часть бывших коммунистов); наконец, вновь возникшие партии (партия Центр, Партия гражданского согласия, Социал-демократическая альтернатива).

Словацкий опыт соединения внутривнутриполитических сил и баланса внешнеполитических векторов оказался удачным. Особенно на фоне относительного отступления с властных позиций

партий социал-демократической ориентации в большинстве стран Западной и Центральной Европы. В целом политический курс Фицо — политика новой генерации для стран Центральной Европы — оказался в принципе приемлемым избирателями. Для него характерны:

- идеологическая неангажированность. Об этом свидетельствует взаимодействие партии Р. Фицо со Словацкой национальной партией (СНП). Даже несмотря на то, что в 2006 г., после формирования правящей коалиции с СНП (которая в Европе считается националистически одиозной) временно приостановили процесс приема партии Направление-Социал-демократия в ПЕС.
- способность поддерживать сбалансированную линию во внешней политике;
- курс на сохранение социально ориентированной экономики. Этот курс завершился присоединением Словакии в 2009 г. к зоне евро, что помогло ей как бы заранее, «наперед» смягчить удары, связанные с экономическим кризисом.

В экономической политике этот курс предполагает: уход от форсированных приватизации и реприватизации, от чрезмерностей патернализма и крайнего либерализма, которые приходились на время прежних премьер-министров — не только В.Мечъяра, но и М.Дзуринды как лидера правоцентристской партии.

Во внешнеполитических предпочтениях Р.Фицо ориентируется на постоянство связей с Россией с акцентом на контактах с другими странами. Сдержанно относился лидер словацких социал-демократов к размещению элементов ПРО в соседней «более демократичной» Чехии, лидеры которой мало считались с волей народа в этом вопросе. Как оказалось в 2009 г., когда президентом Б. Обамой было принято решение не размещать ракеты в Чехии и Польше, данная позиция была просчитана правильно. Не признала Словакия и независимости Косово,

не подчиняясь пока ни диктату более «старшего» заокеанского брата, ни давлению менее «старших» в Европе.

В целом словацкая социал-демократия, не отказываясь от своих глубоких традиций, одна из которых связана с именем А. Дубчека, стоит на высоте поставленных задач. Явных сбоев в ее политическом курсе не наблюдается.

7 декабря 2009 г. в Братиславе состоялся торжественный съезд партии Направление — Социал-демократия, посвященный 10-й годовщине ее создания. Выступивший на съезде Р. Фицо обозначил приоритеты партии на полугодовой срок до парламентских выборов в июне 2010 г. В качестве гостей на съезде присутствовали председатель ЧСДП И. Пароубек и Федеральный канцлер Австрии, лидер австрийских социалистов В. Файман. «Мы стремимся, — сказал Фицо, — выиграть выборы в 2010 г. тем же способом, какой продемонстрировали в 2006 г. Это значит, что Направление-Социал-демократия будет занимать главенствующее положение в новом правительстве и продемонстрирует способность добиваться проведения присущего ей четкого социал-демократического подхода к решению проблем, которые принес с собой в первую очередь мировой кризис». Была подчеркнута приверженность двум базовым целям правительственной программы: приоритет национально-государственных интересов Словакии и защита сильной социальной политики в стране, которые в условиях кризиса подтверждают релевантность установки на социальный прагматизм.

На второй день после съезда 8 декабря 2009 г. Партия европейских социалистов признала партию Р. Фицо своим полноправным членом. Местные и зарубежные СМИ уже тогда придерживались прогнозов относительно ее победы на будущих выборах в парламент в июне 2010 г.; практически неизменными остаются они и к весне 2010 г. Однако большинство из этих СМИ выражали убеждение, что СНП в правящую коалицию уже не войдет. Исходя из установки социального прагматизма,

Р. Фицо таких гарантий не дает принципиально, заявляя, что социал-демократы не намерены никого исключать из списка партнеров и не позволят оказывать на себя давление.

Следовательно, новое слово, которое внесла словацкая социал-демократия, — это реализовавшаяся в структурах партии Направление — Социал-демократия попытка интеграции разных типов социал-демократических партий и занятие этой партией прочных властных позиций, исходя из установки социального прагматизма. Разумеется, такая установка не может быть «единственно верной» (само слово «прагматизм» противоречит возможности подобной трактовки). И тем не менее она демонстрирует свою продуктивность в условиях кризиса. Этим и определяется растущий интерес к реализации социально-прагматического курса крупнейшей политической партии современной Словакии.

Как же на этом фоне выглядит чешская социал-демократия? Если взять позицию руководства ЧСДП, то она двойственна. С одной стороны, ЧСДП не отказывается от своего рода негласного покровительства в отношениях с братской словацкой партией. В частности, она выступила в защиту словацких социал-демократов во время конфликта Партии европейских социалистов и партии Направление-Социал-демократия. С другой, она не решается на реализацию столь смелых инициатив, как словацкие социал-демократы. В частности, партия держит затянувшуюся паузу в возможном диалоге с КПЧМ.

В Праге в два этапа (14 февраля и 20-22 марта 2009 г.) прошел очередной 35-й съезд ЧСДП. На нем выступил В.Кlaus, который в качестве главы государства первым в постноябрьский период принял приглашение посетить съезд социал-демократов. В качестве гостя на съезде присутствовал Р.Фицо, который говорил о решении финансово-экономического кризиса. На съезде председателем партии снова избран И.Парoubек, а его заместителями — Б.Соботка (лидирует в рейтинге наиболее популярных чешских политиков), З.Шкрмах, М.Урбан, Л.Заоралек, Р. Ондерка.

ЧСДП приняла документ «Путь из кризиса — план процветания», который основан на принципе солидарности и справедливого общества и убеждений, что экономить надо на государстве, а не на людях.

Таким образом, если говорить о словацкой и чешской социал-демократии, то относительно первой можно утверждать: она предложила новые образцы политической регуляции и меры осуществления социального курса в условиях кризиса. Вопрос в том, сможет ли ЧСДП следовать по ее пути, остается открытым. И все же общий тренд сближения позиций левых, на острие которого выступает словацкая социал-демократия, выглядит более перспективным.

Еще раз возвращаясь к парламентским выборам на рубеже весны и лета 2010 г., отметим: шансы словацких социал-демократов практически стопроцентны, шансы чешских — как в течение уже десятилетий — трудно предсказуемы.

Проводившиеся в конце 2009 — начале 2010 г. опросы общественного мнения дали следующие результаты. В начале декабря 2009 г. впервые за несколько последних месяцев ГДП обошла в опросах потенциальных избирателей ЧСДП. Согласно данным, приведенным агентством «Median», если бы выборы в нижнюю палату чешского парламента состоялись в ноябре 2009 г., то их выиграла бы ГДП с 29,5% голосов; отрыв гражданских демократов от социал-демократов составлял бы более двух процентов. Однако опросы начала 2010 г. снова «поставили все на свои места». По данным социологического опроса, проведенного 3 февраля 2010 г. агентством «SANEP», выборы в нижнюю палату парламента выиграла бы ЧСДП с 33% голосов электората, ГДП получила бы около 24%. Данные опроса, проведенного примерно в это же время компанией «Factum invenio», лишь ненамного отличаются от предыдущих: ЧСДП — 31% голосов избирателей, ГДП — 25%.

Правда, история стран региона показывает, что и подавляющее превосходство какой-либо одной партии, и рыхлость правящих коалиций сами по себе не являются полным благом или полным

злом. Избиратели в странах региона уже привыкли выражать свою волю, рассматривая реальные результаты безотносительно к политической конфигурации в парламентах.

Остается открытым и вопрос: конфигурация какой партии в большей мере конгруэнтна, то есть согласована — по направленности и целям — европейской и даже мировой социал-демократии? Ответ будет примерно таким: если конфигурация словацкой, то указанная согласованность больше проявляется в акценте на первой части названия движения — акценте, выражаемом в политике социальности. Если конфигурация чешской, то, соответственно, в акценте на второй, — то есть на демократичности.

Но и социальность, и демократичность, и способ их соединения в теории и практике социальной демократии — проблема, решаемая постоянно. И все еще по логике Э. Бернштейна: «Движение — все». Анализ же различий между курсами двух действующих в соседних государствах партий указывает на комплементарный характер отношений между этими составляющими социал-демократического проекта. Данный анализ может дать весьма нетривиальные результаты и в более широких контекстах.

Л.Н.Шишелина*

Провал социал-демократии в Венгрии

Политические трансформации в Венгрии не привели к появлению полноценного социал-демократического направления в политике. Оппозиция, зародившаяся в недрах Венгерской социалистической рабочей партии еще при Яноше Кадаре, максимально ослабив саму партию, стала партией, всего лишь использующей электорат единственной государственной партии в своих узко индивидуальных целях сохранения у власти в период капитализации экономики страны. Для этого она на протяжении двух десятилетий пыталась играть на двух полях сразу: то используя ностальгические чувства колеблющегося электората наследницы кадаровской партии, то возглавляя либерально настроенный электорат все более тяготеющей к национальному консерватизму реальной оппозиции. В итоге партия «соцреформаторов» загубила оба направления в венгерской политике: и рабочее (социалистическое), и либеральное. К началу 2010 г. она оказалась один на один с правыми радикалами, претендуя всего лишь на вторые и третьи места в парламенте страны.

Заклейменная в неререформируемости и всех тяжких социалистического СЭВ—овско — ОВД-ешного прошлого посткоммунистическая венгерская Рабочая партия — наследница кадаровской ВСРП, возглавленная в самый трудный в ее истории момент Дьюлой Тюрмером, трудно пережила удар в условиях гонения и требований запрета и партии, и социалистической символики, бесконечных судебных процессов и тяжб. На первых свободных парламентских выборах Рабочая партия набрала лишь 3,68% голосов избирателей и не смогла преодолеть необходимый для парламентского представительства барьер. Отметим, однако, что у реформсоциалистов не было повода для ликования: им тогда досталось всего 10,89% и одно место на скамье оппозиции в новом

* Шишелина Любовь Николаевна, доктор исторических наук, зав. отделом восточноевропейских исследований Института Европы РАН.

парламенте Венгрии. После раскола кадаровской партии в народе иронизировали, что реформсоциалистам, т.е. ВСП досталась собственность государственной партии, а рабочей партии — идеология: «реформсоциалистам — капитал, а рабочим — Маркс».

Мало кто сейчас помнит, что в конце 80-х годов в Венгрии существовала попытка возрождения Венгерской социал-демократической партии, наследницы партии, дважды уходившей в подполье — в 1948 и в 1956 гг. Воссозданную в конце 80-х годов партию возглавила молодой политик, университетский преподаватель Анна Петрашович, а почетным председателем был утвержден вернувшийся из эмиграции представитель той самой партии Шандор Бёлчфёлди. Партия взяла курс на возрождение идей последнего председателя венгерской социал-демократии и Госсекретаря кабинета Имре Надя Анны Кетли. Именно эта партия была принята в конце 80-х в западноевропейские социал-демократические структуры. На выборах 1990 г. возрожденные венгерские социал-демократы набрали 3,55% голосов, т.е. немногим меньше Рабочей партии и также не прошли в парламент, оказавшись по результатам кампании на восьмом месте. Далее после внутренних интриг и раскола между «возрожденными» и «вновь инкорпорированными» членами партия откатилась на самые дальние строчки в венгерском политическом списке. Романтизм европейских социал-демократов оказался несовместим с реформистской реальностью. Сегодня бывшие руководители партии возглавляют две малозначительные партии-наследницы. Лидером первой является один из самых богатых людей Венгрии, в 80-е годы министр промышленности, Ласло Капойи, а Партию социал-демократической альтернативы после длительного перерыва в политической карьере вновь возглавила Анна Петрашевич. Что касается партии Л.Капойи, — то на самом деле она представляет скорее политический клуб ее владельца. Партия Петрашевич пробует себя с чистого листа, однако выбыв за прошедшие семнадцать лет из венгерской политической жизни, с трудом пробивается к утратившему интерес к политической жизни венгرس-

кому избирателю. Сегодня главный лозунг этого политического объединения — вернуть веру в социал-демократические идеалы обманутым реформсоциалистами избирателям.

Что касается Рабочей партии Венгрии, то все последовавшие годы она уступала свои позиции на фоне основной внутривнутриполитической интриги — сражения между венгерскими либералами и консерваторами. Так, в 1994 г. она собрала уже только 3,18% голосов. В 1998 г. к концу четырехлетнего срока правления кабинета социалиста Дюлы Хорна — РП удалось несколько повысить свой рейтинг, набрав уже 3,95%. Однако провести своих представителей в парламент так и не удалось. В 2002 году за партию Д.Тюрмера отдают голоса лишь 2,16 % избирателей, а в 2006 г. — 0,41%. Новые экономические условия, в которых оказалась Венгрия, казалось бы, предоставляют этой партии, как партии наиболее обнищавших и пострадавших от реформ слоев венгерского общества, уникальный шанс совершить политический прорыв. Однако агонизирующие реформсоциалисты успели породить радикальную оппозицию в лице партии «Самые правые» (йобик), стремительно поглощающую весь протестный электорат, разочаровавшийся в парламентской системе и требующий жесткости в наведении порядка в стране. На этом фоне глубоко порядочные и не склонные к уличным боям наследники партии Кадара проигрывают в динамизме и выглядят старомодно для современных изобилующих коррупционными и иными скандалами внутривнутриполитических реалий страны.

ВСП — партия реформсоциалистов правила в стране 12 лет из 20, прошедших после смены системы. После четырехлетнего перерыва ей удалось в союзе с либеральным Союзом свободных демократов вернуться к управлению страной в 1994 г., а затем еще раз и на два срока в 2002 г., она полностью дискредитировала себя как представитель идей социал-демократии в стране. Этому способствовал не только 11-летний союз с либералами, но и отсутствие ярких личностей, утрата целей, а главное — законы спонсорства, когда политика партии определяется заказом финансистов. В ВСП

Ференц Дюрчань — главный спонсор партии, стал одновременно и ее лидером, главой кабинета министров, определяющим политику страны. В результате за партией прочно укрепилось звание партии «лимузин-социалистов», лиц приватизировавших всё национальное достояние страны, но продолжающих жонглировать левыми лозунгами исключительно в целях сохранения все еще немалого электората государственной партии с единственной целью — противостояния идущим им на смену с большим преимуществом национал-консерваторам. К нынешним выборам ВСП пришла в полном развале и кризисе. Лозунги ее предвыборной кампании, ведущейся менеджерами младшего звена все той же финансовой группы, оказались вне здравого смысла, противореча ныне проводимой этой партией политике, и все менее соответствуя представлениям о европейской социал-демократии.

После выборов 2010 г. совершенно предсказуем раскол в ВСП и объединение профессиональных партийцев из ее среды (например, недавно ушедшей в отставку с поста председателя парламента Каталин Сили) с другими рабочими и социал-демократическими некоррупцированными силами страны, оттесненными в свое время бизнесменами от ВСП на периферию венгерской политики.

П.Е.Кандель*

Социал-демократия на Балканах и в Юго-Восточной Европе

Вполне логично, когда наиболее явный показатель кризиса какой-либо партии или движения усматривают в сокращении его электорального потенциала и стойких неудачах на выборах. Но применимость данного критерия к социал-демократическим партиям стран Балканского региона и Юго-Восточной Европы вызывает серьезные сомнения. Они в первое десятилетие нового века знавали и поражения, и победы, находились и у власти, и в оппозиции, некоторые из них извели острую фракционную борьбу и расколы, иногда стоившие политических поражений. Но в целом они сохранили свой электоральный потенциал и место одной из двух ведущих политических сил на национальной сцене. И в этом свете пока нет оснований говорить об их кризисе. В настоящее время партии, относящие себя к социал-демократии и имевшие статус членов СИ, являются правящими в Словении, Сербии, Черногории и в Республике Сербской Боснии и Герцеговины.

В Словении социальным демократам в 2007 г. удалось провести своего кандидата Данило Тюрка на пост президента. На парламентских выборах 2008 г. они одержали победу, получив 29 мест (из 190) в Государственном собрании (против 10 на выборах 2004 г.), сформировав крупнейшую фракцию в парламенте и впервые в истории независимой Словении возглавив коалиционное правительство, премьером которого стал их лидер Борут Пахор. Они и ранее не раз входили в состав коалиционных кабинетов, но неизменно находились в тени либеральных демократов, которые вплоть до 2004 г. доминировали на политической сцене страны. Ныне социальные демократы оказались на позиции партии-лидера.

В Сербии крупнейшей политической силой, имеющей статус члена Социалистического Интернационала, является Демокра-

* Кандель Павел Ефимович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

тическая партия — долгое время бывшая центром сопротивления режиму С. Милошевича. Она декларирует себя как социал-демократическая, хотя ни в ее политике, ни даже в программных документах трудно обнаружить характерные признаки, которые бы об этом свидетельствовали. Более точно ее можно охарактеризовать как демократическую, последовательно проевропейскую партию. Существует еще несколько мелких группировок социал-демократического толка и наименования, как правило, блокирующихся с Демократической партией, но они мало влиятельны. После свержения авторитарного режима Демократическая партия успела побывать и правящей, оказывалась в оппозиции и вновь возвращалась к власти в составе коалиционных кабинетов, но последние годы не на первых ролях. На президентских выборах в феврале 2008 г. лидеру партии Борису Тадичу удалось, хотя и с незначительным перевесом, победить своего соперника из националистического лагеря Томислава Николича. На парламентских выборах в мае того же года возглавляемая Демократической партией коалиция “За европейскую Сербию” лидировала, завоевав 102 мандата из 250. Дружественная ей Либерально-демократическая партия получила 13. Но и ее соперники — националистическая Сербская радикальная партия и Демократическая партия Сербии—Новая Сербия во главе с экс-премьером Воиславом Коштуницей — также добились значимых результатов (78 и 30 мест соответственно) и заявили о намерении объединить силы. 20 мандатов досталось коалиции Социалистической партии Сербии (покойного С.Милошевича) и ее малых партнеров: “Единой Сербии” и “Партии объединенных пенсионеров Сербии”. У социалистов, таким образом, оказался ключ к формированию правящего большинства. Социалистическую партию Сербии, которую “европеисты” еще вчера честили как “охвостье диктаторского режима”, требуя ее запрета, пришлось срочно переквалифицировать в идейно родственную левую силу, чье присутствие в “роевропейском” кабинете готовы приветствовать и в Брюсселе. Социалисты и их союзники начали набивать себе цену и активно торговаться с “националистами”, делая параллельно

обнадеживающие жесты “европеистам”. В процесс формирования правительства активно включились послы Великобритании и США, проводя “консультации” со всеми заинтересованными участниками. В итоге лидер социалистов Ивица Дачич, рискуя расколоть свою партию и потерять своих избирателей, все же отважился совершить много обещавший поворот на 180 градусов и предпочел “европеистов”. Правда, и после этого необходимое большинство голосов депутатов пришлось добирать “поштучно”. 7 июля 2008 г. парламент 127 голосами из 250 утвердил правительство, которое поддержали члены коалиции “За европейскую Сербию”, партии социалистического блока и национальных меньшинств. Возглавил кабинет член Демократической партии Мирко Цветкович, бывший министр финансов. Социалисты, помимо окончательной политической реабилитации (18 октября 2008 г. СПС и ДП подписали совместную Декларацию о национальном примирении), получили заслуженные трофеи: посты председателя парламента, первого вице-премьера и одновременно министра внутренних дел (лично для И.Дачича) и еще три министерских портфеля. Демократическая партия вновь заняла позиции лидирующей политической силы.

Демократическая партия социалистов Черногории во главе со своим неизменным лидером Мило Джукановичем с момента введения в республике многопартийности сохраняет позиции правящей партии и доминирующей политической силы на протяжении всех двадцати лет. До 1997 г. эта партия была черногорским дублером и политическим союзником С.Милошевича и его Социалистической партии Сербии. После случившегося тогда раскола она во главе с М.Джукановичем встала на позиции черногорского сепаратизма и, в конечном счете, добилась своего на референдуме о независимости 21 мая 2006 г., хотя с микроскопическим перевесом в голосах. После обретения государственной независимости главной целью партии является интеграция страны в НАТО и ЕС. Сам М.Джуканович занимал посты то главы правительства, то президента, то снова премьера, но остается вершителем судеб на черногорской политической сцене. Этому не мешает ни его

сомнительная репутация, ни до сих пор не закрытое итальянской прокуратурой дело против него как покровителя контрабандистской мафии, ни публичные обвинения в хорватской прессе в том, что он является заказчиком убийства видного хорватского журналиста, публиковавшего расследование деяний черногорской “табачной мафии”. Хотя демократичность его системы правления вызывает серьезные вопросы (отчего ДПСЧ лишь в 2008 г. удалось получить статус полноправного члена Социалистического Интернационала), следует отдать должное мастерству непотопляемого политика, который переменой стратегии и тактики, сменой союзников и искусным раздроблением оппозиции два десятка лет эффективно добивается своих целей. Новым тому подтверждением стали результаты последних президентских и парламентских выборов. В 2008 г. президентом на второй срок переизбирается верный соратник лидера Филипп Вуянович, прежде занимавший пост премьера при президенте М.Джукановиче (в 1998-2002 гг.). В 2009 г. на парламентских выборах коалиция “За европейскую Черногорию” во главе с ДПСЧ получила 51,02% голосов и 48 из 78 мест в Скупшине, подтвердив свое право на власть, а сам М.Джуканович возвращается на пост премьера. Другой силой социал-демократической ориентации, правда, куда менее влиятельной, является Социал-демократическая партия Черногории (член СИ), неизменный союзник ДПСЧ по правящим коалициям и еще более рьяный приверженец черногорской самобытности.

В Республике Сербской Боснии и Герцеговины на парламентских выборах 2006 г. Союз независимых социал-демократов во главе с Милорадом Додиком получил 41 место (из 83) в Народной скупшине республики и стал правящей партией. Хотя эта партия изначально поддерживалась западными протекторами БиГ в качестве противовеса сербским националистическим силам, да и сама декларировала себя как их противника, утвердившись у власти, М.Додик стал активно противодействовать попыткам своих бывлых западных покровителей сузить самостоятельность Республики Сербской и осуществить централизацию власти в БиГ.

Обращает на себя внимание, что относительные успехи социал-демократических партий в Сербии, Черногории и в Республике Сербской БиГ были достигнуты, собственно говоря, “заемными средствами” — борьбой за цели, не имеющие прямого отношения к их декларируемой идейно-политической ориентации. В Сербии — обещанием добиться приема страны в ЕС, в Черногории — отстаиванием государственной независимости и посулами обогнать Сербию на европейском пути, в Республике Сербской — защитой ее самостоятельности. Не менее примечательно, что Социалистический Интернационал долгое время и небезосновательно с недоверием относившийся к домогательствам на полноправный статус в его рядах многих претендентов из Юго-Восточной Европы, особенно из числа посткоммунистических партий, ныне стал куда менее разборчивым. В настоящее время добиться желаемого не удалось пока только Социалистической партии Сербии, да и то из-за интриг партнеров по бывшей Югославии.

Укрепление влияния социалистов заметно и в Хорватии. В январе 2010 г. президентом страны был избран кандидат Социал-демократической партии Иво Йосипович. И хотя на парламентских выборах в ноябре 2007 г. им не удалось прийти к власти, социал-демократы получили большую поддержку избирателей, чем когда-либо прежде (31,2% голосов и 56 мест в Саборе из 153) и заняли позицию второй политической силы в стране.

Менее удачно складывалась последние годы судьба их политических собратьев в Албании, Македонии, Румынии и Болгарии. Однотипная ситуация привела к поражениям албанских и македонских социалистов. Острая фракционная борьба в их рядах, сопровождавшаяся отколом части партии и переходом “раскольников” в противоположный политический лагерь, привела их к череде поражений и на парламентских, и на президентских выборах. Длительное соперничество за лидерство в Социалистической партии Албании завершилось в 2004 г. отколом Социалистического движения за интеграцию во главе с экс-премьером Иллиром Метой. Одновременно социалисты растеряли

поддержку многих бывших партнеров по правящей коалиции, в то время как их постоянный противник — Демократическая партия С.Бериши — увеличила круг своих союзников. В результате Социалистическая партия проиграла парламентские выборы 2005 г. и лишилась власти, а в июле 2007 г., опять таки из-за внутренних раздоров, упустила победу и на президентских выборах, отдав пост главы государства заместителю председателя Демократической партии Бамиру Топи. На парламентских выборах 2009 г. ситуация повторилась с еще более драматичным для СП исходом. Коалиция во главе с ДП завоевала 70 мандатов (из 140), СП — 65, Социалистическое движение за интеграцию И.Меты — 4, один мандат достался представителю греческого меньшинства. В этих условиях С.Бериша предложил лидеру СДИ И.Мете войти в коалиционное правительство, что тот и сделал. И хотя социалисты, пытаясь оспорить результаты выборов, длительное время бойкотируют парламент, “измена” СДИ лишает их шансов на успех.

Сходным образом развивались и события на политической сцене Македонии. Фракционная борьба в правящем тогда Социал-демократическом союзе Македонии привела в 2005 г. к тому, что группа депутатов и членов партии во главе с Тито Петковским образовали Новую социал-демократическую партию. На парламентских выборах 2006 г. коалиция, предводимая давним соперником социал-демократов Внутренней македонской революционной организацией — Демократической партией македонского национального единства (ВМРО-ДПМНЕ) одержала победу, причем в коалиционное правительство вошли и Новая социал-демократическая партия, и прежде неизменный союзник СДСМ — Социалистическая партия Македонии. На новых досрочных парламентских выборах 2008 г. правоцентристская коалиция закрепляет свой успех, получив абсолютное большинство в парламенте (63 места из 120), левоцентристской коалиции во главе с СДСМ, несмотря на возвращение в нее Новой социал-демократической партии, пришлось довольствоваться 27 мандатами. В апреле 2009 г. кандидат ВМРО-ДПМНЕ Георгий Иванов побеждает и на президентских выборах.

В Румынии кандидатам социал-демократов опросы дважды (и в 2004 и в 2009 гг.) предсказывали победу на президентских выборах. Но оба раза их противник Т.Бэеску в последний момент одерживал верх, пусть и с минимальным преимуществом. Хотя по итогам парламентских выборов в ноябре 2004 г. социал-демократы получили наиболее крупную фракцию в законодательном органе, новый президент, “перекупив” их предвыборных союзников, поручил формирование кабинета своим сторонникам. На парламентских выборах в ноябре 2008 г. социал-демократы подтвердили статус второй политической силы, вынудив тем самым пропрезидентскую Либерально-демократическую партию, не нашедшую общего языка со своей прежней правой союзницей — Национально-либеральной партией, образовать коалиционное правительство. Впрочем, вскоре они покинули его из-за обострившихся отношений с Т.Бэеску накануне президентских выборов. И хотя им удалось договориться об объединении сил с другими его противниками из правого лагеря, и победа казалась гарантированной, Т.Бэеску снова сумел остаться у кормила. Он добился успеха и на инициированном им референдуме (прошедшим одновременно с выборами) о превращении двухпалатного парламента в однопалатный при сокращении числа депутатов. Похоже, именно репутация непримиримого борца с коррупцией и противостояние с большей частью политического класса страны, пользующегося невысоким авторитетом у населения, обеспечили Т.Бэеску необходимый политический капитал.

Наиболее тяжелое поражение социалисты потерпели на парламентских выборах в Болгарии в июле 2009 г. Победу, с более чем двукратным перевесом, одержала право-популистская партия “ГЕРБ” (“Граждане за европейское развитие Болгарии”), возникшая лишь в 2006 г. Главным и единственным достоянием этой типично вождистской организации является ее неформальный лидер Бойко Борисов, некогда охранник Т.Живкова, тренер по каратэ, генерал полиции и в последствии мэр столицы, снискавший славу “сильного лидера” и стойкого врага коррупции и организованной

преступности. “ГЕРБ” получил 39,71% голосов и 116 мест (из 240) в Народном собрании, тогда как социалисты — лишь 17,7% голосов и 40 мест. Бывшему их союзнику по правившей коалиции — турецкой партии “Движение за права и свободы” досталось 14,46% голосов и 38 мест. А третий их партнер — партия, возглавляемая бывшим царем Симеоном, которая в 2001 г. добилась феноменального успеха, завоевав половину мест в парламенте и вовсе не преодолела 4%-й барьер. Не преуспели и традиционные правые противники социалистов. Их “Синяя коалиция” набрала лишь 6,75% голосов и 15 мандатов. Поскольку постоянные коррупционные скандалы, из-за которых Брюссель даже перекрывал доступ страны к фондам ЕС, сопровождали последние годы правления кабинета во главе с социалистами, антикоррупционная риторика Б.Борисова пришлась избирателям по душе. Можно сделать и более широкий вывод: вновь повторилась ситуация 2001 г., когда вышедшая из ниоткуда политическая сила, единственным капиталом которой является харизматический лидер, внезапно становится доминирующей на политической сцене. Это свидетельствует о стойком разочаровании болгар в существующих политических партиях и институтах и мощном запросе на обещающих чудо “политических экстрасенсов”. Сказанное вполне может быть отнесено и к Румынии, где нынешнему успеху Т.Бэеску также можно подыскать типологически родственный и не столь давний исторический прецедент. В 2000 г. лидер националистической партии “Великая Румыния” Корнелиу Вадим Тудор, работавший в политической стилистике “раннего Жириновского”, оголтелым поношением всего политического истеблишмента и усиленной эксплуатацией настроений социального протеста и ностальгии, как по временам Чаушеску, так и по довоенной Румынии, добился второго места на президентских выборах и второй по численности фракции в парламенте. И хотя Т.Бэеску политик более вменяемый и искушенный, свою силу он черпает в эксплуатации тех же настроений. Об этом косвенно свидетельствует и полный провал “Великой Румынии” на парламентских выборах 2008 г., когда она не смогла даже пре-

одолеть проходного барьера. Похоже, ее избиратели нашли себе нового кумира.

В прошедшие годы румынским и болгарским социалистам, несмотря на все свои неудачи, удалось решить застарелую проблему. Они преодолели биполярный раскол политической сцены и свою изоляцию в ее левом спектре, добившись образования коалиционных альянсов и кабинетов с правоцентристскими силами самой разной ориентации. В Болгарии они смогли сформировать коалиционный кабинет с “Национальным движением Симеон II” и “Движением за права и свободы” (2005–2009 гг.). В Румынии социал-демократы, искусно используя противоречия в правом лагере между пропрезидентской Либерально-демократической партией и Национал-либеральной партией, сумели стать желанным политическим партнером и для тех, и для других.

Между тем завоеванное и удерживаемое на протяжении 20 лет место одной из двух ведущих политических сил, ставшей активным и вполне респектабельным участником политической жизни, ставит вопрос и о причинах этого феномена, и о гарантиях сохранения этой выигрышной позиции. Многие заставляют подозревать, что их относительное политическое благополучие опирается отчасти на унаследованные электоральные, организационные и кадровые ресурсы их коммунистических предшественниц, которые со временем убывают, несмотря на процессы их обновления и омоложения, отчасти — на те сравнительные преимущества, которые дает политическая система давно существующим крупным партиям, сравнительно с конкурирующими новообразованиями. Однако национальные политические институты в целом и политические партии как таковые в особенности в странах региона издавна пользуются крайне невысоким доверием граждан.

Хорошим индикатором настроений населения могут служить данные Евробарометра (за июнь-июль 2009 г.) о доверии граждан национальной судебной системе, правительству, парламенту и политическим партиям:

Доверяют	Судам	Правитель- ству	Парламенту	Партиям
В ЕС-27	48%	32%	32%	19%
В Румынии	25%	22%	16%	12%
В Болгарии	14%	17%	10%	13%
В Словении	31%	11%	23%	27%
В Македо- нии	27%	30%	36%	15%
В Хорватии	20%	13%	16%	7%

Налицо видимые и существенные отличия в уровне доверия сравнительно со среднеевропейскими показателями. В сопоставлении же со странами Западной Европы обнаруживается разрыв еще более значительный — в 2-3 раза. При этом во всех странах региона уровень доверия к институтам самого ЕС вдвое выше, чем — к национальным. В условиях относительного экономического роста предшествующих лет подобные нелицеприятные оценки национальных политических институтов могли трактоваться всего лишь как запрос на их совершенствование. В обстановке экономического кризиса и тяжело поразившей регион безработицы такой уровень недоверия может стать предвестием более высокой политической нестабильности.

Нынешний экономический кризис, тяжело отразившийся на слабых экономиках стран региона, ставит социал-демократов перед вызовом и, вместе с тем, дает им шанс реализовать свою общественную функцию. В этих условиях в предпочтительном положении естественно оказываются те социал-демократические партии, которые пока находятся в оппозиции. Правящим же предстоит доказать свою способность управлять в экстремальных

условиях, что сделать будет непросто, учитывая зависимость стран региона от финансовой помощи ЕС и МВФ и необходимость следовать их жестким рецептам, мало учитывающими социальные запросы общества. Экономический кризис и способность преодолеть его последствия, по сути, и станет для социалистов стран региона экзаменом и на социал-демократическую идентичность, и на управленческую эффективность, и на политическую состоятельность.

Е. Д. Фурман*

Социал-демократия: балтийский вариант

После обретения независимости среди политической элиты стран Балтии существовал консенсус относительно основных приоритетов дальнейшего развития, который определялся антикоммунистической идеологией их движения за независимость, стремлением восстановить институты межвоенного периода и необходимостью проведения рыночных реформ. Главными вопросами, по которым проходило размежевание политических сил и которые затмевали все иные критерии распределения политических партий на правых и левых, становились вопросы отношения к советскому прошлому, к России, его олицетворяющей, а в Эстонии и Латвии — и к русскоязычному меньшинству. В результате основная масса создающихся партий — и восстановленные исторические партии времен независимости этих республик в межвоенный период, и партии, вышедшие из народных фронтов, возглавивших борьбу за независимость в 1990-х, — оказывались в одном лагере. Это был лагерь правых партий, который противостоял всему тому, что в той или иной степени имело отношение к наследию советского прошлого, силам, оказавшимся слева.

В этой ситуации социал-демократические партии, партии левого толка, столкнулись с глубокими внутренними противоречиями, оказавшись в зависимости как от существующего идеологического противостояния, так и от особенностей трансформационного периода, требующего проведения либеральных реформ. Подобное противоречие нашло свое отражение не только в судьбе каждой конкретной партии, претендующей на социал-демократическую идеологию, но и в существовании двух отдельных течений, или, можно сказать, источников социал-демократии этих стран — восстановленных исторических социал-демократов и партий рефор-

* Фурман Екатерина Дмитриевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН.

мированных коммунистов, воспринявших социал-демократические ценности.

Для исторических социал-демократов эти противоречия обернулись, особенно на первых порах, потерей своей самоидентификации. Оказавшись в лагере правых партий, в условиях преобладания националистически-либеральных и антисоциалистических настроений в балтийской политике, они не могли не оказаться в достаточно ущербном положении и пострадать как партия изначально левой идеологии. В результате исторические социал-демократы практически во всех этих странах были оттеснены на второстепенные позиции, выполняя роль, если и получали места в парламентах, «младших партнеров» в правящих коалициях правых партий. Более того, поскольку чуть ли не главным критерием легитимности партии в этот период было отсутствие у нее каких-либо связей с советским и социалистическим прошлым, исторические социал-демократы зачастую стали даже подвергаться нападкам из-за подозрений в «социализме» и «прокоммунизме».

Слабости идеологических позиций исторических социал-демократов способствовал и сам механизм их возвращения на политическую сцену, это касалось и большинства всех возрожденных исторических партий на всем посткоммунистическом и постсоветском пространстве. Как правило, эти партии восстанавливались не из-за того, что их идеологическая направленность соответствовала тем или иным убеждениям тех, кто это делал, а из-за их принадлежности к межвоенному периоду и к европейской политике в целом. Для политиков этих новых независимых государств был важен сам факт возвращения в европейскую политическую среду, приобщение к европейским институтам и вхождение в европейские организации — все это было возможно как раз через эти восстановленные партии, являющиеся членами западноевропейских партийных семей, в частности Социалистического Интернационала.

В отличие от исторических социал-демократов, которые первоначально имели, таким образом, очень слабое отношение к социал-демократии, настоящей основой для нее могли стать

партии реформированных коммунистов, представителей той части партийной номенклатуры, которая поддержала национально-освободительные движения в своих странах и создала свои независимые компартии. Для них трансформация в социал-демократическую партию была хорошей возможностью, с одной стороны, адаптироваться в новых постсоветских условиях, а с другой — не предать окончательно свое прошлое. Тем не менее в силу своего происхождения, эти партии также имели слабое влияние, если не были просто вытеснены из политической жизни. Настороженное отношение к себе они испытывали и со стороны исторических социал-демократов, которые долгое время отказывались взаимодействовать с бывшими коммунистами, тем более объединяться, оставаясь единственной партией, признанной Социнтерном. Разделение этих партий можно сравнить с разделением формы и содержания, каждая из них страдала от этого и ощущала свою слабость и ущербность без другой. Поэтому судьба социал-демократии стран Балтии, во многом, как мне кажется, зависела от судьбы этих ее изначально разделенных течений, которые существовали в том или ином виде в каждой из рассматриваемых стран и которые пытались найти себя в существующих политических условиях самостоятельно или объединив усилия, в зависимости от конкретных условий.

В Эстонии, где либеральные реформы проводились в наиболее радикальной форме, пути исторических социал-демократов, вынужденных почти в самом начале сменить свое название на Партию Умеренных (затем Народную партию умеренных), дабы избежать подозрений в «прокоммунизме», и партии бывших коммунистов социал-демократического толка практически не пересекались друг с другом. Последняя, Демократическая партия труда, ставшая затем Социал-демократической партией труда, только раз смогла оказаться в парламенте после выборов 1999 г., на которых шла в едином списке с объединенной Народной партией русскоязычного меньшинства. А в 2004 г., наконец, отчаявшись занять своё место в рамках существующего спектра политичес-

ких партий Эстонии, она сначала переименовывается в Левую партию, а в 2008 г., объединившись с Конституционной партией, поддерживаемой преимущественно русскоязычным населением, в Объединенную левую партию Эстонии, окончательно заняла наименее популярную среди эстонского населения крайне левую позицию партии социалистического толка.

В свою очередь, исторические социал-демократы — Партия Умеренных — с самого начала принимая участие в правых правительственных коалициях и поддерживая их либеральную политику, особенно остро столкнулись здесь с проблемой самоидентификации, а их эволюция в социал-демократическом направлении стала зависеть исключительно от собственных усилий. Повысить авторитет партии во многом помогло избрание в 2001 г. на пост ее председателя популярного политика американского происхождения Тоомаса Хендрика Ильвеса, к этому моменту министра иностранных дел. Одновременно с этим избранием партия принимает новую программу, так называемую «Программу третьего пути», в которой говорилось, что она разделяет социал-демократические взгляды. Однако противоречивые решения партии по приватизации, распад правительственной коалиции «Тройственного союза», в которой она участвовала вместе с правыми Партией реформ и «Отечество — Республика», уход партии в оппозицию, а затем поражение на муниципальных выборах в 2002 г. в Таллинне, после которого глава партии уходит в отставку, обозначает начало довольно тяжелого периода для партии, во время которого она пересматривает свои установки. В результате в 2004 г. на общем съезде Партия Умеренных приходит к решению сменить свое название на Социал-демократическую партию Эстонии (СДПЭ). После этого, в том же году, партия смогла победить, получив большинство голосов (36,8%) и 3 места из 6 на выборах в Европейский парламент. А два года спустя, в 2006 г., сохраняющий до этого свое членство бывший глава партии Тоомас Хендрик Ильвес становится президентом страны. Парламентские выборы 2007 г. также стали для социал-демократов успешными — в новом составе

Рийгикогу (парламента) было получено 10 мест, но партия вновь вошла в правую правительственную коалицию, новый Тройственный союз с Партией реформ и «Отечество — Республика». На этот раз первый серьезный внутриправительственный конфликт возник уже месяц спустя, в ходе обсуждения возможного решения вопроса с памятником «Бронзовый солдат». Социал-демократы поддержали тогда предложение президента Эстонии превратить монумент в единый ансамбль памяти всем погибшим во Второй мировой войне. Однако позиция входящих в правительство правых партий, настаивающих на демонтаже памятника, взяла верх. Меньше года спустя, во время обсуждения проекта нового Закона о трудовом договоре социал-демократы, в отличие от своих коллег, поддержавших работодателей, встали на сторону работников и профсоюзов. А в мае 2009 г. партия заявила о том, что переходит в оппозицию, и на выборах в Европейский парламент в 2009 г. социал-демократы получают 1 мандат из 6 возможных.

В отличие от Эстонии, где русские в значительной мере растворены в общественной и политической жизни, в Латвии положение социал-демократии во многом зависело от присутствия многочисленного русскоязычного населения, оказавшегося способным организовать в действенную политическую силу. Кроме того, проблемы гражданства, статуса русского языка, а также вступления в НАТО радикализировали здесь и часть бывших латвийских коммунистов, вошедших в более левые политические организации и партии, чем преемница латвийской компартии. Основные страхи и опасения латвийского общества поэтому направлены были именно на них, что позволило латвийской исторической социал-демократии (Латвийской социал-демократической рабочей партии, ЛСДРП), во-первых, оставаться в рамках социал-демократии как таковой, а во-вторых, в союзе с партией реформированных коммунистов — Демократической рабочей партии, переименованной затем в Социал-демократическую — успешно выступить на местных и парламентских выборах 1997 и 1998 гг. В 1999 г. эти две партии, а также Латгальская демократическая партия, объеди-

няются в единую Латвийскую социал-демократическую рабочую партию. Это позволило партии успешно выступить на выборах в рижское местное самоуправление в 2001 г. и возглавить правящую коалицию в рижской думе, в которую вошло также и русскоязычное объединение ЗаПЧЕЛ, с которым она тесно сотрудничала будучи еще в парламентской оппозиции. Таким образом, после объединения с партией реформированных коммунистов следующий этап эволюции латвийских социал-демократов можно связать со сближением с партиями русскоязычного меньшинства. Однако на тот момент для подобного сближения латвийская политическая элита была не готова. На партию оказывается давление со стороны правых (ей вменяют также ее коммунистическое происхождение — лидер партии, Юрий Боярс был бывшим майором КГБ) и в период предвыборной компании в Европейский парламент в 2004 г., ЛСДРП вынуждена была всячески подчеркивать свою связь также и с европейской социал-демократией. Внутри партии начинаются внутрипартийные противоречия, и она раскалывается, после чего происходит спад ее популярности. В результате на выборах в сейм в 2006 г. «урезанной» ЛСДРП не удалось преодолеть 5-процентный барьер, и она не попала в парламент.

Тем не менее сейчас попытки в направлении сотрудничества с русскими партиями у латвийской социал-демократии продолжают, правда, уже отколовшейся частью латвийских социал-демократов — Социал-демократической партией, созданной в 2002 г. И это говорит не только о дальнейшей эволюции этого политического направления в стране, но и о эволюции латвийского общества в целом в направлении решения одной из основных своих проблем — интеграции русскоязычного меньшинства. Так, в октябре 2009 г. было объявлено о намерении Социал-демократической партии и нескольких партий из русскоязычного объединения Центр согласия объединиться в новую партию социал-демократического толка, а в феврале 2010 г. было объявлено о ее регистрации. В состав новой партии «Согласие» вошла Социал-демократическая партия, Партия

народного согласия (ПНС) и «Новый центр» (НЦ). Целью нового политического образования стало создание правового государства, которое «основывается на уважении к человеку, моральных ценностях, добродетели, свободе, ответственности, равенстве, солидарности, социальной справедливости, терпимости, власти закона и демократических принципах».

Совсем иначе складывалась ситуация с социал-демократией в Литве. Здесь пришедшие к власти лидеры национально-освободительного движения «Саюдис» во главе с В. Ландсбергисом стали проводить особенно жесткую политику по исключению из политической жизни не только бывших работников правоохранительных органов, но и бывших партработников разных уровней. Поэтому партия реформированных коммунистов бывшего первого секретаря КПЛ А. Бразаускаса была первоначально практически вытеснена с политической сцены. Однако произошло это именно потому, что, в отличие от Эстонии и Латвии, эта партия представляла здесь реальную политическую силу, способную на равных конкурировать с правыми партиями. Сначала, еще до независимости, подавляющим большинством она встала на сторону своих реформистских лидеров, поддержавших национально-освободительное движение, а затем смогла создать мощную Литовскую демократическую партию труда (ЛДПТ) и победить на выборах в сейм в 1992 г., вслед за которыми ее популярный лидер стал президентом страны.

Причин, объясняющих успех партии, можно найти несколько. Большинство из них относится к советскому прошлому этой страны. Это — и становление КПЛ при А. Снечкусе в условиях отстаивания интересов республики перед Москвой, и преимущественно национальный ее характер (среди ее членов больше было литовцев, чем представителей коренной национальности в Эстонии и Латвии), и успешное развитие в советский период, благодаря которому по многим параметрам Литва не только догнала, но и перегнала всегда опережающие ее другие балтийские республики. Это — отсутствие той многочисленной миграции рус-

скоязычного населения, как у соседей, которая могла бы вызывать дополнительные опасения и страхи потери своей национальной идентичности.

Тем не менее, трансформации ЛДПТ в социал-демократическую партию мешало не только коммунистическое происхождение, из-за которого ее боялись на Западе и отказывались сотрудничать литовские исторические социал-демократы, но и другие причины. Оказавшись у власти в самом начале трансформационного периода, она просто вынуждена была забыть о том, что она левая партия, и проводить прорыночные реформы. Партию, кроме того, не раз обвиняли за ее связь с крупным капиталом. Действительно, бывшая советская номенклатура, директора крупных предприятий продолжали сохранять свои главенствующие позиции в экономике страны, и, кроме того, основной период приватизации в Литве проходил именно в период правления этой партии, не замедлившей воспользоваться этим преимуществом. В результате к концу их правления сложилась парадоксальная ситуация, когда правые, оказавшись в оппозиции, могли оппонировать бывшим коммунистам у власти, используя исключительно левую аргументацию.

Возможно, именно в этот период либерального правления ЛДПТ исторические социал-демократы стали осознавать свою левую сущность и свое отличие от правых. После парламентских выборов 1996 г, когда последние сменили ЛДПТ у власти, историческая Социал-демократическая партия отказались войти в правящую коалицию с консервативным Союзом Отечества (преобразованным из Саюдиса) и христианскими демократами.

В свою очередь, после ухода с позиции правящей партии и одновременного завершения основного этапа проведения рыночных реформ у ЛДПТ также появилась возможность вернуть себе самоуважение и репутацию партии социал-демократического толка. А чтобы закрепить это, бывшим коммунистам важно было получить легитимность в глазах европейских политиков и обрести европейскую респектабельность.

В результате вскоре после парламентских выборов, на которые ЛДПТ А. Бразаускаса и социал-демократы пошли в составе единой коалиции — Социал-демократической коалиции А. Бразаускаса (в ней участвовали также партия Новой демократии К. Прунскене и Союз русских), в январе 2001 г. эти две партии объединяются в единую Социал-демократическую партию Литвы, создав одну из самых крупных социал-демократических партий в Восточной Европе. Новая партия вскоре получила возможность сформировать правительственную коалицию во главе со своим лидером А. Бразаускасом, который сохранил свой пост премьера и после выборов в Сейм в 2004 г., возглавляя новое правительство вплоть до мая 2006 г. Пять лет пребывания лидера социал-демократов на этой должности оказались наиболее длительным сроком премьерства в Литве, на протяжении которого СДПЛ смогла в полной мере реализовать свои амбиции социал-демократической партии.

Однако попытка обновления партийной элиты после выборов 2000 г., когда в парламент пришло новое поколение политиков, и ухода от идеологического конфликта оказалась неудачной. После импичмента Р. Паксаса в 2004 г., а затем вытеснения партии В. Успаских из литовской политики, этот конфликт вновь стал доминирующим и затмил иные критерии дифференциации партий. В результате теперь уже Социал-демократическая партия А. Бразаускаса была очень близка к сотрудничеству в правительственной коалиции с правыми консерваторами В. Ландсбергиса, так называемой «радужной коалиции», в их совместном противостоянии «новичкам». И хотя коалиция не состоялась, определенная договоренность между этими партиями сохранялась вплоть до выборов 2008 г.

Таким образом, социал-демократия в странах Балтии сталкивалась и продолжает сталкиваться со множеством препятствий на пути своего становления и оформления в реальную политическую силу. Судьба социал-демократических партий — как в Литве, так и в Эстонии и Латвии, — продолжает во многом зависеть от сохранения актуальности в их политике проблем советского прошлого.

Эти проблемы смещают акценты, мешают выстраивать интересы и решать те вопросы, которые отвечают потребностям населения в их уже совсем другой жизни, нежели той, которая была во времена достижения независимости. И хотя действительно мощной политической партией социал-демократическое течение в этих странах смогло стать только в Литве, социал-демократические партии Эстонии и Латвии также не оставляют попыток в определении своего места в политической жизни своих стран.

Гуселетов Б.П.*

Становление социал-демократии на европейской части бывшего СССР (начало XXI века)

На постсоветском пространстве в условиях авторитарных, а тем более тоталитарных режимов социалистам и социал-демократам тяжело вести свою политическую деятельность. Эти партии выступают за демократический путь развития, отстаивают принципы свободы и прав человека, стремятся опираться на институты гражданского общества (профсоюзы, молодежные, женские и иные общественные организации). В условиях авторитаризма и тем более тоталитаризма партии такой ориентации встречают жесткое сопротивление со стороны правящего режима, стремящегося отодвинуть их на периферию политической жизни. Кроме того, в ходе становления новых независимых государств на постсоветском пространстве их политические элиты стремились опираться на патриотические, а порой и откровенно националистические силы внутри своих стран. Социалисты и социал-демократы являются по своим убеждениям сторонниками интернационализма, и в этих обстоятельствах они оказались не нужны правящим кланам, делавшим ставку на радикально-националистические политические силы.

В России последнего десятилетия XX века количество партий, претендовавших на заполнение социал-демократической ниши, никак не соответствовало их электоральным результатам. Это объясняется рядом причин. Во-первых, в идейно-политическом пространстве России в эти годы доминировали либералы, коммунисты и патриоты. Социал-демократы изначально представляли собой очень разрозненную в организационном и идейно-политическом плане силу. И хотя суммарно представители социалистической и социал-демократической идеологии набирали на парламентских выборах от 10 до 20% голосов избирателей, ни одна из этих

* Гуселетов Борис Павлович, кандидат технических наук, руководитель Центра международных проектов и программ Института «Справедливый Мир».

малочисленных и маловлиятельных партий не смогла пробиться в российский парламент. Попытка, предпринятая в 2000 г. бывшим Президентом СССР М. Горбачевым объединить большинство левоцентристских партий России в Российскую объединенную социал-демократическую партию (РОСДП), не смотря на некоторые первоначальные успехи, также завершилась провалом. Возникшая в 2002 г. на базе РОСДП Социал-демократическая партия России во главе с М. Горбачевым и К. Титовым приняла участие в парламентских выборах 2003 г. только по одномандатным округам и не получила ни одного места в Государственной Думе.

Во-вторых, для этого периода в истории России было характерно сильное расслоение общества на сверхбогатых (около 1% населения) и крайне бедных (до 30-40%), что естественно способствовало популярности партий радикального толка (коммунисты, патриоты, радикал-либералы).

В-третьих, социал-демократия в общественном сознании ассоциировалась с Западной Европой, где это политическое течение было особенно популярным. Но в конце XX — начале XXI века Запад уже воспринимался в России скорее в образе врага, чем партнера. И это косвенным образом негативно отражалось на имидже социал-демократов.

На рубеже тысячелетий становилось очевидным, что закрепившись в партийно-политической системе ряда стран, ранее составлявших СССР, эти партии, тем не менее, не стали играть в них какую-то существенную роль. В первую очередь это было связано с особенностями политических режимов соответствующих государств, которые в подавляющем большинстве оставались авторитарными и не ориентированными на интересы общества. Само общество в этих странах было крайне поляризовано, что делало наиболее популярными партии радикального толка. А бывшие коммунистические партии либо не стремились к реформированию и продолжали оставаться более или менее популярными (Молдова, Россия, Украина), либо просто исчезли с политической арены (Армения, Азербайджан, Грузия). Это также не способс-

твовало росту популярности социалистов и социал-демократов в этих странах.

Современный этап развития социалистических и социал-демократических партий в странах СНГ характеризуется, с одной стороны, некоторой стабилизацией их роли и места в партийно-политических системах их стран, а с другой — качественным изменением позиции отдельных партий в России и Украине.

В ряде государств они оказались оттесненными на обочину партийно-политической системы (Азербайджан, Беларусь), так и не сумев пробиться в парламенты своих стран. Вряд ли такое положение изменится в ближайшем будущем, если только политические режимы этих стран не претерпят вдруг каких-либо радикальных трансформаций в сторону демократизации.

Даже в Армении и Грузии, где социал-демократы сумели укорениться в парламентах, став тем самым частью существующей партийно-политической системы, их будущее остается туманным.

Например, партия Дашнакцутюн, которая в последние годы даже входила в правящую коалицию Армении и имела ряд министерских постов, в конце 2009 г. из-за разногласий по поводу армяно-турецких отношений вышла из коалиции. С одной стороны, это позволяет данной партии быть более оппозиционной по отношению к нынешней власти в Армении и тем самым завоевать на следующих выборах дополнительные голоса избирателей. Но с другой стороны, потеря поддержки со стороны правящей коалиции, в условиях псевдodemократического политического режима всегда чревата явными или неявными репрессиями по отношению к этой партии со стороны власти, что может в процессе политической борьбы привести к самым печальным последствиям.

Ситуация с Лейбористской партией Грузии, которая также в последнее время постоянно представлена в парламенте, остается неясной. Нынешний президент Грузии М. Саакашвили, являющийся для лейбористов главным политическим оппонентом, установил в стране практически авторитарный политический

режим, который держится исключительно на нещадной эксплуатации образа внешнего врага в лице России. Если Саакашвили удастся и дальше оставаться у власти, то перспективы лейбористов выглядят весьма проблематичными, хотя даже сейчас, несмотря на наличие 6 депутатских мандатов, партия практически не играет никакой существенной роли в политической жизни Грузии.

В Молдове Демократическая партия сумела накануне последних парламентских выборов привлечь в свои ряды одного из лидеров компартии М. Лупу, и это позволило ей вновь войти в парламент (после неудачи на выборах 2008 г.) и даже стать членом правящей коалиции. К сожалению, М. Лупу не был избран президентом страны, т.к. правящей коалиции не удалось заручиться поддержкой 2/3 депутатов молдавского парламента. Тем не менее, по оценкам наблюдателей, у демократической партии Молдовы и ее нового лидера неплохие шансы на будущее. И вполне вероятно, что М. Лупу в этом или следующем году сможет стать первым президентом-социал-демократом на пространстве СНГ.

В России в 2006 г. произошло знаковое для социалистов и социал-демократов событие: удалось объединиться практически всем более или менее влиятельным партиям левоцентристского толка и создать партию «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь» во главе с председателем Совета Федерации С. Мироновым. Партия сумела преодолеть на последних парламентских выборах 7-процентный барьер и оказалась первой в постсоветской истории партией социал-демократического толка, представленной в нижней палате российского парламента — Государственной Думе. При этом российские социал-демократы лишь немного уступили коммунистам, набравшим 11,57% голосов. За время, прошедшее после этих выборов партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ приняла участие в ряде региональных и местных выборов, на которых в среднем получала от 8 до 10% голосов избирателей. Это позволяет предположить, что на следующих парламентских выборах 2011 г. СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, скорее всего, сумеет вновь преодолеть 7-процентный

барьер и опять окажется представленной в Государственной Думе. Но вряд ли следует ожидать, что эта партия получит существенный процент голосов избирателей, т.к. ни в российском обществе, ни в российской политической элите еще не созрели условия для консенсусной демократии, за которую выступают социал-демократы. По-прежнему в российской политической элите доминирует принцип «кто кого», правящая партия «Единая Россия» стремиться любыми, в том числе неправовыми, средствами максимизировать свои результаты на любых выборах, подчинить себе органы власти всех уровней и загнать оппозицию в угол. Но уже даже то, что партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ постепенно укореняется в партийно-политической системе России, вселяет некоторый оптимизм относительно будущего социал-демократии в нашей стране.

На Украине, где казалось бы Социалистическая партия Украины (СПУ) постепенно превращалась в одну из ведущих политических сил страны, а ее лидер А. Мороз дважды избирался спикером украинского парламента (1994 -1998 и 2006-2007 гг.), последние парламентские и президентские выборы неожиданно оказались для этой партии проигрышными. На выборах 2007 года СПУ, набрав лишь 2,86%, не сумела впервые после 1994 г. пройти в парламент. Незадолго до этих выборов из партии вышел один из самых ярких ее политиков Ю. Луценко, ставший министром внутренних дел Украины еще будучи членом СПУ, но затем примкнувший к лагерю Ю. Тимошенко и создавший собственную партию самообороны. На президентских выборах 2009-2010 г. сам Мороз получил в первом туре лишь 0,38%, заняв 11-е место среди 19 кандидатов. Социал-демократическая партия Украины (объединенная), которая даже не принимала участия в этих выборах, также практически сошла с политической арены. Таким образом, на Украине где, по мнению большинства экспертов, в настоящее время сложился наиболее демократичный политический режим из всех стран СНГ, социалисты и социал-демократы переживают глубочайший кризис.

Причины этого кризиса, как нам кажется, коренятся в особенностях политической элиты Украины, которая в целом не склонна к консенсусу при решении ключевых политических вопросов. Это особенно отчетливо проявилось при обсуждении политической реформы на Украине после победы так называемой «оранжевой революции». Из трех участников оранжевой коалиции Блок Юлии Тимошенко, «Наша Украина» В. Ющенко и СПУ А. Мороза лишь социалисты последовательно выступали за проведение реформ, направленных на создание в стране парламентской республики. Два других участника правящей коалиции использовали реформу для удовлетворения собственных политических амбиций. В результате СПУ вышла из коалиции по принципиальным соображениям, что привело партию и ее лидера к уходу с политической арены. После этого партия раскололась; часть ее членов во главе с бывшим министром образования С. Николаенко перешли в партию «Справедливость», которая на последних президентских выборах поддержала лидера коммунистов Симоненко. Незадолго до этого партию покинул бывший руководитель международного комитета Верховной Рады, международный секретарь партии В. Шибко, во многом обеспечивавший связь партии с Социалистическим Интернационалом и Партией европейских социалистов. Очевидно, что в СПУ назрела смена руководства, т.к. ее нынешний лидер бессменно возглавляет партию с 1991 г., и у членов партии и украинского общества наступила некая усталость от этой, хотя в целом и интересной фигуры на политической карте Украины. Красноречивым доказательством подобной тенденции являются последние результаты партии и ее лидера на парламентских и президентских выборах. Сможет ли СПУ преодолеть этот глубочайший кризис и выйти из него обновленной, или в Украине будет востребован новый левоцентристский проект, покажут время и результаты ближайших парламентских выборов. Последние президентские выборы показали, что на политической арене Украины появились новые лица — Ю. Тигипко, А. Яценюк и др., которые получили значительную поддержку избирателей. Вполне вероятно, что

кто-то из новых политиков Украины захочет возглавить новый левоцентристский проект, придав украинским социалистам и социал-демократам второе дыхание.

В последнее десятилетие и Социнтерн (СИ), и Партия европейских социалистов (ПЕС) стараются по возможности поддерживать свои идеологических партнеров на пространстве СНГ. Следует отметить, что сегодня уже 8 таких партий входят в разном качестве в СИ: партия Дашнакцутюн (полноправный член), Социал-демократическая партия Азербайджана, Социал-демократическая партия Беларуси «Народная громада», Демократическая партия Молдовы и Социалистическая партия Украины (консультативные члены). Социал-демократическая партия Молдовы и партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ имеют статус наблюдателей. Это позволяет данным партиям активно сотрудничать с представителями мирового и европейского социалистического движения, участвовать во всех мероприятиях, проводимых Социнтерном и ПЕС, налаживать с партиями-членами этих организаций двусторонние связи и контакты. Например, в апреле 2008 г. руководитель фракции СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Государственной Думе Н. Левичев и Президент Группы социалистов в Европарламенте М. Шульц подписали в Брюсселе в стенах Европарламента Меморандум о взаимопонимании. В рамках этого Меморандума за прошедшие почти два года были проведены многочисленные конференции, круглые столы, заседания рабочих групп обеих фракций и в Брюсселе, и в Москве, что способствовало укреплению сотрудничества социал-демократов России и Европы.

С 2007 по 2009 г. в Москве партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ и близкий к ней Институт «Справедливый Мир» организовали и провели три Международных социалистических форума, в которых приняли участие многочисленные зарубежные специалисты и политики, в том числе представители Социалистического Интернационала и партии европейских социалистов. Форумы стали признанной в мире площадкой для обсуждения самых разных вопросов международного социалистического движения.

Сегодня можно констатировать, что большинство социалистических и социал-демократических партий стран СНГ сумели инкорпорироваться в международное социалистическое движение, что, несомненно, способствовало укреплению их позиций внутри своих стран. Однако радикально изменить их положение такое сотрудничество конечно же не смогло.

Укрепив свои позиции в международном социалистическом движении и свои связи с европейскими социалистами, социалисты и социал-демократы стран СНГ, как ни странно, до февраля 2010 года так и не смогли наладить полномасштабного сотрудничества друг с другом. В 2003 г. на предпоследнем XXII Конгрессе Социнтерна в Сан-Пауло (Бразилия) был создан Комитет по странам СНГ и Кавказа (взамен существовавшего до этого Комитета по странам Центральной и Восточной Европы), который возглавил председатель Венгерской социалистической партии (ВСП) Л. Ковач, вскоре передавший свои председательские полномочия депутату Европарламента от ВСП А. Доболи.

К сожалению, в период до следующего XXIII Конгресса Социнтерна, прошедшего в 2008 г. в Афинах (Греция), этот Комитет собирался лишь два раза: в декабре 2004 г. в Киеве и в мае 2005 г. в Москве. На Конгрессе Социнтерна в Афинах Комитет по странам СНГ и Кавказа был переименован в Комитет по странам СНГ, Кавказа и Черноморского бассейна. Сопредседателями нового Комитета стали А. Доболи и представитель партии Дашнакцутюн М. Налбандян, проживающий в Аргентине. В декабре 2008 г. состоялось первое и пока единственное заседание комитета в новом составе, которое прошло в Женеве в штаб-квартире ООН. Таким образом, следует констатировать, что Комитет Социнтерна, сыгравший несомненно позитивную роль в укреплении сотрудничества социалистических и социал-демократических партий стран СНГ, тем не менее не стал инструментом их реального постоянного партнерства.

Между тем практически все партии социалистической и социал-демократической направленности, действующие на

пространстве СНГ, неоднократно высказывались за расширение и укрепление сотрудничества между ними. Еще в 2001 г. по инициативе российских и украинских социал-демократов была предпринята попытка создать Восточно-европейский социал-демократический форум. В Минске даже прошло учредительное заседание этого форума, в котором приняли участие делегации социал-демократических партий Армении, Азербайджана, Беларуси (БСДП “Народная Община”, Партия труда и Белорусская женская партия “Надежда”), Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы, России (СДПР, РосСДП, Общероссийский движение “Новые левые”). На нем председателем форума был избран В. Медведчук из Украины, представлявший социал-демократическую партию Украины (объединенную), вице-председателем Б. Гуселетов (Российская объединенная социал-демократическая партия, а генеральным секретарем Н. Статкевич (Социал-демократическая партия Беларуси). Но к сожалению в силу ряда объективных и субъективных причин этот форум уже через год после своего создания практически прекратил свою деятельность.

Летом 2009 г. на четвертом съезде партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ представители социалистических и социал-демократических партий Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана выступили с инициативой создания организационного комитета взаимодействия социалистических, социал-демократических и левых партий стран СНГ. Эта инициатива была поддержана делегатами съезда.

В феврале 2010 г. в Москве прошло первое заседание форума социалистических и социал-демократических партий стран СНГ под лозунгом «Наша общая цель — справедливость и солидарность». В его работе приняли участие представители 14 партий социалистической и социал-демократической направленности из Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России и Украины. По итогам работы форума его участниками было принято заявление, в котором говорилось, что «только объединив усилия всех политических партий социалисти-

ческой направленности стран-членов Содружества Независимых Государств (СНГ) можно избавиться от искаженных представлений о социализме, сформировавшихся в общественном сознании в годы Советской власти; добиться того, чтобы социалистические идеалы и ценности, выработанные мировым социалистическим движением, стали близки и понятны народам наших стран... Наши партии способны внести существенный вклад в процесс сближения позиций наших стран по ключевым вопросам интеграционных процессов и поиска конструктивных решений на основе этических принципов межгосударственного сотрудничества, обеспечения социальной справедливости и учета интересов народов всех стран-членов СНГ». В этом же заявлении было отмечено, что участники форума решили для выработки совместной стратегии действий по ускорению интеграционных процессов на постсоветском пространстве на основе базовых социалистических принципов и координации совместных действий в соответствии с поставленными задачами сформировать на паритетных началах Межпартийный совет и Рабочую группу из представителей партий, участвовавших в этом первом заседании. Несомненно, эта инициатива социалистов и социал-демократов стран СНГ является крайне интересной и заслуживает самого пристального внимания, т.к. не секрет, что именно отсутствие политического и гражданского диалога на постсоветском пространстве, по мнению большинства политиков и экспертов, является главной проблемой дальнейшего развития и укрепления Содружества Независимых Государств.

Бойко С.И.*

Консервативные аспекты преодоления кризиса российской социал-демократической практики

Политические партии и движения по характеру поддерживаемых ценностей, убеждений, по политическим целям, программным документам, выражающим интересы существующих в обществе социальных групп, классов и сообществ, представляют, согласно классической политологической науке, три основные идеологии: либерализм, социализм и консерватизм. Естественно, что в практической политической деятельности каждая из трех идеологий представлена достаточно самостоятельными и концептуально различными течениями, например, коммунистическое и социал-демократическое в рамках идеологии социализма.

Социал-демократизм (демократический социализм) — идейно-политическое течение, в узком смысле — теория и практика политических партий, входящих в Социалистический интернационал. Внутри социал-демократии существуют национальные и региональные варианты («средиземноморская» или «скандинавская» модель). В реальной политике европейская социал-демократия отказывается от остатков наследия коммунистической (марксистской) идеологии и практики, делает акцент на позитивной роли государства (капиталистического, не диктатуры пролетариата и не советского, но социального, как в Конституции Испании, принятой в 1978 г.), на индивидуальную свободу, политический плюрализм, многообразие форм собственности, рыночные отношения. Фактически произошел отказ от лозунгов национализации, обобществления и других традиционных установок социал-демократии. Социал-демократы ратуют за постепенность, конкретность мер, так называемые «малые дела», осуществление которых ведет к социализму. Отдан приоритет «движению» пе-

* Бойко Сергей Иванович, кандидат политических наук, ведущий референт аппарата фракции «Единая Россия» в Государственной Думе Российской Федерации.

ред далекой абстрактной «целью», что находит отражение в политических программах европейских социал-демократических партий. Вместе с тем, конкретное событие может быть успешной PR-акцией, но не более того, например, борьба за повышение пенсий, стипендий и т.п. И именно здесь заложена одна из причин кризиса социал-демократии — отсутствует национальная идея; «малые дела» при всем их позитиве не способны воодушевлять большие социальные группы на длительное время, если перед нацией (государством) возникает масштабная задача (например, модернизация экономики России). За проблемой преодоления кризиса российской социал-демократии стоит проблема успеха российского демократического транзита, проблема строительства стабильного, устойчивого демократического политического режима с многопартийной системой. Представляется поэтому актуальным рассмотреть проблему кризиса социал-демократии с позиций прикладной политологии, политологической технологии и российской практики.

Современная политическая ситуация в России такова, что в глазах значительной части граждан социализм, коммунизм, социал-демократия оказались скомпрометированы в последние годы существования Советского Союза (реального социализма), а также и на последующем, начальном этапе российского государства, когда политический транзит к демократической многопартийной системе проходил хаотично, с большими материальными, социальными и политическими издержками. Не прибавил число сторонников социал-демократии на постсоветском пространстве, закончившийся развалом социалистического государства, политический дрейф последнего генерального секретаря ЦК КПСС и единственного президента СССР М.С. Горбачева — от коммунизма и советского социализма к социал-демократии с провозглашением примата общечеловеческих ценностей. Мир объективно разделен на суверенные государства и блоки государств, существует межгосударственная конкуренция, соревнование и противостояние наций в достижении более высокого уровня

жизни и устойчивых темпов социально-экономического роста. До начала XXI века российские политические партии, за исключением, причем достаточно условно, КПРФ, занимались тактикой и решением ближайших задач — боролись за голоса избирателей, за места в органах законодательной (представительной) власти, за доступ к государственному бюджету и влияние на политическое руководство страны, пренебрегая позиционированием на партийном спектре российской политической системы. «Левые» использовали в избирательных кампаниях «правую» риторику, теоретические постулаты и лозунги и наоборот.

Изменение расстановки политических сил в Государственной Думе РФ от созыва к созыву может служить отражением процесса эволюции к многопартийности в России. После выборов в Государственную Думу РФ III созыва в декабре 1999 г. впервые большинство получили депутаты, оппонирующие КПРФ, время открытого противостояния исполнительной и законодательной ветвей власти закончилось, шансы успеха демократического транзита возросли. Из 9 депутатских групп и фракций, группы независимых депутатов (59 чел.), фракция КПРФ (83 чел.) могла рассчитывать только на голоса фактически своего филиала — левоцентристской агропромышленной группы (43 чел.) и части «независимых» депутатов — максимум 140 чел. (30% голосов). Количество политических партий в то время в России превышало 50. В Государственной Думе IV созыва фракций осталось 5, плюс 32 «независимых» депутата. Фракция «Единая Россия» составляла устойчивое конституционное большинство (302 чел.). Так или иначе, итоги выборов показали, что население страны постепенно возвращается от пассионарности и интернационализма к традиционным человеческим ценностям, превалирует желание благополучной, стабильной и предсказуемой обозримой перспективы как для себя, так и для своих потомков.

В результате легитимных изменений в избирательном законодательстве, последовательной модификации партийной системы в настоящее время в Минюсте РФ зарегистрировано 7 партий, 4

из них представлены в Государственной Думе РФ: «Единая Россия» — 315 (70%) мест, КПРФ — 57 (12,7%), ЛДПР — 40 (8,9%), СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — 38 (8,4%). Вроде бы внешне в Государственной Думе РФ представлен весь политический спектр, кроме крайних либералов — приверженцев экономического либерализма. Доминирование «Единой России» на парламентском поле дало возможность в СМИ называть её «партией власти», в то время как структуры исполнительной власти по всей иерархии от федерального уровня до местного самоуправления формируются несколько иначе, без прямых партийных решений. Поэтому «Единая Россия» — партия парламентского большинства с возможностью консультативного, совещательного (вариативного — как в случае с правом представления президенту страны альтернативных кандидатур на должности губернаторов) участия в государственной кадровой политике.

Современные политические партии постепенно становятся по преимуществу инструментом для победы на выборах. Вне зависимости от идеологии внутренние организационные структуры (аппараты) российских партий похожи и нацелены на постоянное проведение PR-акций во время избирательных кампаний (подобие синусоиды «март — октябрь» согласно законодательству о выборах). Стратегические цели отступают на второй план.

И все же политическая борьба заставила новые политические партии, добившиеся мест в Государственной Думе РФ после 2000 г., определить свое положение в политическом спектре. Так, для партии «Единая Россия» заявления (по примеру сторонников Шарля де Голля во Франции): «Мы поддерживаем курс президента В.В. Путина», — оказалось недостаточно. В течение 10-ти лет партия «Единая Россия», понимая, что остальные политические идеологии в ближайшей исторической ретроспективе в России скомпрометированы, постепенно обосновывала свою идеологию как идеологию российского консерватизма. В то же время росло понимание, что особого внимания требует социальный консерватизм, так как партия большинства объективно в глазах изби-

рателей становится главным ответственным за успехи и неудачи в социальном и экономическом развитии.

Одна из форм проявления специфики партийного строительства, российская специфика демократического транзита — это участие структур государственного политического и административного управления в партийном строительстве, создание государством условий для эффективного функционирования многопартийной системы. Представляется, что с учетом политической культуры и политической истории России такое положение предпочтительнее, чем искусственное, в соответствии с теоретическими моделями классической демократии самоустранение государственных структур от регулирования процессов строительства многопартийной системы. Вопрос, как всегда, в мере, в соразмерности интересам демократического транзита, политической стабильности и устойчивого социального развития, в границах, соответствующих нормам демократического политического режима и национальным традициям участия. Не секрет, почему от Законодательного собрания Санкт-Петербурга, где преобладают депутаты от партии «Единая Россия», в Совет Федерации избран С.М. Миронов, председатель СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ. Вообще, вопрос развития многопартийности от федерального центра вниз по вертикали к субъектам Федерации и до органов местного самоуправления ждет своего решения. Представляется, что одна из главных проблем здесь — проблема административного ресурса, тесно связанная с проблемой партийной принадлежности и равной удалённости от политических партий государственных служащих исполнительного (административного) уровня в субъектах Федерации и муниципальных служащих. Возможным путем решения может быть регламентация политической активности государственных служащих по примеру законодательства Германии и Испании.

В связи с анализируемой темой прикладной политологии попробуем найти точки соприкосновения консерватизма и демократического социализма, те аспекты, которые могли бы быть

использованы в российской политической действительности с учетом особенностей национального социально-политического ландшафта. Именно консерватизм, в силу своей опоры на традиции, является по своему характеру идеологией национальной. На эту особенность обратил внимание русский консерватор К.Н. Леонтьев. Он писал, что «охранение у всякой нации свое, у турка — турецкое, у англичанина — английское, у русского — русское; а либерализм у всех один».

Поэтому для сохранения многопартийного представительства в законодательных (представительных) органах власти единственной парламентской партии социалистического толка акцент необходимо делать не на социалистические или социал-демократические ценности, а на социальное государство, провозглашенное в Конституции Российской Федерации. Не только справедливость, но другие традиционные для граждан России (как правило, независимо от их этнической или национальной принадлежности) жизненно важные ориентиры и постулаты: семья, коллективизм, скептицизм к индивидуализму, так как в сложных географических и климатических условиях России одному выжить сложно; понимание значения для жизни народа сильного государства, отсюда — уважение к институтам государственной власти. Дело не в зависимом от высшей власти менталитете населения, в его якобы российской ущербности. Современной российской интеллигенции пора бы избавиться от часто проявляемого высокомерия в отношении национального самосознания собственного народа. Можно находиться в оппозиции к государственной власти; это традиционно для интеллигенции. В оппозиции к народу находиться — это позиция не конструктивная и малоперспективная, не обвинять надо избирателя, а убеждать и работать с ним. Других избирателей, перефразируя слова известного политика не столь давнего прошлого, в России нет. Примером служит судьба партии «Яблоко», которая фактически представляет собой партию российской интеллигенции и, несмотря на многочисленные попытки, не смогла создать коалицию с партиями правой части политического

спектра. Российская интеллигенция исторически тяготеет к демократическому социализму. В составе среднего класса, весьма разнородного по профессиональному и имущественному составу, именно интеллигенция является перспективной базой для социал-демократического движения. Традиционная оппозиционность и демократичность интеллигенции — та струна, на которой может попробовать с успехом «поиграть» российская социал-демократия. Когда кризис либеральных концепций глобального развития состоялся, акцент в практической работе от интернационализма и социализма в современных условиях надо перенести на прагматизм, на поддержку национальных интересов. «Мы не хотим никому делать плохо, мы хотим себе сделать хорошо», — так ответил В.В. Путин на пресс-конференции в Финляндии о позиции России по пошлинам на вывоз необработанной древесины.

Кроме того, актуальный социальный традиционализм и совершенствование социального государства. Значительная часть интеллигенции проживает в малых городах, в сельской местности, по образу жизни, происхождению и менталитету близка к тем социальным группам, которые поддерживали социал-демократические движения и партии в первые годы становления российской политической системы. Соединение естественного консерватизма и традиционализма жителей небольших городов и сельских поселений с их же естественной тягой к коллективизму, даже к общинности, к справедливой, по их мнению, организации общественного самоуправления и органов государственной власти может дать положительный эффект для укрепления социал-демократического фланга российского политического спектра и способствовать успеху политического демократического транзита.

Современный гражданин России по преимуществу ориентируется не на программы, идеологии, а на лидера, которому он доверяет и на которого рассчитывает. Поэтому и проявляется столь рельефно специфика российской политической жизни — все партии поддерживают Президента РФ Д.А. Медведева, а также практически все действия председателя Правительства РФ В.В. Путина.

В настоящее время такое положение предпочтительнее для политической стабильности, так как в не столь отдаленном прошлом Коммунистическая партия в СССР стояла над государством. Сейчас политическим партиям вне зависимости от идеологии надо привыкать функционировать в государстве, в случае необходимости быть конструктивной, а не революционной оппозицией. Совершенно правильно, что первые лица российского государства не вступают в политические партии.

Политическая партия «Единая Россия» даже после того как присоединила к себе Народную партию, затем Аграрную партию, создала внутри себя три клуба (социально-консервативный, либерально-консервативный, государственно-патриотический), является партией парламентского большинства и партией своего лидера, председателя правительства В.В. Путина — объективно в условиях многопартийной демократической политической системы не сможет дать исчерпывающий ответ на чаяния и надежды всех социальных групп российского общества. В российской системе управления общественными отношениями остаётся достаточно места и другим политическим партиям. Вопрос состоит лишь в эффективности использования имеющегося социального и политического ресурса. Тем более что современное российское законодательство и субъекты законодательной инициативы на стороне политического плюрализма.

А.П. Филиппов*

Современная социал-демократия: позиция коммунистов

Все политические силы действуют в сложных условиях всемирного экономического кризиса и определяют тактику и стратегию своей деятельности, исходя из идеологии и роли, которую они играют в своих странах. Создается впечатление, что социал-демократы были не готовы к такой ситуации. По крайней мере, за два года они не смогли ответить на целый ряд вопросов, чтобы иметь основание четко представить их позицию. Они не могли ответить на вопрос: является ли кризис системным, или же это фаза развития капиталистической системы. Растерянность социал-демократов в определенной степени связана и с тем, что новый глава американской администрации ультра-либерал Б.Обама в условиях кризиса стал принимать меры по усилению роли государства, которые многие аналитики поспешили называть чуть ли не социалистическими. Трудно определить, под какими лозунгами социал-демократы борются с последствиями кризиса. В отличие от них коммунисты четко определили, что это кризис системный, не только финансовый, но и социальный, продовольственный, энергетический, окружающей среды и т.д. Это кризис мирового капитализма.

Свои оценки кризису компартии дали как в решениях и резолюциях съездов и пленумов, так и в совместных документах. Так, в Совместной декларации 11-й Международной Встречи коммунистических и рабочих партий, состоявшейся в Дели в ноябре 2009 г., было заявлено: «Нынешний глобальный кризис является системным кризисом капитализма, демонстрирующим его историческую ограниченность. Кризис выявляет обострение основного противоречия капитализма между общественной природой производства и индивидуальным характером капиталистического присвоения. Политические представители капитала пытаются

* Филиппов Андрей Петрович, заведующий Международным отделом ЦК КПРФ

скрыть это неразрешимое противоречие между трудом и капиталом, составляющим основу кризиса.

Верные своей классовой природе соответствующие правительства, пытаясь преодолеть кризис, терпят неудачу в решении этих фундаментальных проблем. Все приверженцы неолиберальной и социал-демократической модели управления капиталистической системой, прежде так рьяно осуждавшие роль государства, ныне прибегают к его рычагам во имя своего спасения, тем самым подчеркивая главное — капиталистическое государство всегда защищало и расширяло пути к извлечению сверхприбыли.

В этих условиях коммунистические и рабочие партии будут решительно содействовать объединению и мобилизации самых широких народных масс в борьбе за полную и стабильную занятость, исключительно общественное и бесплатное для всех здравоохранение, образование, социальное обеспечение, против неравенства полов и за защиту прав всех трудящихся, включая молодежь, женщин, рабочих-мигрантов и представителей этнических групп и национальных меньшинств».

Среди требований также: введение налога Тобина на спекулятивный капитал, противодействие приватизации системы социального обеспечения, решительный протест против политики упразднения коллективных договоров.

Что касается политики социал-демократов, то компартии считают, что они продолжают сеять иллюзии относительно истинного нрава капитализма, продвигая лозунги типа «гуманизация капитализма», «регулирование», «мировое правление» и т.д. На деле же они играют на руку капиталу, отрицая классовую борьбу, поддерживая антинародную политику.

В этих условиях проходила предвыборная гонка в Европарламент в прошлом году. Сегодня нам известны ее результаты: усиление правых в Европарламенте, исключительно низкая явка избирателей и большие потери социал-демократов. Нынешний кризис помог европейцам задуматься над вопросом: что это за социалисты, которые поддержали агрессию в Югославии, в Ираке

и Афганистане, отдали европейскую экономику в руки транснациональных корпораций и проводили монетаристский финансовый курс, приведший на грань развала капиталистическую экономику. Нынешние социалисты давно забыли о социализме, за что и были наказаны своими избирателями. По-другому очевидно, быть не могло, потому что даже накануне выборов европейские социалисты на своем съезде в Тулузе обсуждали не конкретные акции по защите трудящихся, а вели дискуссию о том, кто будет выдвинут на пост президента Еврокомиссии.

Среди предлагаемых тем для обсуждения на нашей конференции есть вопрос об отношениях с пост-коммунистическими и лево-социалистическими партиями Европы: соперничество или партнерство. Нам кажется, что партнерства с ними быть не может. По крайней мере, на данном этапе мы не видим готовности к такому партнерству со стороны социал-демократов. В качестве примера можно привести ситуацию, которая сложилась в Чехии. В парламенте соотношение сил между правыми, с одной стороны, и социал-демократами и коммунистами — с другой, 50 на 50. Были ситуации, когда их партнерство могло привести к сдвигу влево в этой стране по таким вопросам, как доверие к правительству, размещение элементов американских ПРО. Однако местные социал-демократы выступают категорически против возможной коалиции.

Другой пример — ФРГ. Взаимоотношения между СДПГ и Лево-й партией в бундестаге никак нельзя назвать партнерскими. Вместе с тем отдельные примеры на земельном уровне показывают возможность достижения позитивных результатов в реализации социальной политики. Такие примеры можно найти и в ряде других стран.

О каком партнерстве или взаимодействии может идти речь, когда социал-демократы занимают подчас позиции, сходные с позициями правых и крайне-правых по ряду вопросов, касающихся непосредственно нашей страны? Речь идет о компании, которая развернута во многих европейских странах, по фальсификации

истории Второй мировой войны, искажению роли нашей страны в победе над фашизмом. Хотел бы напомнить, что эта компания началась в 2005–2006 гг. с обсуждения доклада шведского консерватора Линдблада на Парламентской ассамблее Совета Европы. Однако в 2008 г. по инициативе депутатов социалистической группы в Европарламенте эта тема была реанимирована и стала расползаться по европейскому континенту. Не может не вызвать недоумения и чувства протеста отождествление фашистской и советской систем, которое содержалось в документах, инициированных депутатами от социалистической группы. Все помнят, что фашистские режимы жестоко преследовали и коммунистов, и социал-демократов. А само возрождение социал-демократического движения и возобновление деятельности Социнтерна явилось результатом великой победы над фашизмом, огромный вклад в которую внес Советский Союз.

Наша партия вынуждена была обратиться к председателю Социнтерна г-ну Папандреу с письмом и предложить совместно противостоять и бороться против попыток переписать историю, реабилитировать фашизм и героизировать приспешников фашизма, что, к великому сожалению, имеет место в современной Европе. Однако ответа мы не дождались, хотя точно знаем, что председатель СИ получил и прочитал наше послание. Более того, последние события говорят о том, что социал-демократы продолжают следовать прежнему курсу. Здесь и их позиция в ПА ОБСЕ, и ряд других резолюций в Европейском парламенте, и т.д.

Вдумайтесь, о чем говорится в одной из подобных резолюций: «Мы призываем правительства и парламенты государств-участников полностью избавиться от структур и моделей поведения, нацеленных на то, чтобы приукрасить тоталитарное правление, попытаться к нему вернуться или же стремиться продолжить его существование». За этой витиеватой фразой содержится осуждение Парада Победы в Москве, запрещение в законодательном порядке традиционных символов рабочего движения — звезды, серпа и молота и другой «коммунистической» символики в ряде

европейских стран (Чехия, Польша, Венгрия, страны Балтии). И ни одна социалистическая или социал-демократическая партия не выступила против этой вакханалии.

Что касается нас, коммунистов, то мы ответственно можем сказать, что только коммунистические партии активно противодействуют этой антисоветской, антироссийской кампании. В июле прошлого года совместное заявление коммунистических и рабочих партий с осуждением резолюций ПА ОБСЕ подписали 74 партии. В начале февраля этого года в Брюсселе состоялась встреча европейских коммунистических и рабочих партий по образованию, где всесторонне были рассмотрены вопросы фальсификации истории Второй мировой войны в школах и вузах Европы. Представители 24 партий решительно осудили политику в области образования, которая сознательно извращает историю.

Нынешний кризис в социал-демократии имеет множество проявлений. Тем не менее перед лицом современных вызовов мы готовы к партнерству, но оно должно быть равноправным и взаимоуважительным.

Великая Н.М.

Эко-социализм в современном политическом дискурсе: глобальная социал-демократия против политики глобализма

В настоящее время левое движение переживает своеобразный ренессанс, сопровождающийся актуализацией социалистических идеологий и ценностей. Этот процесс охватил не только традиционно левую Латинскую Америку, но и благополучную Европу, а также страны Восточной Европы, которые, казалось бы, надолго получили прививку от социализма. Пути развития левой идеологии в разных регионах различны. В Латинской Америке приоритеты социалистических партий связаны с национализацией экономики и повышении ее независимости от иностранного капитала. В Западной Европе социалисты в ходе компромиссов с нео-либералами и нео-консерваторами пришли к идеологии «третьего пути» (манифест Блейера-Шредера). В странах пост-социалистического пространства главной идеей становится восстановление социальной справедливости и возвращение к идеям патерналистского государства как аналога социального.

Самороспуск социализма (Ж.Бодрийяр) в конце XX века положил начало деконструкции «левой модели» организации социума «для всех» и расширение конструктивного влияния «правого» – для каждого. Другими словами, была снята главная оппозиция в ценностных и идеологических ориентациях.

Эпоха глобализации породила новые оппозиции, новые линии разлома и противостояния, которые определяют как ход политического процесса, так и содержание политического дискурса. Мы имеем в виду оппозицию двух идеалов: жизни общества «для себя» (до-экологического сознания) и идеологии устойчивого развития (sustainable development), основанной на экологическом сознании.

Глобализация и экологический кризис

Известный левый философ Славой Жижек, отвечая на вопрос о наличии действительно глубоких антагонизмов мирового капитализма, называет четыре антагонизма, которые могут помешать воспроизводству современного глобального капитализма: это нарастающая угроза экологической катастрофы; несоответствие традиционных стандартов частной собственности требованиям интеллектуальной собственности; социально-этические проблемы, порождаемые научно-техническим развитием, особенно в области биогенетики; новые формы социального апартеида, новые разделяющие людей стены*.

Многие экологические и техногенные катастрофы имеют в основе своей социоприродную детерминированность: антропогенное воздействие на среду обитания, использование, потребление природно-ресурсного потенциала. Перспектива решения локальных проблем окружающей среды (концентрации озона, углекислого газа, загрязнения почвы и атмосферы) также остается сложной. По существу, возможность экологического кризиса поставила под сомнение необходимость и возможность неограниченного экономического роста и потребовала поисков схем производства, распределения и потребления, которые не истощали бы природу и человека.

Речь идет об изменении способа мышления и жизнесуществования всего человечества. И сделать это впервые предстоит не в силу материальных интересов или утопических идей, а в силу осознания глобальных опасностей, грозящих прекратить развитие самой мировой цивилизации. Подписание в Рио «AAGenda 21» представителями 179 государств было результатом признания того факта, что характер экономического развития человечества должен быть изменен, иначе его ждет гибель, необходимо в интересах устойчивого развития осуществить программу совместных действий «Повестка дня на XXI век», предусматривающую 2500

* Жижек С. Начать сначала. [Электронный ресурс] // Электронный журнал социалист. 11.07.09. Режим доступа: <http://socialistinfo.ru/apriori/291.html>.

видов согласованной совместной деятельности в ста пятидесяти областях. Политическим и организационным инструментом реализации «Повестки» в каждой стране должны стать национальные стратегии устойчивого развития, которые разрабатываются с широким участием общественности, включая и неправительственные организации.

Однако пока становление экологического сознания несколько отстает по темпам от нарастания экологического кризиса, что требует принятия дополнительных соглашений как на международном, так и на национальном уровнях.

В 2005 г. ЮНЕСКО провозгласило Декаду ООН по Образованию для Устойчивого развития (2005-2014 гг). Образование рассматривается как один из ключевых факторов достижения устойчивости. Цели объявленной десятилетки — содействие средствами образования решению проблем бедности, сохранения разнообразия, качества окружающей среды, здоровья населения и изменения «работы с будущим».

Тема устойчивого развития стала центральной для многих общественных и политических организаций международного, регионального, субрегионального и локального уровней. Естественно, что социал-демократия, оставаясь одним из наиболее значимых акторов мировой политики, активно включилась в поиски решения этой проблемы.

Стратегии социальной солидарности в условиях глобализации

Последние поражения европейских социалистов как на национальных выборах, так и на выборах в Европарламент, вынуждают их искать альтернативу философии малых дел, исповедуемую социал-демократами и «зелеными» в конце XX века. Очевидно, что им предстоит выработать и со своей стороны предложить новую программу в контексте разворачивающихся процессов глобализации.

Глобализация, в том числе с точки зрения социалистов, характеризуется возрастающим влиянием международных организаций

на социально-экономическое, хозяйственное, культурное развитие мирового сообщества, что ограничивает роль национальных правительств в регулировании многих аспектов жизни на находящихся под их властью территориях. В этом смысле, процессы глобализации вступают в конфликт с таким ключевым компонентом либеральной демократии как подотчетность гражданам избранных ими органов власти, возможность граждан влиять на процесс принятия политических решений. Невысокий интерес к выборам в Европарламент, и низкая явка на эти выборы — лишь один из симптомов наметившегося явления.

И хотя национальные правительства не теряют своей традиционной роли, как ожидалось в конце XX века и многие авторы по-прежнему рассматривают национальное государство как важный актор современности*, все же на фоне утраты национального суверенитета формируется новый тип суверенитета, т.н. суверенитета империи (по Негри) без территории и центра, но по-прежнему удерживающего право принятия решения о применении насилия в исключительной ситуации**.

Политика глобализма (Новая имперская власть) включая (inclusion) самые разные элементы в общий «плавильный котел» нового мирового порядка, воспроизводит неравенство и дискриминацию, обеспечивает бюрократическое управление системой, (management), пронизывающее все уровни и все границы. Этот процесс имеет и другую сторону — создается армия детерриториализованной, мигрирующей рабочей силы, которую Негри и Хардт называют новым «пролетариатом», «контр-Империей», которые могут и должны стремиться к мировой республике***.

Этот новый пролетариат, включенный в новые формы протестных движений, может стать одной из сил, дестабилизирующих

* Appadurai, A. (ed.) *Globalization*. Durham, 2001; Appadurai, A. *Fear of Small Numbers*. Durham, 2006.

** Hardt, M. and Negri, A. *Empire* Cambridge, Massachusetts/London, England: Harvard University Press, 2002.

*** Ibid.

современную западную социальную систему. Протестное движение в мире приобретает новые формы, имеет иную социальную базу, распространяется в разных уголках земного шара*.

Для социалистического движения — основной принцип борьбы с глобализацией, а точнее, с политикой — социальная справедливость, принцип, который последовательно разработан и реализован в проектах социалистических и социал-демократических партий. Учитывая их роль как парламентских и правящих партий, можно говорить о возможностях социалистов предложить новую архитектуру международных отношений, где активными акторами становятся не только существующие субъекты международного права, но и институты глобального гражданского общества, вплоть до реформы ООН**.

Новые отношения в глобальной экономике и глобальной политике особенно актуализировались в публичном дискурсе в связи с кризисом, который стал центральной темой ряда важнейших политических встреч и мероприятий социалистического движения мира и Европы.

В Мадриде 1 декабря 2008 г. на заседании Совета ПЕС в преддверии июньских выборов в Европарламент был принят МАНИФЕСТ Партии Европейских Социалистов***, основной темой которого стал анализ причин кризиса и выработка предложений по выходу из него. В Манифесте красной нитью проходит тема дихотомии консервативной и прогрессивной Европы. «Консерваторы верят в рыночное общество и дают возможность богатым стать еще богаче в ущерб остальным. Мы верим в социальную рыночную экономику, которая позволит каждому члену общества максимально использовать возможности глобализации. Мы

* *Donatella della Porta*, editor. *The Global Justice Movement: Cross-national and Transnational Perspectives*, Edited by Boulder: Paradigm Publishers, 2007.

** *Reforming the united nations for a new global agenda*. Paper was prepared by the Socialist International High-level Group on United Nations Reform, 2005.

*** PES Manifesto, 2009. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Партии европейских социалистов. URL: http://www.pes.org/files/u1/ManifestoBook_EN_Online.pdf.

верим в солидарность между поколениями, а не в индивидуализм правого толка».

Социалисты рассматривают Евросоюз как важнейший механизм сплочения в эпоху глобализации, дающим странам Европы большие преимущества в решении глобальных проблем, последствия которых сказываются на локальном уровне.

Однако акценты по сравнению с последними десятилетиями смещаются, само название Манифеста говорит за себя — «Сначала люди. Новый путь для Европы». В центр экономической политики ставится человек и его благополучие, а справедливое общество, которое намерены строить евро-социалисты - это *общество, ориентированное в первую очередь на людей*. «Новый социализм в Европе — это справедливое соблюдение прав граждан, независимо от их положения и места рождения. Мы можем решить проблему неравенства, делая в европейском сотрудничестве акцент на улучшении жизни людей»*.

Дискредитация старых неолиберальных догм вызвала к жизни новую версию кейнсианства и в политике, и в науке. Эта новая модель кейнсианства предполагает выработку нового типа партнерства, основанного на концепции устойчивого развития, индустриальной политике, росте и высоких зарплатах, справедливом распределении ресурсов.

Учитывая системность и включенность социалистического движения в мировую политику, становится понятным возникновение предположения о новом консенсусе западных элит, который может состояться в форме гибрида европейской социал-демократии и социального либерализма «нового курса», который Уолден Белло назвал «глобальной социал-демократией»**.

Концепция глобальной социал-демократии в известном смысле является оппозицией, а точнее альтернативой «неолиберальной глобализации». Она не отрицает глобализации, исходит из ее

* Ibid.

** Bello, W. (2008). The coming Capitalist consensus [Электронный ресурс] / Foreign police in focus. December 24, 2008. URL: <http://www.fpfif.org/fpfifxt/5765>).

благотворности в целом и из необходимости изменения политики нео-либералов, в первую очередь на основе более справедливого распределения ресурсов, когда социальная политика интеграции должна быть связана с интеграцией рынков и финансов.

Среди основных принципов, которых придерживаются сторонники глобальной социал-демократии, можно выделить следующие:

- Экономическое развитие и справедливость могут вступать в конфликт, и в этом случае приоритет необходимо отдать справедливости.
- Свободная торговля в долгосрочной перспективе может быть не такой уж благотворной и оставлять большинство в бедности: поэтому важно, чтобы торговые соглашения были подчинены социальным и экологическим условиям.
- Необходима реформа международных финансовых институтов и торговых соглашений.
- Глобальная социальная интеграция должны сопутствовать глобальной рыночной интеграции.
- Военные акции для решения проблем должны уступить место дипломатии и «мягкой силе», хотя и следует предпринимать гуманитарные военные вмешательства в ситуациях когда имеет место геноцид.
- Необходимо преодолевать нищету в беднейших регионах мира, прежде всего путем осуществления т.н. «второй зеленой революции».
- Военная сила в решения глобальных проблем безопасности должна быть заменена на мероприятия в русле «мягкой силы» и дипломатию.

Концепция устойчивого развития: позиция социалистов

Отдельная тема глобальной социал-демократии — это проблема устойчивого развития и экологической безопасности. Эта проблематика активно изучается как в Социнтерне, где была создана специальная Комиссия по устойчивому развитию ми-

рового сообщества, так и в многочисленных аффилированных и дружеских организаций Социнтерна, а также в рамках деятельности Глобального Прогрессивного Форума. Возникло течение и политика «зеленого кейнсианства» (“Green Keynesianism”) или «зеленого капитализма» (“Green Capitalism”).

Комиссия Социнтерна по устойчивому развитию мирового сообщества исходит из того, что мировому сообществу необходима новая архитектура международных отношений, где риски и выгоды от экономической и производственной деятельности справедливо распределяются между всеми субъектами политики, что необходимо унифицировать национальные природоохранные законодательства и регулятивные меры, которые лягут в основу пост-киотских соглашений.

Привлекая экспертов, ученых, политиков и государственных деятелей, Комиссия предлагает социалистическому движению собственное видение решения проблемы экологического кризиса*.

Социалисты признают, что во многом критическая ситуация в современном глобальном мире связана с кризисным характером отношений между промышленно развитыми странами и остальным миром, что не позволительно более игнорировать глобальные проблемы бедности, дефицита энергии, пресной воды, опустынивания и уничтожения лесов, утраты биологического разнообразия, защиты окружающей среды.

Заметим, что деятельность социалистов в Европе в этой области была довольно продуктивной. Страны Европы не просто соблюдают все обязательство по киотскому протоколу, но и превышают их. В последние годы в Европе активно финансируются проекты по поиску альтернативных источников энергии. Но главное, Европа остается первым регионом, где удалось добиться формирования действительно экологического сознания в массовом масштабе.

* From a High Carbon Economy to a Low Carbon Society. SWS commission report [Электронный ресурс] // Официальный сайт Социалистического Интернационала. Режим доступа: <http://www.socialistinternational.org/viewArticle.cfm?ArticleID=2032>.

Проблема решается не только на глобальном уровне, но и в региональных организациях социалистов и социал-демократов. Так, например, проблемы устойчивого развития Балтийского региона и стран Балтии являются предметом пристального внимания организации SAMAK, объединяющей партии и профсоюзы социалистической ориентации стран Балтии.

Социалисты признают тот факт, что бедность и разрушение окружающей среды становятся одной из важнейших проблем мирового сообщества. И ответственность развитых индустриальных стран должна быть выше, чем развивающихся. При этом в рамках «Целей развития тысячелетия» Север должен запустить масштабную программу помощи, или «План Маршалла» для Юга, обеспечить значительные инвестиции в то, чтобы направить глобальную экономику по пути большего благоприятствования экологии. Важно, что решение этих проблем видится в контексте реализации принципа справедливости и взаимной ответственности, когда основную нагрузку по сокращению загрязнения, парниковых газов должны брать на себя развитые страны.

Международное социалистическое движение сегодня становится одним из системных политических движений, претендующим на серьезную роль в национальных и международных общественно-политических структурах. Можно сказать, что оно становится важнейшим институтом глобального гражданского общества, оказывающем противодействие антигуманной политике глобализма и деятельности ряда международных организаций.

Социалистические партии, организации и движения все больше претендуют сегодня на роль главного «субъективного фактора» создания более прогрессивного «посткапиталистического общества». Очевидно, что примитивный «зеленый фундаментализм» в современном мире бессилен. От того, насколько адекватный ответ предложат социал-демократы на глобальные вызовы возможного экологического кризиса, зависит перспективы этого движения в ближайшем будущем.

Массово-политическое издание

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Материалы международной
научно-практической конференции
«Кризис европейской социал-демократии:
причины, формы проявления,
пути преодоления»

Москва, 19 апреля 2010 г.

Редколлегия сборника: *д.и.н. В.Я.Швейцер* (отв. редактор),
к.т.н. Б.П.Гуселетов, к.и.н. Н.С.Плевако, д.ф.н. В.Н. Шевченко
Корректор *Е.Я. Лугинская*
Компьютерная верстка *Т. С. Дорофеева*

Подписано в печать 19.04.2010
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 16,5
Тираж 300 экз.

